

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 4 (44)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Афанасьева О. В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И. А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И. А.

доктор филологических наук, доцент

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбук Е. Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С. А.

доктор филологических наук, профессор

Кафтанджиев Христо

доктор филологии, почетный доктор, профессор (Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

Курдюмов В. А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И. И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнева Е. Р.

доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

Прохоров Ю. Е.

доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Радченко О. А.

доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г. И.

доктор филологических наук, доцент

Сагаз Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В. А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О. А.

доктор филологических наук, профессор

Сурьянараян Нилакши

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

Тышковска-Каспиак Эльжбета

доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет, Польша)

Чернявская В. Е.

доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О. Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н. В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е. С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Меркулова М. Г. Метамодернизм в новелле И. Макьюэна
«Таракан»7
- Быстрова О. В. Мемуары о Максиме Горьком как проблема
изучения литературного процесса XX века16
- Матвеева И. И. Семиотическое пространство повести
М. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера»26

Русистика. Германистика. Романистика

- Чупрына О. Г., Каменская А. А. Англоязычный текстовый
принт как продвигающий текст38
- Пастухов А. Г. Передовая статья (Leitartikel) в свете теории
немецкого медийного жанроведения50
- Петрова И. М. Контекстуальный анализ вариативности
биномов, обозначающих участников институционального
взаимодействия, в русском и английском языках64

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Штатская Т. В. Системная организация интенсификаторов
глагольного действия в современном французском языке
и особенности их сочетания73
- Водяницкая А. А. Аксиологический потенциал названий
выставок университетской библиотеки как составляющей
образовательного дискурса81

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Федянина В. А., Деркач А. В., Мизгулина М. Н.
Проектирование языкового портфеля для изучающих
японский язык (уровни А1 и А2)92

Громова А. В. О ценности литературы: круг чтения студентов-филологов МГПУ	101
Румак Н. Г. О расширении критериев отбора литературы для внеклассного чтения.....	110

Слово молодым ученым

Любеева С. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро.....	123
Терешонок Е. В. Религиозно-философская проблематика в рассказе В. П. Астафьева «Божий Промысел» и в очерке В. П. Распутина «На Афоне».....	130
Мозесон А. Ю. Языковая концептуализация жертвенности в романе Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники».....	138

Критика. Рецензии. Библиография

Романова Г. И. Литература русского зарубежья: обзор материалов коллективной монографии «Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты» (Вроцлав; Краков, 2021).....	147
Горбунов Ю. И. Рецензия на: С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова. Теория языка: антропологистика: учебное пособие. М. : Издательский дом ВКН; 2021. 256 с.	153
Калашников С. Б. Межкультурные связи в современном мире: о международном научном проекте «Русские писатели-классики и национальные литературы» (2009–2021), Ереванский государственный университет им. В. Я. Брюсова, Армения.....	162
Требования к оформлению статей.....	166

CONTENTS

Literary Science

- Merkulova M. G. Metamodernism in I. McEwan's Novella
The Cockroach.....7
- Bystrova O. V. Memoirs about Maxim Gorky as an Angle
of Studying XX Centure Literature..... 16
- Matveeva I. I. Semiotic Space of M. Kozyrev's Novel
The Fifth Journey of Lemuel Gulliver's.....26

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Chupryna O. G., Kamenskay A. A. English Text Print
as a Promotion Text..... 38
- Pastukhov A. G. Leading Article (Leitartikel) in the Theory
of German Media Genres 50
- Petrova I. M. Contextual Analysis of the Variability
of Binomials Denoting Participants in Institutional Interaction
in Russian and English 64

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Shtatskaya T. V. The System Organization of Verbal Action
Intensifiers in Modern French Language and Features
of Their Combination 73
- Vodyanitskaya A. A. University Library Exhibitions
Through the Prism of Axiology in the Framework
of Educational Discourse 81

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Fedianina V. A., Derkach A. V., Mizgulina M. N.
Designing Language Portfolio for Japanese Language
Learners (Levels A1 and A2) 92

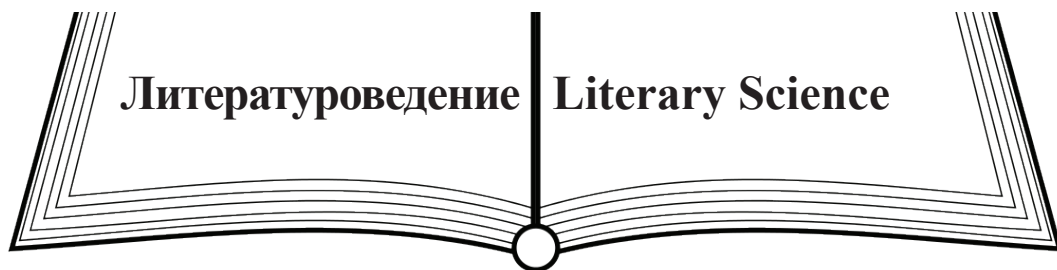
Gromova A. V. On Emphasizing the Value of Literature: the Reading Circle of MCU Philology Students	101
Rumak N. G. On Widening the Choice of Extracurricular Reading Items.....	110

Young Scientists' Platform

Lyubeeva S. V. Phenomenon of Intergenerational Transmission of Mental Trauma in K. Ishiguro's Debut Works.....	123
Tereshonok E. V. Religious and Philosophical Issues in the Story of V. P. Astafiev <i>Divine Providence</i> and in the Essay of V. P. Rasputin <i>On Athos</i>	130
Mozeson A. Yu. Linguistic Conceptualization of Sacrifice in D. H. Lawrence's Novel <i>Sons and Lovers</i>	138

Criticism. Reviews. Bibliography

Romanova G. I. Literature of the Russian Emigration: a Review of the Monograph <i>Other Sides of Russian Literature and Culture: Ideas, Poetics, Contexts</i> (Wroclaw; Krakow, 2021)	147
Gorbunov Yu. I. Review of: S. V. Grinev-Grinevich, E. A. Sorokin, L. G. Vikulova. Language Theory: Anthropolinguistics: Textbook. M.: VKN Publishing House, 2021. 256 s.	153
Kalashnikov S. B. Intercultural Relations in the Modern World: Regarding the International Scientific Project <i>Russian Writers-Classics and National Literatures (2009–2021)</i> , Yerevan State University Named after V. Ya. Bryusov, Armenia.....	162
Requirements for the Style of Articles.....	166

Научная статья
УДК: 82-311.1
DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.01

МЕТАМОДЕРНИЗМ В НОВЕЛЛЕ И. МАКБЮЭНА «ТАРАКАН»

Меркулова Майя Геннадиевна

Институт иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
MerkulovaMG@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

Аннотация. Статья посвящена систематизации теории метамодерна и рассмотрению новеллы И. Макбьюэна «Таракан» в качестве показательного примера обращения современных писателей Великобритании к стилю метамодернизма. «Таракан» — сатира на британскую политику Брексита. Автор статьи определяет ведущие метамодернистские стратегии И. Макбьюэна.

Ключевые слова: метамодернизм; реконструкция; субъективность как процесс; историчность; формы повседневности; И. Макбьюэн.

Для цитирования: Меркулова М. Г. Метамодернизм в новелле И. Макбьюэна «Таракан» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 7–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.01

Original article

METAMODERNISM IN I. MCEWAN'S NOVELLA *THE COCKROACH*

Mayya G. Merkulova

Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
MerkulovaMG@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

Abstract. The article is devoted to the systematization of metamodern theory and McEwan's novella *The Cockroach* reviewing as an example of contemporary

© Меркулова М. Г., 2021

British writers' address to the metamodern style. *The Cockroach* is a satire on Britain's Brexit policy. The author of this article identifies the leading metamodern strategies of I. McEwan's.

Keywords: metamodernism; reconstruction; subjectivity as a process; historicity; forms of everyday life; I. McEwan.

For citation: Merkulova M. G. Metamodernism in I. McEwan's novella *The Cockroach*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; № 4 (44): 7–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.01

Объектом нашего рассмотрения стала современная новелла известного британского писателя И. Макьюэна «The Cockroach» («Таракан») [1]. Опубликованная в Британии в 2019 г., она была переведена на русский язык Д. Шепелевым и в 2021 г. вышла в издательстве «Эксмо» [2].

Дискуссии об обозначении современного направления культуры постепенно утрачивают остроту. Среди множества его определений¹ «метамодернизм» (metamodernism) как новая культурная доминанта обрел лидирующее положение ввиду универсальности заключенного в нем смысла.

В качестве определения стиля современной культуры, искусства (и литературы) термин получил распространение после выхода в свет эссе голландских философов Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера «Notes on Metamodernism» («Заметки о метамодернизме», 2010), а также статьи британца Дэвида Джеймса и представительницы американской научной школы Урмилы Сешагири «Metamodernism: Narratives of Continuity and Revolution» («Метамодернизм: нарративы преемственности и революции», 2014). В октябре 2015 г. в университете Неймегена (Нидерланды) проходил международный семинар по обсуждению указанных теоретических работ и возможности исследования в ключе нового стиля метамодернизма литературных стратегий ряда современных писателей, среди которых — британцы И. Макьюэн, Д. Митчелл, Т. Маккарти, З. Смит. Важным событием культуры России стало появление в 2015 г. русскоязычного сетевого издания «Metamodern — журнал о метамодернизме», который и сегодня остается ведущим спикером новостей об указанном

¹ «Сверхмодерн» (supermodern) — термин предложен французским антропологом Марком Оже; «постгуманизм» (post-humanism) — американским литературоведом Ихабом Хассаном; «гипермодернизм» (hypermodernism) — канадскими политическими теоретиками Артуром Крокером и Дэвидом Куком; «иной модернизм» (altermodernism) — итальянским искусствоведом Николя Буррио; «перформатизм» (performatism) — американским теоретиком театра и режиссером Ричардом Шехнером и немецким театроведом Эриком Фишер-Лихте; «новая искренность» (new sincerity) — американским писателем Дэвидом Фостером Уоллесом; «псевдомодернизм» (pseudomodernism), «диджимодернизм» (didjimodernism), «цифромодернизм» (digimodernism) — британским литературоведом и теоретиком культуры Аланом Кирби; «автомодернизм» (automodernism) — американским социальным теоретиком Робертом Сэмюэлсом, «космомодернизм» (cosmodernism) — американским философом Кристианом Морару; «постпостмодернизм» (post-postmodernism) — общеупотребительный термин.

направлении. Редакция журнала заявляет: «Миссия нашего проекта — сформировать площадку для освещения новой культурной эпохи, свидетелями которой мы становимся. Нам важно создать живой ресурс, поле диалога, где будут размещаться материалы как зарубежных, так и русских культурологов, философов, искусствоведов, художников и людей иных профессий, заинтересованных в изучении и развитии метамодернизма, имеющих уникальный взгляд в исследовании этого феномена» [3].

Вышедшие позже монографические работы, среди которых «Utopia Sort of a Case Study in Metamodernism» («Утопия: своего рода пример метамодернизма», 2015) Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, докторская диссертация Дж. ван дер Мерве «Notes Towards a Metamodernist Aesthetic with Reference to Post-Millennial Literary Works» («Заметки к метамодернистской эстетике с отсылкой к литературным работам пост-миллениума», 2017), серьезно упрочили теоретическое обоснование метамодернизма, в том числе как литературного стиля. Так, например, в своей работе Дж. ван дер Мерве выделяет и исследует следующие аспекты метамодернизма: аффект, аутентичность, этическая обеспокоенность, миф, оптимизм, реализм, искренность, субъективность [4]. В декабре 2019 г. Робин ван ден Аккер приезжал в Москву на презентацию русского перевода книги «Metamodernism Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism» («Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма», 2017) [5].

Знаковым для изучения теории метамодернизма в России, прежде всего в отечественной философии², можно назвать 2019 год.

Начало изучения литературоведческих аспектов метамодернизма на материале творчества англоязычных авторов представлено в статьях Т. Н. Красавченко [17], Б. М. Проскурнина [18], Л. Ф. Хабибуллиной [19] и др. Поэтому у нас появилась возможность взвешенно, с учетом разработанных теорий доказать, что новелла «Таракан» может рассматриваться в качестве показательного примера обращения современных писателей Великобритании к метамодернизму. В контексте нашей работы мы будем характеризовать *метамодернизм как литературный стиль представления автором современности*.

В исторической диахронии стилей «модернизм – постмодернизм – метамодернизм» четко прослеживается мысль «о наследии модернистской и постмодернистской стилистической практики и реабилитации этического сознания» [17, с. 213] в современной литературе. Фабула повести И. Макьюэна строится на принципах модерна и постмодерна: «“Таракан” — развернутая сатирическая аллюзия на ставшую хрестоматийной новеллу Ф. Кафки “Превращение”. Аллюзия эксплицитна, композиционно и сюжетобразующа от начального

² Серия статей сотрудников Института философии РАН Н. Б. Афанасова, А. В. Павлова [6–10], Э. Е. Сафронова [11]), статьи доцента кафедры психологии Крымского инженерно-психологического университета А. А. Гребенюка [12–14], ученых Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова А. С. Марковой, Г. И. Мамукиной [15; 16]).

“That morning, Jim Sams, clever but by no means profound, woke from uneasy dreams to find himself transformed into a gigantic creature”» [1, p. 1]. Если у Кафки человек превращается в неконкретизированное насекомое и умирает в этом обличье, то у И. Макьюэна весьма конкретный представитель *Blattodea* — таракан — сначала превращается в премьер-министра Великобритании, выполняет миссию разворотизма, а затем снова возвращается в свое тело. Выраженная телесность в субъективном повествовании является существенной частью метамодернистского культа повседневности. Символично с позиций нового стиля это обратное превращение с последующим возвращением к себе: через превращение в человека — к таракану. В сравнительном аспекте названия данных повестей Ф. Кафки и И. Макьюэна также показательны. Чтобы подчеркнуть идею сатирического превосходства над человеческим опытом И. Макьюэн нашел удачный образ таракана. Примечательно, что в русскоязычной рецепции он также ассоциируется с политическим вождем. Достаточно вспомнить «тараканьи смеются усища» в известной характеристике И. Сталина из стихотворения О. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (ноябрь 1933), ставшей для поэта приговором.

Однако произведение И. Макьюэна трудно свести исключительно к пастишу. «Таракан» — сатира на феноменологический критицизм и одновременно его утверждение, свидетельствующее о кризисе универсального антропоморфизма литературы модернизма, интересе к стилистике игры постмодернизма и возвращении утраченных ролей в метамодернизме.

В новелле И. Макьюэна — своеобразном метамодернистском перформансе — автор на основе постиронии органично объединяет два художественных контекста: реалистический (исторический) и новый — мифологический (восходит к реконструкции кафкианского сюжета о превращении). По мнению автора термина «постирония», доцента кафедры английской литературы Мэрилендского университета Ли Константину (его статья «Четыре лика пост-иронии» содержится в сборнике Р. ван ден Аккера 2019 г.), «сторонники пост-иронии... хотят сохранить постмодернистские критические озарения (в различных сферах), при этом преодолев их тревожные измерения» [20].

Основу вымышленного сюжета двойного превращения в новелле И. Макьюэна составляет метафора разворотизма — реальная проблема британской политики Брекзита. Характерно авторское посвящение «Таракана» Тимоти Гартону-Эшу — британскому автору работ о современной политике и истории Центральной и Восточной Европы, среди которых «Free World: Why a Crisis of the West reveals the Opportunity of our Time» (2004) и «Facts are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name» (2009), члену трех королевских обществ: исторического, литературного, искусств. Постмодернистская стратегия фантазмагорической игры намечена И. Макьюэном в кратком предисловии (“This novella is a work of fiction. Names and characters are the product of the author’s imagination and any resemblance to actual cockroaches, living

or dead, is entirely coincidental” [1, p. 1]) и при метамодернистском сочетании с объективным повествованием становится скорее историко-литературным фоном, нежели самой игрой. Кроме того, реконструкция кафкианского сюжета о превращении у И. Макьюэна обогащается метамодернистским перформансом, когда Джим Самс вдруг осознает, что почти все члены кабинета министров — бывшие тараканы. «Far more important than that, and he had not known this until now, they shared his origins. <...> A couple of dozen, a little swarm of the nation’s best, come to inhabit and embolden a faltering leadership» [1, p. 20] Исключение составил министр иностранных дел Бенедикт Сент-Джон: «Nothing there. Merely human. A fake. A collaborator. An enemy of the people. Just the sort who might rebel and vote to bring down his own government» [1, p. 21]. Наличие языковых клише политического дискурса «a faltering leadership», «a collaborator», «an enemy of the people» и др. делает картину заседания кабинета министров фантастичной только по форме ее представления.

От перформанса фокус внимания автора-метамодерниста заметно смещается к осмыслению реальных фактов политики Брекзита, историчности повествования. «If only they knew, the momentous event had already slipped from their control, it had moved beyond analysis and debate and into history. It was already unfolding, here at this table. The collective fate was being forged in the heat of the Cabinet’s quiet passion. Hard Reversalism was mainstream. Too late to go back!» [1, p. 22] — так заканчивается глава «Один». Известно, что до вступления в должность премьер-министра 24 июля 2019 г. Бориса Джонса Британский парламент трижды отвергал проект соглашения стран ЕС с Великобританией о ее выходе из состава сообщества от 25 октября 2018 г. Исторический контекст главы представлен реконструкцией событий подготовки к встрече и проведения новым премьером заседания кабинета министров по вопросу политики Брекзита. Идейный акцент в реалистическом повествовании последующих глав автор делает на сложных перипетиях политической игры при подготовке к внеочередным выборам, включая написание премьером речей, проведение интервью, взаимоотношения с членами кабинета министров, внешнеполитические связи со странами членами ЕС и американским президентом — формах повседневности политического лидера.

Политическая стилистика исторического контекста в новелле И. Макьюэна разнопланова и преобладает над мифологической. Она документальна в авторском повествовании об исторических фактах (например, экономические истоки политики Брекзита в начальном фрагменте главы «Два»: имена экономистов XVII в. Джозефа Муна и Джосии Чайлда, XIX в. — Фрэнсиса Амаасы Уокер, учреждение Международного валютного фонда и т. д.); псевдоисторична в обозначении дат событий повествования (реальные выборы 12 декабря 2019 г., в повести 19 декабря). Речь премьера и членов кабинета министров при их личном общении намеренно снижена, подчас даже ненормативна, но призывно-возвышенна, аффективна в служебных и публичных обращениях.

Реалистически и психологически мотивирована в новелле И. Макьюэна метамодернистская «новая искренность» (Д. Ф. Уоллес), основанная на постиронии. Например, глядя вслед уходящему министру иностранных дел, Джим Самс «was amazed at how it was possible to feel such joy and such hatred at the same time. A human heart, of which he was now in full possession, was a wondrous thing» [1, p. 43]. Последнее заседание кабинета министров «возвращенных» тараканов проходит на феромонном языке. Премьер-министр в состоянии аффекта произносит речь, в которой звучит и голос автора: «There will be hardship. It might be punishing in the extreme. I don't doubt that enduring it will harden the people of this great country. But that is no longer our concern. Now that we have cast off our temporary, uncongenial forms, there are deeper truths that we may permit ourselves to celebrate» [1, p. 97]. Пока тараканы «did not see the little creature scurrying towards Number Ten to resume its life» [1, p. 99] (реального премьер-министра), однако важны сами факты превращения в человека и его возвращения. Последнее подчеркивается автором и на уровне символики цифры 4 (у превращенного таракана «a mere four» конечности, повесть состоит из четырех частей, так лаконично и названных: «Один», «Два», «Три», «Четыре»), и упоминания числа 10 (резиденция премьер-министра на Даунинг-стрит, 10) как стремления современности вновь обрести гармоничную цельность человечности, приблизившись к сакральному. В метамодернизме происходит не только возвращение к человеку (маленькому человеку в контексте новеллы), но и к самому повествованию автора об опыте субъективных переживаний человека, предстающем как процесс. При этом обновляется роль аксиологического аспекта знания о человеке [21].

Таким образом, И. Макьюэн реконструирует, переосмысливает идею превращения с целью возвращения человека благодаря интертексту Ф. Кафки. Ведущими метамодернистскими стратегиями автора в новелле «Таракан» являются политическая сатира на основе постиронии, мифологическая реконструкция кафкианского сюжета о превращении, перформанс, историчность в формах телесной, политической и экономической повседневности, субъективность как процесс, «новая искренность», этическая обеспокоенность и оптимизм в связи с будущим нации.

Список источников

1. McEwan I. The Cockroach. London: Jonathan Cape; 2019. 100 p.
2. Макьюэн И. Таракан [пер. с англ. Д. Шепелева]. М.: Эксмо; 2021. 128 с.
3. Metamodern. Журнал о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/about/>
4. Van der Merwe J. Notes towards a metamodernist aesthetic with reference to post-millennial literary works. Doctoral diss. in Philosophiae Linguistics and Literary Theory. Potchefstroom : North-West University; 2017. 312 p.
5. Ван ден Аккер Р. Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после пост-модернизма [пер. с англ. В. М. Липки]. М.: Рипол-Классик; 2019. 494 с.

6. Афанасов Н. Б., Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: космодернизм. *Знание. Понимание. Умение*. 2019; № 2: 46–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-kosmodernizm/viewer>
7. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм. *Философский журнал*. 2019; № 2 (12): 20–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-gipermodernizm/viewer>
8. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2018; № 6 (127): 1–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-metamodernizm/viewer>
9. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм. *Знание. Понимание. Умение*. 2019; № 1: 69–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-sverhmodernizm/viewer>
10. Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма. *Вопросы философии*. 2019; № 5: 27–35.
11. Сафронов Э. Е. Что будет после постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019; № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-budet-vmesto-postmoderna-didzhimodernizm-kak-kulturnaya-dominanta/viewer>
12. Гребенюк А. А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма. *АНИ: педагогика и психология*. 2019; № 1: 326–330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskiy-analiz-perezhivaniy-cheloveka-epohi-metamodernizma/viewer>
13. Гребенюк А. А. Культурно-психологический анализ причин неадаптивного поведения человека эпохи метамодернизма. *АНИ: педагогика и психология*. 2019; № 3: 326–328. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-psihologicheskiiy-analiz-prichin-neadaptivnogo-povedeniya-cheloveka-epohi-metamodernizma/viewer>
14. Гребенюк А. А. Основы метамодернистской психологии. *Metamodern. Журнал о метамодернизме*. Дата публикации: 31 октября 2017. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology/>
15. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма. *Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология*. 2019; № 1: 89–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-preodolenie-diskretnosti-i-individualizma/viewer>
16. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Самотрансценденция как отличительная черта героя метамодернистского произведения. *Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология*. 2019; № 3: 146–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samotranssendentsiya-kak-otlichitelnaya-cherta-geroya-metamodernistskogo-proizvedeniya/viewer>
17. Красавченко Т. Н. Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике. (Обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал*. 2018; № 3: 207–217. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-mertv-diskussii-v-angloyazychnoy-kritike-obzor/viewer>
18. Проскурнин Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе. *Вестник Пермского университета*. 2010; № 6 (12): 209–214.
19. Хабибуллина Л. Ф. Иен Макьюэн: метамодернизм или новый облик реализма. *Два века английского романа: коллективная монография. К 70-летию профессора Б. М. Проскурнина*. СПб.: Изд-во «Маматов»; 2021: 246–261.

20. Константи́ну Л. Четыре лика пост-иронии. *Metamodern. Журнал о метамодернизме*. Дата публикации: 26 июля 2019. URL: <http://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/>
21. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016; № 17 (11): 10413–10422.

References

1. McEwan I. *The Cockroach*. London: Jonathan Cape; 2019. 100 p.
2. Mak'yue`n I. Tarakan [per. s angl. D. Shepeleva]. M.: E`ksmo; 2021. 128 s. (In Russ.).
3. Metamodern. Zhurnal o metamodernizme. URL: <http://metamodernizm.ru/about/> (In Russ.).
4. Van der Merwe J. Notes towards a metamodernist aesthetic with reference to post-millennial literary works. Doctoral diss. in Philosophiae Linguistics and Literary Theory. Potchefstroom: North-West University; 2017. 312 p.
5. Van den Akker R. *Metamodernizm: istorichnost`, affekt i glubina posle postmodernizma* [per. s angl. V. M. Lipki]. M.: Ripol-Klassik; 2019. 494 s. (In Russ.).
6. Afanasov N. B., Pavlov A. V. Obrazy` sovremennosti v XXI veke: kosmodernizm. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019; № 2: 46–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-kosmodernizm/viewer> (In Russ.).
7. Pavlov A. V. Obrazy` sovremennosti v XXI veke: gipermodernizm. *Filosofskij zhurnal*. 2019; № 2 (12): 20–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-gipermodernizm/viewer> (In Russ.).
8. Pavlov A. V. Obrazy` sovremennosti v XXI veke: metamodernizm. *Filosofsko-literaturny`j zhurnal «Logos»*. 2018; № 6 (127): 1–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-metamodernizm/viewer> (In Russ.).
9. Pavlov A. V. Obrazy` sovremennosti v XXI veke: sverxmodernizm. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019; № 1: 69–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-sovremennosti-v-xxi-veke-sverxmodernizm/viewer> (In Russ.).
10. Pavlov A. V. Postgumanizm: preodolenie i nasledie postmodernizma. *Voprosy` filosofii*. 2019; № 5: 27–35. (In Russ.).
11. Safronov E`. E. Chto budet posle postmoderna? Didzhimodernizm kak kul`turnaya dominanta. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019; № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-budet-vmesto-postmoderna-didzhimodernizm-kak-kulturnaya-dominanta/viewer> (In Russ.).
12. Grebenyuk A. A. Kul`turno-istoricheskij analiz perezhivaniy cheloveka e`poxi meta-modernizma. *ANI: pedagogika i psixologiya*. 2019; № 1: 326–330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskij-analiz-perezhivaniy-cheloveka-epohi-metamodernizma/viewer> (In Russ.).
13. Grebenyuk A. A. Kul`turno-psixologicheskij analiz prichin neadaptivnogo povedeniya cheloveka e`poxi metamodernizma. *ANI: pedagogika i psixologiya*. 2019; № 3: 326–328. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-psixologicheskij-analiz-prichin-needaptivnogo-povedeniya-cheloveka-epohi-metamodernizma/viewer> (In Russ.).
14. Grebenyuk A. A. Osnovy` metamodernistskoj psixologii. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme*. Дата publikacii: 31 oktyabrya 2017. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernizm-psychology/> (In Russ.).

15. Markova A. S., Mamukina G. I. Metamodernizm: preodolenie diskretnosti i individualizma. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*. 2019; № 1: 89–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-preodolenie-diskretnosti-i-individualizma/viewer> (In Russ.).
16. Markova A. S., Mamukina G. I. Samotranscendenciya kak otlichitel'naya cherta geroya metamodernistskogo proizvedeniya. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*. 2019; № 3: 146–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samotranstsendentsiya-kak-otlichitelnaya-cherta-geroya-metamodernistskogo-proizvedeniya/viewer> (In Russ.).
17. Krasavchenko T. N. Postmodernizm mertv? Diskussii v angloyazy`chnoj kritike. (Obzor). *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. Referativny`j zhurnal*. 2018; № 3: 207–217. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-mertv-diskussii-v-angloyazychnoy-kritike-obzor/viewer> (In Russ.).
18. Proskurnin B. M. Realizm? Modernizm? Postmodernizm? Post-postmodernizm? Razmy'shleniya o sovremennoj britanskoj proze. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2010; № 6 (12): 209–214. (In Russ.).
19. Xabibullina L. F. Ien Mak'yue`n: metamodernizm ili novy`j oblik realizma. *Dva veka anglijskogo romana: kollektivnaya monografiya. K 70-letiyu professora B. M. Proskurnina*. SPb.: Izd-vo «Mamatov»; 2021: 246–261. (In Russ.).
20. Konstantinu L. Chety`re lika post-ironii. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme*. Data publikacii: 26 iyulya 2019. URL: <http://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/> (In Russ.).
21. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016; № 17 (11): 10413–10422.

Информация об авторе

Меркулова Майя Геннадиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Mayya G. Merkulova — Doctor of Philology, professor, full professor of English Philology Department Institute of foreign languages MCU.

Научная статья

УДК: 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

МЕМУАРЫ О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ КАК ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX ВЕКА

Быстрова Ольга Васильевна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,

bystrova63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>.

Аннотация. В статье поднимается вопрос о мемуарах как источнике сведений о биографии писателя и литературного процесса столетия. Эта разновидность документальной литературы являет собой исповедальное повествование о времени и окружающих людях, которые рассматриваются через призму общественно-социальной и литературно-художественной жизни. Среди авторов мемуаров о Горьком есть и рабочие, и литературоведы, и государственные деятели. Приведенные воспоминания Б. Ф. Малкина, И. А. Груздева, Ю. А. Покровского, А. Е. Богдановича и др. дают возможность осознать личность писателя во всей сложности его мировоззрения и художественного таланта. Поставлен вопрос о причинах купирования некоторых фрагментов воспоминаний, о фактах недостоверных мемуаров, о правомерности оспаривания некоторых свидетельств.

Ключевые слова: документальная литература; мемуаристика; литературный процесс XX века; фактография; эпистолярный.

Для цитирования: Быстрова О. В. Мемуары о Максиме Горьком как проблема изучения литературного процесса XX века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 16–25. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

Original article

MEMOIRS ABOUT MAXIM GORKY AS AN ANGLE OF STUDYING XX CENTURY LITERATURE

Olga V. Bystrova

The Institute of World Literature named after A. M. Gorky
of the Russian Academy of Sciences;

Department of Publication and Study of M. Gorky's Creative Heritage,

bystrova63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

Abstract. The article raises the question of memoirs as a source of studying the biography of the writer and the literary background of the century. This kind of nonfiction is a confessional narrative about the time being and people around, which is viewed through the prism of social, literary and artistic life. The list of authors writing memoirs about Gorky united workers, literary critics, and statesmen. The memoirs by B. F. Malkin, I. A. Gruzdev,

© Быстрова О. В., 2021

Y. A. Pokrovsky, A. E. Bogdanovich, etc. contribute to realizing the image of the writer in all the complexity of his worldview and artistic talent. The issues to be discussed include the one concerning the reasons for eliminating some fragments of memories, about fake memoirs, about disputing some of the testimonies being legitimate.

Keywords: nonfiction; memoiristics; literature of the twentieth century; factography; epistolary.

For citation: Bystrova O. V. Memoirs about Maxim Gorky as an Angle of Studying XX Century Literature. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021. № 4 (44): 16–25. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

Документальная литература всегда привлекала исследователей. Как выразился об этом Ю. Лотман, «знать какие-либо факты и понимать их — вещи совершенно разные. <...> люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми...» [1, с. 13].

Мемуары как разновидность документальной литературы являются исповедальным повествованием о себе, рассматриваемым через призму общественно-социальной и литературно-художественной жизни. Прямое восприятие событий автором мемуаров, его реакция на происходящее, стремление донести свое мироощущение — все это помогает персонифицировать исторический процесс, а в некоторых случаях увидеть одно и то же событие через призму разных взглядов.

Среди тех, кто оставил свои воспоминания о Максиме Горьком, самые разные люди: от простых рабочих до государственных деятелей. Их представления о писателе зачастую были диаметрально противоположны. Так, руководитель Центрального агентства ВЦИК по распространению печати Б. Ф. Малкин писал о Горьком, сопоставляя его личность с масштабной фигурой Ленина. Он отметил у обоих выдающихся людей эпохи демократичность и «органическую, страстную ненависть к мещанству» [2, т. 2, с. 18]. Ленин, по словам Малкина, «ценил в Горьком его трудовую культуру» и всегда «подчеркивал, что трудовой путь Горького <...> должен его сближать с новой рабоче-крестьянской интеллигенцией, которая тоже усваивает культуру в упорном труде и борьбе» [2, т. 2, с. 18]. У философа-эмигранта Г. Федотова было иное мнение о писателе, в чей гуманизм он не верил, а любовь писателя к человеку называл «ненавидящей любовью» [3]. Ненависть Горького, по мнению философа, «направлена не только на тьму, жестокость и неправду в человеке, но и на его слабость и глупость <...> прививка нищезанятия в юности сблизила Горького с Лениным в этой готовности бить дураков по голове... Но, в отличие от Ленина, Горький не заигрывал с тьмой и не разнуздывал зверя» [3].

Самое первое воспоминание о Горьком относится к 1900 г. В газете «Россия» (№ 287) А. Федоров опубликовал эссе «Самородки», где рассказал о своих встречах с писателем. Но, несмотря на активную публикацию произведений писателя, до настоящего времени вся мемуарная литература о Горьком

не собрана воедино, рассеяна в бесчисленных изданиях, журналах, газетах. Она доступна сравнительно узкому кругу исследователей и читателей. До сих пор эта часть горьковского наследия недостаточно систематизирована, изучена и обобщена, хотя многие факты его биографии, освещающиеся в ней, давно стали достоянием горьковедения и литературоведения в целом. Так, можно вспомнить самый первый сборник воспоминаний о М. Горьком под редакцией И. А. Груздева [4]. Среди авторов были В. А. Десницкий, Н. А. Семашко, С. Я. Елпатьевский, С. Д. Протопопов, И. А. Белоусов, А. Н. Толстой, Вл. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, С. Я. Маршак, М. М. Пришвин, А. П. Пинкевич, Вс. Иванов, К. И. Чуковский, В. Б. Шкловский, Д. А. Лутохин, В. Г. Лидин, О. Д. Форш, Н. Н. Асеев и др. В предисловии к книге была оговорена цель участия в сборнике авторов воспоминаний, которые заявили, что стремятся полнее представить одного из самых сильных писателей мировой литературы за последние тридцать лет: «Создать законченный портрет Горького как писателя и человека — дело будущего. Воспоминания, собранные в этой книге, — только штрихи к такому портрету, свидетельства современников <...> для будущего исследователя послужат ценнейшим материалом» [4, с. 5].

Отношение Горького к воспоминаниям о себе было разным: от безразличия к источнику до публичного сомнения в достоверности изложенных фактов, хотя, по свидетельству его биографа писателя И. А. Груздева, писатель «в редких случаях печатно опровергал достоверность воспоминаний», поэтому большая их часть переиздавались еще при жизни писателя. Но порой Горький «указывал на вздорность того или иного факта воспоминаний — и так, что это ставило иногда под сомнение достоверность всего документа» [5, с. 630]. Примером этого служит один эпизод из переписки Груздева и Горького, касающийся книги воспоминаний В. А. Поссе¹.

Горький писал Груздеву 7 января 1930 г. о своих впечатлениях от прочтения книги Поссе: «Много он забыл, много рассказал не совсем так, кое-что — совсем не так. <...> В частности, он неправильно приписал мне разоблачение провокатора Гуровича, — разоблачил его С. Д. Протопопов, брат последнего “премьер”-министра. Протопопову сказал это жандармский офицер, а мне... — редактор “Нижегор. Листка” Станислав Гриневицкий. Я поехал в Питер и там сообщил эту новость» [6, т. 19, с. 173].

Из всех поправок Горького к данному эпизоду из книги Поссе можно выделить только одну неточность: А. Д. Протопопов не был премьер-министром правительства царской России, но был управляющим Министерства внутренних дел (с сентября 1916 г., по ходатайству Григория Распутина) и министром внутренних дел (с декабря 1916 г.), что было расценено депутатами IV Государственной думы как предательство, так как он являлся членом ее состава.

¹ В. А. Поссе (1864–1940) — журналист, издатель, революционер, сторонник кооперативного реформизма. В 1929 г. опубликовал книгу воспоминаний «Мой жизненный путь».

Горький сам нередко вспоминал о тех или иных событиях своей жизни, выступая в роли мемуариста. Так, в январе 1934 г. он получил письмо из Нижнего Новгорода. Адресат Юрий Александрович Покровский задавал вопрос о своем отце Александре Ивановиче Покровском. Интерес сына к прошлому отца был связан с тем, что он, будучи членом партии, в декабре 1933 г. не прошел партийную чистку по месту работы на Горьковской кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Очевидно, это случилось по причине службы его отца, Александра Ивановича, в жандармерии, поэтому Юрию Александровичу было «необходимо знать хотя бы краткую характеристику <...> отца, был ли он действительным жандармом и зверски обращался к заключенным, а особенно к политзаключенным или нет...» [7].

В своем письме адресат сообщал, что лишился отца в 1919 г. в возрасте десяти лет. По рассказам матери, отец никогда «не издевался так над заключенными, как это практиковалось в системе жандармерии <...> был добр и справедлив, даже делал ряд поощрений заключенным» [7]. Далее Ю. А. Покровский сообщал, что в его домашней библиотеке есть полное собрание горьковских сочинений и «на обложке одной из книг есть надпись такого содержания: “В память Александру Ивановичу Покровскому от бывшего арестанта”» с подписью самого Горького [7].

Вспомнив о своем заключении в Нижегородской тюрьме в период с 17 апреля по 17 мая 1901 г., Горький откликнулся на просьбу: «Товарищ Покровский — сообщаю Вам, что сидя в Нижегородской тюрьме я, со стороны ее начальника Александра Ивановича Покровского никаких стеснений не испытывал и от товарищей моих указаний на некорректное отношение к ним Покровского — не слышал» [8]. Далее Горький сообщал личные и ценные для сына сведения о его отце и матери, их женитьбе и мотивах отца, побудивших его сделать предложение «девушке, которую он знал еще ребенком» [8]. По мнению писателя, отец Ю. А. Покровского «был человек “мягкий”, добродушный и тяготившийся своей должностью» [8].

О нижегородском сидении в тюрьме вспоминал Скиталец, который проходил по политическому делу вместе с будущим классиком, отбывал с ним срок и подтверждал, что Горький всегда «привлекал симпатии всей тюрьмы, включая даже тюремное начальство» [9, с. 241]. Описал он и начальника тюрьмы Покровского: «...начальником тюрьмы был интеллигентный человек — поклонник таланта Горького. Он делал для нас всевозможные поправки, чтобы облегчить нам наше положение» [9, с. 241]. Далее он рисует мирную картину, когда на прогулке арестанты и их охрана «усаживались на травке, покрывавшей весь тюремный двор, дружелюбно беседуя. <...> ...Горький всегда им что-то рассказывал с обычным своим мастерством, убедительностью и юмором» [9, с. 244].

К слову сказать, письмо писателя, представленное в партийную комиссию, сыграло свою роль — Покровского восстановили в партии.

Но довольно часто исследователи сталкиваются с сознательными искажениями, вызванными разными причинами. Нельзя не согласиться с мнением

В. Шершеневича, уловившего специфику мемуаров — их субъективность: «Воспоминания — это поединок Я и фактов. Что такое факт в воспоминаниях? Нечто не более достоверное, чем рассказ очевидца» [10, с. 420]. Он также полагал, что нельзя судить о событиях, изложенных в мемуарах, не изучив этого самого Я, или авторской сущности. Биография Горького в большей степени, чем чья-либо другая, оказалась на перекрестке разного рода воспоминаний сомнительной достоверности. Неслучайно И. А. Бунин в своем эссе «Горький» заявил, что о писателе «никто не имеет точного представления» [11, с. 410].

Мемуарная литература (в своей совокупности вместе с научными изысканиями, эпистолярием) призвана восстанавливать так называемые белые пятна в биографии. К чести горьковедов, такая работа проводилась всегда. В 2018 г. коллективом научных сотрудников ИМЛИ РАН была предпринята работа по изданию произведений и черновых записей воспоминаний Адама Егоровича и Максима Адамовича Богдановичей. Первое сравнение вариантов воспоминаний (черновых и опубликованных в 1965 г.) А. Е. Богдановича продемонстрировало пласты не дошедшей до читателя информации. Выяснение причин редуцирования текста (цензурой, конъюнктурой или просто осторожностью автора) станет задачей будущих исследователей-текстологов.

Интересен эпизод, относящийся к 1900 г., по понятным причинам не попавший в текст 1965 г. В нем А. Е. Богданович передает впечатления от встречи с А. И. Рыковым, в то время молодым длинноволосым человеком со «смелым выражением смугловатого лица», в доме А. М. Горького на Канатной улице [12, с. 410]. Рыков был живым и энергичным человеком, «с огромным запасом внутренней силы». В спорах он не щадил противника и независимо от пола и возраста оппонента выдавал жесткие характеристики. Снисходительно относясь к гостю, Горький все же пресекал попытки восхвалять ретивого революционера. Из купированного отрывка воспоминаний А. Е. Богдановича узнаем:

«Когда я сказал А. М.<аксими>чу, характеризуя нового гостя:

— Вот молодой человек с большим запасом революционной силы, — А. М. <...> заметил:

— А знаете ли, что он сказал про Елену Ильиничну²? — Что это у вас, — говорит, за старые, разбитые часы оказались? — Это Елена-то Ильинична, завзятая революционерка, старые разбитые часы? Вот как они, молодые, неуважительно чистят своих предшественников!» [12, с. 410–411].

Готовя публикацию писем Горького А. И. Рыкову в 2018 г., автор этих строк долго искала какие-нибудь упоминания о времени знакомства писателя и будущего государственного деятеля Советской страны. Было обнаружено, что первое упоминание фамилии Рыкова в переписке Горького относится к маю 1909 г. Именно тогда А. А. Богданов, организовавший вместе с А. В. Луначарским

² Елена Ильинична Гурвич (в девичестве — Кушелевская) (1855–19...) — революционерка, член Бунда, соратница А. М. Горького.

и М. Горьким партийную школу на Капри, писал последнему о том, что А. И. Рыков после колебаний перешел на ленинскую платформу и, более того, стал относиться к идее школы для рабочих «с непонятной <...> враждой...» [6, т. 7, с. 420]. В письме Богданов сокрушался о том, что Рыков не понял задач, стоящих перед партийной школой на Капри. Но сама тональность письма свидетельствовала о многолетнем знакомстве участников переписки с Рыковым.

Гипотеза о возможном годе знакомства была нами высказана ранее: участники переписки могли встречаться в 1905 г., когда Рыков был избран делегатом на III съезд РСДРП (март 1905 г.) и вошел в состав ЦК [13, с. 44]. Впоследствии Рыков стал видной фигурой в партии и даже возглавил Петербургский партийный комитет. О встречах Горького с ним косвенно свидетельствует большевик А. Ф. Войткевич, который вспоминал о нелегальном периоде своей работы и партийных собраниях на квартире Горького, на которых «присутствовал ряд видных деятелей партии» [13, с. 44].

Как тут не сопоставить одну важную деталь в биографии Рыкова: после 1908 г. одной из партийных кличек Рыкова была фамилия Власов, что автоматически связывало видного партийца с главным героем романа Горького «Мать». Богданович, зная Рыкова лично, вспоминал: «В это время А. М<аксимови>ч писал своих “Мещан”. Читая эту пьесу, я находил в обрисовке характера Нила много сходных черт с характером молодого А. И. Рыкова, тогда как Тетерева я представлял себе в образе Скитальца...» [12, с. 412].

Несомненно, трагическая смерть Рыкова в 1938 г. сделала его фамилию неупоминаемой. Это коснулось и мемуаров, посвященных писателю Горькому. К сожалению, таких фамилий немало: многие репрессированные деятели были знакомы с Горьким, Богданович о них вспоминал, но редакторы вычеркивали запрещенные имена...

Год первого приезда Горького в Советскую Россию, май 1928 г., безусловно, можно считать началом юбилейной мемуаристики, поспособствовавшей зарождению и бытованию различного рода легенд о писателе. В своей работе над книгой воспоминаний И. А. Груздев не раз сталкивался с так называемыми апокрифическими рассказами о жизни писателя. Весьма примечателен один эпизод, вошедший в его книгу, где он рассказывает о фейковой истории пребывания Горького в Средней Азии, в Чарджуе, в 1890 г. Историю распространил некий Баландин, которому Груздев не поверил и в одном из писем попросил Горького подтвердить ложность или правдоподобие факта [14, с. 170]. 21 февраля 1928 г. Горький написал в ответ: «...в 90 г. я пребывал <...> в Нижнем, а не в Чарджуе, где никогда не был, — клянусь! Обвинение это предъявлено мне вторично: в 9 или 10-м году оно было напечатано — в саратовской или астраханской газете — со слов бывшего приятеля моего Баринава <...> С Баринным я, действительно, собирался перескочить через Каспий к персам, но это у нас не вышло... На этом и покончим с Туркестаном» [6, т. 17, с. 200].

Фольклорист Н. М. Хандзинский, впоследствии опубликовавший запись Баландина, проанализировав текст этой записи, пришел к интересному выводу

о том, что ученые в подобных случаях имеют дело с редким фольклорным жанром, в котором «Горький дан в канун своей славы в таких тонах и в такой обстановке, чтобы сильнее выиграть потом. Контраст личной жизни писателя <...> стал в легенде литературным приемом» [15, с. 107]. Для фольклориста была не важна достоверность биографических данных, запись была интересна «как звено в становлении литературной биографии» [15, с. 107]. Эта фольклорная запись фантазера Баландина оказалась одной из многих в мифотворческой истории о писателе, которую горьковедом приходится разрушать!

Последующий строгий отбор мемуаров, равно как и купирование публикуемых воспоминаний, отражал процесс создания живого символа нового мира. О подобной «селекции» свидетельствует и другой факт. Так, в 1942–1943 гг. З. Г. Морозова — вдова купца С. Т. Морозова — написала воспоминания о переломном времени и о своей семье. В записях она затронула отношения Саввы Тимофеевича с Максимом Горьким. Однако этим материалом осталась недовольна Е. П. Пешкова. В письме супруге Горького от 23 мая 1944 г. З. Г. Морозова написала: «Дорогая Екатерина Павловна! Мне передавали, что Вы очень недовольны (в моих записках) отношением к Горькому. Я хорошо знаю Савву Тим<офеевича> и понятие Горького о нем считаю неверным, о чем и пишу в своих записках...» [16, с. 237]. Письмо проясняет, почему публикация воспоминаний Морозовой состоялась только в 2009 г.: искажение «канонического» образа Горького цензура в те годы посчитала неприемлемым.

Одним из ярких примеров процесса сотворения легенд о Горьком стала критика книги К. Феина «Горький среди нас: Картины литературной жизни». Еще в 1924 г. Феин описал свое знакомство с Горьким в 1920 г. в Петербурге, его роль в своей писательской судьбе [17, с. 354], о чем пообещал написать позднее. Свое обещание Феин выполнил в 1944 г. Именно тогда была готова его книга «Горький среди нас», где утверждалась мысль о сложности и неоднозначности личности писателя: «Горький — человек великих шатаний, истинно-русский, истинно-славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту» [18, с. 525]. Феин протестовал против приукрашивания образа Горького и хотел заставить общество взглянуть на писателя другими глазами. Однако во второй половине XX в. это сделать не удалось. Один из многих критиков книги Феина Л. М. Леонов отозвался о ней не просто крайне отрицательно, но требовал отказаться от публикации подобных материалов вообще: «Книга Феина о Горьком плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. <...> У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предаю этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя» [18, с. 526].

В 1988 г., в юбилейный год 120-летия со дня рождения писателя, тему конъюнктуры поднял литературовед Д. А. Благов, который заявил о необходимости отказаться от работ ситуативного характера: «В литературоведении

бракованная продукция вредна... тем, что ее надо хранить, как-то иметь в виду в новых разработках “старых” тем» [19, с. 196].

Нельзя сказать, что попытки мемуарной реабилитации не предпринимались. Так, сотрудниками ИМЛИ РАН был издан двухтомник «Максим Горький в воспоминаниях современников» (1981). Однако это была лишь капля в огромном море документов эпохи в совокупности с большим количеством «поверхностно-панегирических работ» [19, с. 196]. Конъюнктурная цензура конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. привела к тому, что общество постепенно стало забывать о большом писателе Горьком. А если и вспоминало, то всегда с негативным оттенком. Как-то вдруг все сразу забыли о его произведениях, о его роли в истории страны, литературного процесса, о том, что это фигура мировой культуры.

Такое положение дел отметила литературовед Л. Гинзбург: «Многие сейчас пишут так, как если бы XX века... никогда не существовало... Как если бы не было и Горького» [20, с. 309–310].

Подводя итоги, отметим, что мемуарная литература бывает разной, но она как отражение эпохи и мыслей авторов, писавших свои воспоминания, должна непременно присутствовать в качестве обязательного атрибута в системе изучения художественного и эпистолярного наследия писателя.

Мемуарная литература умеет возвращать обществу человека во всей сложности его мировоззрения и художественного таланта. Так и произошло с Горьким, ибо «он был и остается одной из заметных и, несомненно, крупных фигур первой трети двадцатого века» [21, с. 542]. Разумеется, не вся мемуарная литература заслуживает безоговорочного доверия. Надо помнить, что с автором воспоминаний полемизировать невозможно. Но спорить с ним необходимо, потому что привычные, устоявшиеся во времени представления о Горьком можно и нужно оспаривать только языком документов. К счастью, мемуаристы и исследователи прошлого века предоставили их в распоряжение XXI в.

Список источников

1. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство; 1994. 670 с.
2. М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит.; 1981. 445 с.
3. Федотов Г. На смерть Горького: [некролог]. Новая Россия. 1936; № 9. (1 июля): 7.
4. Горький: сб. статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. А. Груздева. М.; Л.: Госиздат; 1928. 480 с.
5. Груздев И. А. Горький и его время. 3-е изд., доп. Т. 1. М.: ГИХЛ; 1962. 700 с.
6. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 1–21. М.: Наука; 1997–2019.
7. Покровский Ю. А. Письмо М. Горькому от 26. 01. 1934 г. *Архив А. М. Горького. Москва. ИМЛИ РАН. КГ-рзн-8-22-1.*
8. Горький М. Письмо Ю. А. Покровскому от 15.02.1934 г. *Архив А. М. Горького. Москва. ИМЛИ РАН. ПГ-рл-31-26-2.*

9. Скиталец. Максим Горький. *Литературное окружение Максима Горького (1892–1904 гг.)* / сост.: Л. Е. Кудрина, М. Г. Уртминцева, П. Е. Янина. Н. Новгород: БегемотНН; 2017. 213–247.
10. Мой век. Мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий; 1990. 734 с.
11. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: Наследие; 1998. 635 с.
12. М. Горький и А. Богданович: Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка, воспоминания, архивные публикации, исследования: к 150-летию А. М. Горького / редколлегия: Д. С. Московская (отв. ред.), М. А. Барановский, О. В. Быстрова, О. С. Гожалимова, Л. Г. Жуховицкая. И. В. Мышковец, Н. В. Трус. М.: Пресс-Меню; 2018. 648 с.
13. Быстрова О. В. «...Дайте возможность работать без помех...»: Неизвестные письма М. Горького А. И. Рыкову. *Наше наследие*. 2018; № 125: 44–51.
14. Архив А. М. Горького. Т. 11. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М.: Худож. лит.; 1966. 384 с.
15. Хандзинский Н. Сибирские записи воспоминаний о М. Горьком. Сибирские огни. 1930; № 7: 106–111.
16. Контекст. Историко-литературные и теоретические исследования. 2008 / редколлегия: Е. В. Иванова (отв. ред.), П. В. Палиевский, С. А. Небольсин. М.: ИМЛИ РАН; 2009. 408 с.
17. Писатели. Автобиографии современников и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина; 2-е изд., доп. и испр. [М.]: Современные проблемы; 1928. 395 с.
18. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост.: А. Артизов, О. Наумов. М.: Демократия; 1999. 872 с.
19. Благоев Д. А. М. Горький и мы: (К 120-летию со дня рождения Горького). *Звезда*. 1988; № 3: 195–201.
20. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство; 2002. 768 с.
21. Публицистика М. Горького в контексте истории: Исследования и материалы / редколлегия: С. Д. Островская, М. А. Семашкина, Л. А. Спиридонова (отв. ред.). Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН; 2007. 639 с.

References

1. Lotman Yu. Besedy` o russkoj kul`ture: By`t i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo; 1994. 670 s. (In Russ.).
2. M. Gor`kij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. T. 2. M.: Xudozh. lit.; 1981. 445 s. (In Russ.).
3. Fedotov G. Na smert` Gor`kogo: [nekrolog]. Novaya Rossiya. 1936; № 9 (1 iyulya): 7. (In Russ.).
4. Gor`kij: sb. statej i vospominanij o M. Gor`kom / pod red. I. A. Gruzdeva. M.; L.: Gosizdat; 1928. 480 s. (In Russ.).
5. Gruzdev I. A. Gor`kij i ego vremya. 3-e izd., dop. T. 1. M.: GIXL; 1962. 700 s. (In Russ.).
6. Gor`kij M. Poln. sobr. soch. Pis`ma: v 24 t. T. 1–21. M.: Nauka; 1997–2019. (In Russ.).

7. Pokrovskij Yu. A. Pis'mo M. Gor'komu ot 26. 01. 1934 g. *Arxiv A. M. Gor'kogo. Moskva. IMLI RAN. KG-rzn-8-22-1.* (In Russ.).
8. Gor'kij M. Pis'mo Yu. A. Pokrovskomu ot 15.02.1934 g. *Arxiv A. M. Gor'kogo. Moskva. IMLI RAN. PG-rl-31-26-2.* (In Russ.).
9. Skitalecz. Maksim Gor'kij. *Literaturnoe okruzhenie Maksima Gor'kogo (1892–1904 gg.)* / sost.: L. E. Kudrina, M. G. Urtinceva, P. E. Yanina. N. Novgorod: BegemotNN; 2017: 213–247. (In Russ.).
10. Moj vek. Moi druž'ya i podrug. Vospominaniya Mariengofa, Shershenevicha, Gruzina. M.: Moskovskij rabochij; 1990. 734 s. (In Russ.).
11. Bunin I. A. Publicistika 1918–1953 gg. / pod obshh. red. O. N. Mixajlova. M.: Nasledie; 1998. 635 s. (In Russ.).
12. M. Gor'kij i A. Bogdanovich: Druzhba, rozhdennaya na beregax Volgi. Perepiska, vospominaniya, arxivny'e publikacii, issledovaniya: k 150-letiyu A. M. Gor'kogo / redkollegiya: D. S. Moskovskaya (otv. red.), M. A. Baranovskij, O. V. By'strova, O. S. Gozhalimova, L. G. Zhuxoviczkaya. I. V. My'shkovecz, N. V. Trus. M.: Press-Menyu; 2018. 648 s. (In Russ.).
13. By'strova O. V. «...Dajte vozmozhnost' rabotat' bez pomex...»: Neizvestny'e pis'ma M. Gor'kogo A. I. Ry'kovu. *Nashe nasledie.* 2018; № 125: 44–51. (In Russ.).
14. Arxiv A. M. Gor'kogo. T. 11. Perepiska A. M. Gor'kogo s I. A. Gruzdevym. M.: Xudozh. lit.; 1966. 384 s. (In Russ.).
15. Xandzinskij N. Sibirskie zapisi vospominanij o M. Gor'kom. *Sibirskie ogni.* 1930; № 7: 106–111. (In Russ.).
16. Kontekst. Istoriko-literaturny'e i teoreticheskie issledovaniya. 2008 / redkollegiya: E. V. Ivanova (otv. red.), P. V. Palievskij, S. A. Nebol'sin. M.: IMLI RAN; 2009. 408 s. (In Russ.).
17. Pisateli. Avtobiografii sovremennikov i portrety' sovremenny'x russkix prozaikov / pod red. Vl. Lidina; 2-e izd., dop. i ispr. [M.]: Sovremenny'e problemy'; 1928. 395 s. (In Russ.).
18. Vlast' i xudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty' CzK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 gg. / sost.: A. Artizov, O. Naumov. M.: Demokratiya; 1999. 872 s. (In Russ.).
19. Blagov D. A. M. Gor'kij i my': (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya Gor'kogo). *Zvezda.* 1988; № 3: 195–201. (In Russ.).
20. Ginzburg L. Zapisny'e knizhki. Vospominaniya. E'sse. SPb.: Iskusstvo; 2002. 768 s. (In Russ.).
21. Publicistika M. Gor'kogo v kontekste istorii: Issledovaniya i materialy' / redkollegiya: S. D. Ostrovskaya, M. A. Semashkina, L. A. Spiridonova (otv. red.). Vy'p. 8. M.: IMLI RAN; 2007. 639 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Быстрова Ольга Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела издания и изучения творческого наследия М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Information about the author

Olga V. Bystrova — PhD (Philology), senior research fellow of the Department of Publication and Study of M. Gorky's Creative Heritage of the Institute of World Literature named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences.

Научная статья

УДК: 821.161.1-31.09 "19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ М. КОЗЫРЕВА «ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА»

Матвеева Ирина Ивановна

Институт гуманитарных наук

Московского городского педагогического университета,

matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. В статье анализируется семиотическая структура сатирической повести М. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера», выявляется структурообразующая функция принципа зеркальности в организации смыслового пространства текста, при котором образ вымышленной автором страны Юбераллии словно отражается в зеркалах, в результате чего возникает эффект умножающихся отражений и амфилада смыслов. Анализ семиотического пространства повести позволяет доказать, что помимо декларируемого автором объекта критики — Германии 1930-х гг. — сатирическому осмыслению в повести подвергается Советская страна, которая изображается как мир несправедливости и абсурда.

Ключевые слова: сатира; семантика; интертекстуальность; подтекст; зеркальность; игра.

Для цитирования: Матвеева И. И. Семиотическое пространство повести М. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 26–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

Original article

SEMIOTIC SPACE OF M. KOZYREV'S NOVEL *THE FIFTH JOURNEY OF LEMUEL GULLIVER'S*

Irina I. Matveeva

Institute of Humanities,

Moscow City University,

matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article analyzes the semiotic structure of M. Kozyrev's satirical novel *The Fifth Journey of Lemuel Gulliver's*, reveals the structure-forming function of the principle of mirroring in the organization of the semantic space of the text. The image of the fictitious country of Huberallia is reflected in mirrors, which adds to the effect of multiplying "reflections" and creates an amphylada of meanings. The analysis of the semiotic space of the story proves that in addition to the object of criticism declared by the author —

Germany of the 1930s — the Soviet country which is portrayed as a world of injustice and absurdity makes the subject to satirical reflection in the story.

Keywords: satire; semantics; intertextuality; subtext; mirroring; the game.

For citation: Matveeva I. I. Semiotic Space of M. Kozyrev's Novel *The Fifth Journey of Lemuel Gulliver's*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 26–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

Михаил Яковлевич Козырев (1892–1942) — писатель-сатирик, которого современники называли русским Свифтом. Повод для такого сравнения дала повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» (1936), которая не была напечатана при жизни автора, но ходила в списках среди единомышленников. Их круг был довольно широким: Козырев в 1920–1930-е гг. был тесно связан с литературной элитой страны, выступал на творческих вечерах [1, с. 142–143], был секретарем литературного объединения «Никитинские субботники», публиковался в одноименном издательстве.

Долго находившееся на периферии, творчество Козырева в последнее время введено в научный оборот стараниями М. О. Чудаковой, Б. Ланина, В. Перельмутера, Н. В. Умрюхиной, Зоновой [1–4], писателю посвятили свои работы О. В. Быстрова, С. А. Голубков, В. Виноградова, В. Кузьмин и др. Авторы статей создают подходы к научной биографии [1], анализируют сатирические и антиутопические произведения [4; 5], прослеживают развитие традиций классической сатиры [2, 3]. Однако повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» редко становится объектом исследования, чем обусловлена актуальность настоящей работы.

Чаще всего повесть прочитывается как очередное в мировой литературе продолжение романа Дж. Свифта и связывается с критикой фашистской Германии [1, 3]. Но подобное толкование произведения не представляется исчерпывающим. Действительно, повесть уже своим названием отсылает к роману Дж. Свифта и таким образом актуализирует семиотическое поле, связанное с сатирической традицией. Но только литературной игрой смысл повести не ограничивается. Цель настоящего исследования — проанализировать некоторые эксплицитные и имплицитные центры семиотического пространства произведения, показать точки пересечения текста с внетекстовыми явлениями, выявить на этой основе истинный объект сатирического обличения.

Если сюжет повести довольно прост (путешествие Гулливера в страну Юбераллию, где процветает произвол и насилие над личностью), то ее смысловая структура чрезвычайно сложна. Она представляет собой «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [6, т. 1, с. 11–12]. Создавая повесть в условиях жесткой цензуры, Козырев стремился завуалировать свои истинные сатирические интенции, поэтому ориентировал читателя, с одной стороны, на роман Свифта, изданный и официально одобренный в Советском Союзе, с другой — апеллировал к Германии, в которой в 1930-е гг. набирал

силу фашистский режим. В то же время на периферии смысла возникает образ Советской России, который по мере развития сюжета активно продвигается в центр.

Предваряя анализ семантической структуры повести, отметим, что художественный текст Козырева ни в коей мере нельзя считать снимком окружающей действительности, но тем не менее он чрезвычайно референтен, а его элементы (образы, мотивы, цитаты и т. д.) обладают смысловой многолинейностью. Интертекстуальность повести следует понимать не только как включение в ее текст «других текстов с иным субъектом речи <...> преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [7, с. 346], но и в более широком смысле — как текст культуры и семиотическое пространство.

Всякое сатирическое произведение (будь оно в классической или неклассической форме) основано на игре, поскольку представляет собой особую «сферу деятельности с ее собственным устремлением» и «заранее обозначенным игровым пространством» [8, с. 15, 16], в нашем случае — с критическим устремлением и художественным пространством. Игра в повести Козырева начинается с самого начала — с отсылки к прецедентному тексту. Хотя кроме него встречаются многочисленные упоминания таких произведений, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Золотой осел» Апулея, «Сатирикон» Петрония, новеллы Декамерона и т. д. На страницах повести Козырев «полемизирует» с Платоном и его трактатом «Государство», с автором «Утопии» Т. Мором, что создает интересный диалог, изучение которого может стать самостоятельным исследованием. В гротескном мире повести ощущаются традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина с его городом Глуповом и типологические связи с сатирой М. Булгакова, Е. Замятина, А. Платонова.

Возможно, Козырев планировал опубликовать повесть, поэтому стремился направить цензуру по очевидному, но ложному следу традиционной смеховой сатиры. Роман Свифта в качестве основы как нельзя лучше соответствовал задаче писателя, тогда как в действительности Козырев использовал в своей повести диалогическую форму сатиры, следуя ведущей тенденции литературы начала XX в., о чем мы писали ранее [9, с. 36–37]. Маркерами Козырев сделал заглавие, отсылающее к произведению английского сатирика («Путешествия Гулливера»), имя героя, некоторые фрагменты романа, содержащие воспоминания о предшествующих приключениях Гулливера, пародирование прецедентного текста на уровне манеры изложения и стиля. Вместе с тем «Пятое путешествие» не пародия на роман Свифта, а как бы его продолжение, изображение незнакомой страны сквозь призму взгляда случайно попавшего в нее путешественника.

Центральный образ повести — вымышленная страна Юбераллия. Это гротескный образ, в котором причудливо переплелись черты деревни, средневекового города и современных Козыреву реалий. Как и многие сатирики, Козырев использовал «наивный» взгляд героя, для того чтобы вскрыть пороки страны. Гулливер, оказавшийся там в результате бегства из Англии, поначалу искренне

восхищается порядками Юбераллии, но постепенно все более устает от абсурда и, наконец, вынужден бежать.

Ряд исследователей справедливо утверждают, что объект сатиры Козырева — фашистская Германия середины 1930-х гг. [1]. Это, несомненно, подтверждают многие страницы повести. Например, приближенные к императору считают себя «высшей из всех существующих наций, принадлежность к которой только и дает право на звание человека» [10, с. 123]. Подобно Германии, высшей расой в Юбераллии признаются лишь граждане, сохранившие *чистоту своей крови* [10, с. 123], т. е. люди с голубыми глазами и белокурыми волосами. Чистоту расы юбералльцев поддерживает институт брака, поэтому женитьба и замужество разрешается только при соблюдении ряда условий и особых физических параметрах тела жениха и невесты:

«...требовалось медицинское свидетельство о здоровье жениха и невесты <...>, родословный список пяти предшествующих поколений для выяснения, не было ли в числе предков одного из брачующихся представителей *изгнанного племени*. Требовалось соответствия цвета волос, глаз и ширины плеч, а для невесты также определенная ширина бедер» [10, с. 143].

Приведенный эпизод метит в расовую теорию Ф. Ницше, взятую на вооружение фашистами (его идея царствующей над всеми белокурой бестии). Образ Германии возникает и в связи с упоминанием преследований изгнанного племени. Эвфемизм Козырева не позволяет усомниться в том, что речь идет о евреях, подлежащих в планах нацистов уничтожению. В то же время эпизод художественно иллюстрирует книгу «Народоведение» немецкого этнолога и культуролога Ф. Ратцеля, разделявшего народы на высшие и низшие¹. Любопытно, что этнолог проводил исследования не только на основе эмпирических наблюдений над бытом и нравами народов, но и на основе измерений объемов головы и тела народностей и племен разных континентов. Книга Ратцеля «Народоведение» (СПб., 1903) была переведена на русский язык и издана в России в начале XX в. и вскоре стала популярной среди интеллигенции.

В подтексте данного пассажа слышатся также отголоски отечественных теорий, в частности богдановской всеобщей организационной науки, согласно которой в обществе будущего все должно подчиняться математическому расчету: от материального производства до деторождения. Примечательно, что задолго до появления повести М. Козырева данную проблему художественно обозначил Е. Замятин в антиутопии «Мы». Его героиня О-90 лишена права родить ребенка из-за несоответствия «материнской норме». Козырев развил тему регламентированных супружеских отношений: в его повести возникает мотив любви разрешенной, одобренной всемогущим государством, а значит, лишенной свободы и естественности.

¹ Фридрих Ратцель (1844–1904) в другой своей книге «Политическая география» (1897) вывел семь законов пространственного роста государства, теоретически обосновывая то, что «растущий народ» занимает новые территории для увеличения своей численности. Выведенные им законы обосновывали неизбежность территориальных притязаний и экспансии.

К образу фашистской Германии обращают эпизоды, посвященные культуре и нравам юбералльцев. Например, в третьей главе сообщается, что «чтение <...> не было в обычае при дворе» [10, с. 123], а в восьмой описывается праздник «всенародного сожжения книг» [10, с. 146]. Особый цинизм «праздника» состоит в том, что *студенты* и *профессора* университетов должны, как язычники, танцевать и петь вокруг костров из пылающих книг, прыгать через огонь, неспособные же сделать это «навечно» исключаются «из ученого сословия» [10, с. 146].

На первый взгляд, критика в приведенном эпизоде нацелена на Германию, где в 1933 г. после прихода к власти национал-социалистов была организована кампания публичного сожжения книг и в которой деятельное участие принимали студенты — Немецкий студенческий союз. Но возникает закономерный вопрос: только ли нравы Германии имел в виду автор? На наш взгляд, здесь очевиден переход одного культурного контекста в другой, более близкий и знакомый автору. Об этом говорит предисловие к повести, где Козырев от лица рассказчика Чарльза Симпсона отрицает, что под Юбераллией подразумевается «нынешнее правительство одной дружественной державы, расположенной на берегах Рейна...» [10, с. 102]. Этой лукавой фразе можно доверять и не доверять. Неслучайно Козырев дал стране говорящее название. Юбераллия (от *нем.* *Überall* — повсюду) в переводе с немецкого языка означает место, не привязанное к конкретному городу или стране, но существующее везде, всюду. С одной стороны, автор прямо указывает на Германию, с другой — задает условный характер топоса. Наконец, используя эзоповский язык, он намекает на наличие другого объекта критики. Этим объектом становится Советский Союз с его классовым гегемонизмом и нарастающим пренебрежением к личности.

Актуализация «советского» кода заставляет обратиться при анализе приведенного эпизода к событиям культурной жизни страны, которые отлично опознавались современниками. Так, в период создания повести еще не была забыта кампания травли ученых формальной школы во главе с В. Шкловским, Б. Эйхенбаумом, Р. Якобсоном и др., которые подверглись остракизму и были вынуждены отказаться от своих взглядов. Неслучайно их называли «раскаявшимися врагами», но даже, несмотря на это, некоторые горячие головы призывали отправить их на принудительные работы (таков, например, был поэт и критик В. Эрлих, впоследствии сам репрессированный) [6].

В 1930-е гг. процесс закрепощения академической мысли пошел еще дальше. В это время Советский Союз взял курс на «создание централизованной плановой советской науки, ее идеологизацию, огосударствление, духовно-организационную “коллективизацию”» [11, с. 411], что повлекло за собой усиление карательных мер против профессорско-преподавательского состава и научных работников. В ходе так называемого пулковского дела² были осуждены

² «Пулковское дело» — сфабрикованный НКВД политический процесс, проходивший в 1936–1937 гг. и направленный на ученых, имевших научные связи с западными коллегами. Первоначально были репрессированы сотрудники Пулковской обсерватории, готовившиеся

ведущие ученые в разных областях наук. Это был урок всем интеллектуалам страны: отныне никакие научные заслуги не могли спасти инакомыслящих от расправы.

Так, постепенно находящийся на периферии смысловой узел, связанный с Советским Союзом, все более перемещается в центр, выстраиваясь в гротескный образ страны, зараженной насилием и страхом.

Писатель не мог остаться равнодушным к культурной политике страны «победившего пролетариата». Он поднял голос против рождения нового гомункулуса — литературы соцреализма. Опасность этого искусственно созданного «младенца» писатель видел в том, что его апологеты убивают истинную литературу.

«С особенным интересом прочел я одно из новейших философских сочинений, относящихся к кануну уничтожения книгопечатания... Автор <...> доказывал, что реален не предмет, а его отражение в зеркале, что только это отражение в действительности существует, а сам предмет иллюзорен...» [10, с. 186].

В настоящем фрагменте каждое слово играет смыслами. Очевидная отсылка к философии идеализма, несомненно, имеющая место, не должна уводить от главного объекта критики. Под новейшими философскими теориями здесь следует понимать не только философию Ницше, но и марксистско-ленинское учение, в частности ленинскую теорию отражения, взятую на вооружение соцреализмом. В приведенном здесь в сокращении фрагменте Козырев неслучайно четырежды упоминает слово «отражение».

Ирония писателя становится понятной, если обратиться к различным суждениям о советской литературе его современников. Так, А. В. Луначарский в докладе на втором пленуме Союза писателей СССР в 1933 г. назвал искусство идеологической надстройкой и наметил «правильные» пути изображения действительности: «... правда — она не похожа на себя самое... *правда — это завтрашний день* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — *И. М.*), и *нужно ее видеть именно так...* <...> ...пролетариат хочет заглянуть в будущее, хочет, чтобы ему показали воочию, дали бы почувствовать, что такое коммунизм настоящий...» [12].

В противовес официальной точке зрения критик Д. П. Святополк-Мирский считал, что марксизм и ленинизм буквально «вколачиваются» в российскую культуру, что литература многое теряет от тирании цензуры [13, с. 159, 164]. Словно в подтверждение его слов А. К. Воронский, критикуя апологетов пролетарской литературы, заявлял, что произведения пролетарских писателей «никакая не литература, а красная иконопись, искажающая действительность» (цит. по: [14, с. 476]).

к солнечному затмению 19 июня 1936 г. и потому имевшие контакты с зарубежными учеными. Но затем круг обвиненных в контрреволюционной деятельности значительно расширился. Были арестованы ученые Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Ташкента и др.

В приведенном отрывке Козырев искусно замаскировал крамольный смысл, заменив слово «литература» словом «книгопечатание», и таким образом отослал фрагмент к значительно более раннему времени, однако в итоге его смысл стал еще более зловещим, так как новейшие теории, культивировавшие приукрашенное отражение мира, грозили уничтожением литературы, возвращением страны к средневековому, «допечатному» состоянию.

Как квинтэссенция тотальной лжи в повести выступает образ чудесного зеркала, в котором люди видят себя без морщин, уродств, в прекрасной одежде, тогда как в действительности они грязны, оборванны, голодны. По законам сатиры Козырев актуализировал в образе зеркала его мифопоэтическую символику границы, разделяющую земной и потусторонний мир. Но если в народной традиции зазеркалье опасно и грозит бедами, то у Козырева оно, напротив, показывает желаемое и то, чего нет на самом деле. Расположенные повсюду, зеркала создают у юбералльцев ложное чувство благополучия и достатка. Обносившийся Гулливер, попросивший у горничной нитку и иголку, был подведен к такому зеркалу, и непостижимым образом в отражении его костюм оказался новым и чистым, а волосы завитыми и причесанными. Таким зеркалом в Советском государстве призвано было стать искусство соцреализма, от представителей которого требовалось показывать мечту, опережающую действительность (В. И. Ленин). Другая проекция данного образа — партийная идеология, внедрявшая в сознание современников мысль о том, что им выпало счастье жить в самой прекрасной стране мира.

К политическому контексту 1920–1930-х гг. апеллируют многие страницы повести. Уже в первой главе, в эпизоде о добром и злом священниках, с которыми беседует Гулливер, содержится имплицитная отсылка к ситуации смены власти в России в 1920-е гг.:

«Но еще прежде, чем к старцу подкралась смерть, слабость здоровья заставила его покинуть кафедру и передать место молодому преемнику. Преемник этот посетил старика как раз в один из тех вечеров, когда мы вели наши беседы.

Молодой священник сразу же не понравился мне: низкий лоб, небольшие хищные и острые глазки и огромные челюсти напоминали о его слишком близком родстве с презренными еху» [10, с. 104].

В данном фрагменте содержится довольно прозрачный намек на болезнь В. И. Ленина, который два последних года жизни, оставив свой пост, находился в Горках под присмотром Сталина, к тому времени уже Генерального секретаря партии. Портретная характеристика молодого священника напоминает внешность Сталина (низкий лоб, острые глазки, большие челюсти). Упоминается и о жестокости священника, который не пощадил старца, укорив в добродушном отношении к еретикам, которые «еще остались в его приходе» [10, с. 104]. Такими еретиками для Сталина были сторонники Ленина во главе с Л. Д. Троцким (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. А. Бухарин). В период болезни Ленина Сталин стремился ограничить его контакты с товарищами

по партии и, очевидно, проводил работу, настраивая председателя Совнаркома против влиятельных членов ЦК. Сохранились воспоминания М. И. Ульяновой о беседах Ленина со Сталиным в Горках, свидетелем которых она была и в которых высказывалась серьезная критика Троцкого [15, с. 121]. К 1936 г., времени написания повести, судьба «еретиков» была предрешена, но люди еще не забыли отчаянную внутривнутрипартийную борьбу, в которой неизменно лидировал Сталин. Об этой борьбе в повести напоминают острые сатирические выпады: рассказ о борьбе враждующих лагерей в Юбераллии (длинно- и короткобородников), упоминание о принудительных работах молодых людей, причисленных к преступникам по причине отсутствия у них бород, изгнание из страны некоего предшественника императора и претендента на престол (намек на Троцкого), наличие тайных сторонников короткобородых, сеющих смуту среди простых людей.

Еще одна имплицитная отсылка к партийной верхушке страны — разговор старца с молодым священником, который произносит фразу о волках в овечьей шкуре. На первый взгляд, это цитата из Библии, из Евангелия от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7:15). Но второй смысловой пласт фразы проявляется в ее сопоставлении с большевистской риторикой. В таком контексте она воспринимается как реминисценция к речам вождей. Известно, что будущий «отец всех народов», не владея в достаточной степени ораторским искусством, имел пристрастие к библейским образам и оборотам (отголосок его учебы в духовной семинарии) и к копированию высказываний Ленина, также использовавшего данное выражение. Так, в выступлении перед рабочими Кавказа в январе 1905 г. Сталин сказал: «...царское самодержавие сбрасывает, подобно змее, старую кожу... и, *переодевшись в овечью шкуру*, провозглашает политику примирения!»³. Важно отметить, что намеки Козырева тонки, завуалированы, а их смысл разнонаправлен. Сатирику было важно не назвать имя, а возбудить фантазию, перекинуть мостик к главному объекту своей критики.

В истории Советского Союза 1930-е гг. считаются временем жесточайшего террора. Работа над повестью совпала с показательными процессами на родине писателя (дело Промакадемии, суд убийцы Кирова Л. Николаева, суд над правой оппозицией и др.). Страна жила в атмосфере страха, доноительства. Передавая эту атмосферу, Козырев проводит тему арестов и судов. Тема лишения свободы возникает уже в начале повести, когда жена героя сообщает ему в последний вечер перед путешествием, что днем к ним дважды приходил шериф, имевший приказ об аресте Гулливера. Примечательно, что жена боится именно *ночного ареста*: «Если не хочешь попасть в тюрьму, — сказала она, — ради бога, не ночуй дома» [10, с. 106]. Но герой, в отличие от юбералльцев, обладает волей к свободе и предпочитает аресту бегство.

³ Сталин И. В. Рабочие Кавказа, пора отомстить! *Библиотека русской и советской классики: сайт*. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/stalin-pss18-01/stalin-pss18-01.html#s005007> (дата обращения: 09.12.2021).

Гитлеровская и сталинская социальная инженерия привела к созданию безропотного, законопослушного большинства. Эту рабскую подчиненность Козырев безжалостно высмеял на страницах повести. Юбералльцы смиренно исполняют абсурдные законы и готовы на любые жертвы: работники добровольно уменьшают свою заработную плату, крестьяне забывают о еде, так как «долг фермера — обрабатывать землю, а долг помещика — есть самому» и только потом «кормить своих фермеров» [10, с. 129]. Гулливеру внушают мысль о том, что подобные порядки соответствуют воле самого народа и что низшее сословие ни за что не изменит своей привычке плохо есть, бедно одеваться и ютиться в тесных конурах, потому что знает, что «смысл его существования в подчинении высшим» [10, с. 129].

Квинтэссенция социального абсурда — суд Юбераллии. Жители страны добровольно приходят к императору за наказанием и не молят о прощении, а просят более строгой казни для себя. Император милостиво отправляет людей на смерть через повешение или добровольное лишение головы. В стране процветает самобичевание и даже самоповешение. По решению суда граждане сами наказывают себя. Гулливер был потрясен зрелищем на центральной площади города, когда старик «прутом наносил удары по своему костлявому заду. <...> Спина была изрубцована до крови, а он продолжал отсчитывать удар за ударом» [10, с. 111]. Еще больше поразил его мужчина, который «прочел какую-то длинную бумагу... поднялся по лесенке и всунул голову в заранее приготовленную петлю» [10, с. 111–112].

Логика императора проста: «Если чиновник виноват — он сам покается, а если он не кается, значит, не виноват». Вывернутая наизнанку, эта фраза метила в политические процессы, начавшиеся в стране. Люди ужасались преступлениям видных политических деятелей, кающихся в совершении страшных грехов и просивших для себя суровых наказаний [15, с. 212]. Ход мыслей обывателей был именно такой: если кается, значит, виноват. Несмотря на страх и полуголодное существование, «оборванные, грязные и злые» юбералльцы считают, что живут в лучшей стране мира, а своего тирана-императора называют «равным только создателю и властелину вселенной» [10, с. 124]. Он же, утверждая свое всеисилие и наслаждаясь унижением подданных, провозгласил одного из придворных женщиной и через некоторое время выдал его замуж. Это уже намек на начинавшийся культ личности, грубую лесть и животный страх придворного круга. И титул императора — «отец солнца, царь луны, зажигатель звезд, спаситель всех птиц, зверей и китов» — не оставляет сомнений в том, что император — диктатор, в котором попеременно «мерцают» образы Гитлера и «отца всех народов».

Подводя итог, отметим, что повесть М. Козырева представляет собой цельный замкнутый универсум, внутри которого взаимодействуют различные смысловые пласты. Создавая художественную картину объективной реальности, автор использовал *принцип зеркальной симметрии*, когда текст выстроен как отражение объекта в зеркалах, поставленных одно против другого. Так,

в первом отражении мы видим текст романа Д. Свифта, во втором — Германию 1930-х гг., в третьем — Советский Союз. Выстраивается анфилада дальнейших отражений, в которых угадываются различные литературные тексты, политические и культурные события обеих стран, личности политиков, литераторов и т. д. Ядра семантической структуры, взаимодействуя, создают интересный диалог, усиливаются, вырабатывая новые смыслы. Автор-сатирик не просто создал гротескный образ бесчеловечного государства, но средствами эзоповского языка вложил в него сложную историко-культурную информацию. В итоге повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» активизирует коллективную культурную память и предупреждает об опасности тоталитарной власти.

Список источников

1. Чудакова М. О. Русский сатирик Михаил Козырев. *Вопросы литературы*. 1990; Июнь: 140–149.
2. Зонова Е. В. Сравнительно-типологический анализ повести М. Я. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера...» и романа Д. Свифта. *Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2007; № 8 (71): 66–69.
3. Зонова Е. В. Творчество М. Я. Козырева: поэтика сатирических рассказов и повестей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров; 2007. 19 с.
4. Умрюхина Н. В. Проза М. Я. Козырева 1920-х гг. (историко-литературный контекст, проблематика, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва; 2005. 29 с.
5. Быстрова О. В. Сны и реальность в повести М. Козырева «Ленинград». *Русская литература XX века: Образ, язык, мысль: межвузовский сборник научных трудов*. М.: МПУ; 1995: 21–29.
6. Литература и язык. Литературная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. М.: Росмэн; 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5516 (дата обращения: 05.09.2021).
7. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Либроком; 2010. 448 с.
8. Хейзинга Й. *Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры*. СПб.: Изд-во И. Лимбаха; 2011. 416 с.
9. Матвеева И. И. Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2020; № 3: 35–44.
10. Козырев М. Пятое путешествие Гулливера. М.: Текст; 1991. 303 с.
11. Жуков В. Ю. «Пулковское дело». *Репрессированные геологи* / под ред. В. П. Орлова. М.; СПб.: [Б. и.]; 1999: 412–417.
12. Луначарский А. В. Социалистический реализм. Конспект доклада. *Наследие А. В. Луначарского: Философия, политика, искусство, просвещение: сайт*. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticeskij-realizm/> (дата обращения: 10.09.2021).
13. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Т. 2: Современная русская литература (1881–1925). М.: Эксмо; 2008. 920 с.

14. Огрызко В. Советский литературный генералитет. Судьбы и книги. М.: Литературная Россия; 2018. 912 с.
15. Радзинский Э. С. Сталин. Вся жизнь. М.: АСТ; 2016. 544 с. URL: <https://www.litres.ru/edvard-radzinskiy/stalin-vsya-zhizn> (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. Chudakova M. O. Russkij satirik Mixail Kozy`rev. *Voprosy` literatury`*. 1990; Iyun` : 140–149. (In Russ.).
2. Zonova E. V. Sravnitel`no-tipologicheskij analiz povesti M. Ya. Kozy`reva «Pyatoe puteshestvie Lemyue`lya Gullivera...» i romana D. Svifta. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarny`e nauki*. 2007; № 8 (71): 66–69. (In Russ.).
3. Zonova E. V. Tvorchestvo M. Ya. Kozy`reva: poe`tika satiricheskix rasskazov i povestey: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kirov; 2007. 19 s. (In Russ.).
4. Umryuxina N. V. Proza M. Ya. Kozy`reva 1920-x gg. (istoriko-literaturny`j kontekst, problematika, poe`tika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva; 2005. 29 s. (In Russ.).
5. By`strova O. V. Sny` i real`nost` v povesti M. Kozy`reva «Leningrad». *Russkaya literatura XX veka: Obraz, yazy`k, my`sl` : mezhvuzovskij sbornik nauchny`x trudov*. M.: MPU; 1995: 21–29. (In Russ.).
6. Literatura i yazy`k. Literaturnaya e`nciklopediya / pod red. A. P. Gorkina. M.: Rosme`n; 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5516 (data obrashheniya: 05.09.2021). (In Russ.).
7. Arnol`d I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual`nost`. M.: Librokom; 2010. 448 s. (In Russ.).
8. Xejzinga J. Homo ludens. Chelovek igrayushhij. Opy`t opredeleniya igrovogo e`lementa kul`tury`. SPb.: Izd-vo I. Limbaxa; 2011. 416 s. (In Russ.).
9. Matveeva I. I. Neklassicheskaya satira A. P. Platonova: e`steticheskie principy`, novy`e smy`sly`. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2020; № 3: 35–44. (In Russ.).
10. Kozy`rev M. Pyatoe puteshestvie Gullivera. M.: Tekst; 1991. 303 s. (In Russ.).
11. Zhukov V. Yu. «Pulkovskoe delo». *Repressirovanny`e geologi` / pod red. V. P. Orlova*. M.; SPb.: [B. i.]; 1999: 412–417. (In Russ.).
12. Lunacharskij A. V. Socialisticheskij realizm. Konspekt doklada. *Nasledie A. V. Lunacharskogo: Filosofiya, politika, iskusstvo, prosveshhenie: sajt*. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticheskij-realizm/> (data obrashheniya: 10.09.2021). (In Russ.).
13. Svyatopolk-Mirskij D. P. Istoriya russkoj literatury` s drevnejshix vremen po 1925 god. T. 2: Sovremennaya russkaya literatura (1881–1925). M.: E`ksmo; 2008. 920 s. (In Russ.).
14. Ogrzy`zko V. Sovetskij literaturny`j generalitet. Sud`by` i knigi. M.: Literaturnaya Rossiya; 2018. 912 s. (In Russ.).
15. Radzinskij E`. S. Stalin. Vsya zhizn`. M.: AST; 2016. 544 s. URL: <https://www.litres.ru/edvard-radzinskiy/stalin-vsya-zhizn> (data obrashheniya: 10.09.2021). (In Russ.).

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра; 1992. 480 с.

Bibliographic list

1. Lotman Yu. M. Sbranie sochinenij: v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury`. Tallin: Aleksandra; 1992. 480 s.

Информация об авторе

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature Department Institute of Humanities MCU.

Научная статья
УДК: 811.112*37
DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.04

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ ПРИНТ КАК ПРОДВИГАЮЩИЙ ТЕКСТ

Чупрына Ольга Геннадьевна¹

Каменская Анна Александровна²

^{1,2} Институт иностранных языков
Московского городского педагогического университета

¹ chuprinaog@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-3764>

² kamenskajaaa@mgpu.ru

Аннотация. Текстовый принт как лингвокультурное явление не получил достаточного внимания исследователей. Цель работы — восполнить существующий пробел и рассмотреть декоративную надпись на футболке как особый вид продвигающего текста. Используются методы контекстуального исследования и контент-анализ. Установлено, что текстовый принт продвигает социальные, культурные и политические идеи и является значимой единицей маркетинговой коммуникации. Результатом работы стала функциональная классификация текстовых принтов.

Ключевые слова: текстовый принт; продвигающий текст; «декоративный английский»; культура продвижения.

Для цитирования: Чупрына О. Г., Каменская А. А. Англоязычный текстовый принт как продвигающий текст // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 38–49. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.04

Original article

ENGLISH TEXT PRINT AS A PROMOTION TEXT

Olga G. Chupryna¹

Anna A. Kamenskay²

^{1,2} Institute of Foreign Languages,
Moscow City University

¹ chuprinaog@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-3764>

² kamenskajaaa@mgpu.ru

Abstract. Scholars have paid little attention to the text print as a linguistic and cultural phenomenon so far. The article aims at examining T-shirt prints as linguistic, cultural and promotion phenomena not completely described by linguists so far. Experiment was held by means of context and content analysis. Results demonstrate that text-print is a salient unit of marketing communication promoting social, cultural and political ideas. Text-prints functional classification is provided.

Keywords: text print; promotion text; Decorative English; promotion culture.

For citation: Chupryna O. G., Kamenskay A. A. English Text Print as a Promotion Text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; 4 (44): 38–49. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.04

Надписи на ткани, или текстовые принты, появились несколько тысячелетий назад. Как отмечают исследователи, «слово и ткань связаны неразрывно едва ли не с первых шагов человеческой цивилизации» [1]. В древнем Китае на шелке писали письма, стихи, философские трактаты, пособия по придворному этикету. В гробнице в Мавандуе II века до н. э. были обнаружены шелковые свитки с подробным руководством по китайской медицине [1]. Нередко на ткань наносили название и имя мастера, ее изготовившего, что превращало текстовый принт в прообраз продвигающего текста. Текстиль выполнял роль носителя знаний и выступал каналом их распространения, а текст на нем был нацелен на формирование общественной осведомленности о самых различных явлениях — от сакральных и религиозных представлений до маркетинговой информации. В Европе, как пишет искусствовед Юлия Демиденко, первые надписи на тканях датируются XI–XII вв. К этому периоду относится знаменитый ковер из Байе, на котором эпизоды норманнского завоевания Англии сопровождаются короткими текстовыми комментариями. Изучив тематику и содержание комментариев, она назвала вышитые тексты первым в мире образцом «пропагандистского текстиля» и поставила их в один ряд с образцами, появившимися в период Великой французской революции и советским агитационным текстилем 1920-х годов [1]. В России набивные платочки по английскому образцу были выпущены к 100-летию войны 1812 г., к коронации императора Николая II в 1896 г., их регулярно печатали к различным юбилеям со дня освобождения крестьян и т. п. [1].

Общественная роль и лингвокультурная значимость текста, нанесенного на текстиль, существенным образом изменилась после того, как в мире сформировалась культура продвижения (*promotion culture*), благодаря которой *продвижение* (*promotion*) из сферы рекламы распространилось на всю область общественных отношений, включая религиозную и политическую пропаганду и разные виды повседневного бустеризма¹ [2]. Другим фактором, повлиявшим на это изменение, стало развитие так называемого декоративного английского² (*decorative English*). Впервые данный термин появился в научной литературе в 1987 г. в работе Джона Дугилла, профессора Киотского университета, посвященной общественной и культурной роли английского языка в японском обществе. Ученый утверждал, что распространение английского языка в Японии было отражением восхищения жителей страны перед другим миром (*gaijin*) и их желания стать частью мирового сообщества [5, с. 33]. Изучая надписи на английском языке на предметах одежды, он обратил внимание на то, что, хотя в Японии английский является обязательным предметом в школе и многие владеют им на приличном уровне, но тексты часто содержат грамматические, лексические и синтаксические ошибки, из-за чего выглядят нелепыми, смешными и порой абсурдными. Местных жителей, как полагал Дж. Дугилл, это не смущает, поскольку надписи, выполненные латинским шрифтом, кажутся современными, изысканными и интеллектуальными [5, с. 33]. К схожему заключению пришел в 1991 г. профессор Марк Н. Брок, который утверждал, что во многих частях Азии английский, даже если он едва узнаваем как таковой, является признаком высокого статуса и современности [6].

Престижность английского языка повлияла на формирование новой имиджевой функции декоративного английского, которая нагляднее всего проявилась в текстовых принтах на футболках — одном из самых популярных предметов одежды, который до Второй мировой войны оставался исключительной принадлежностью военного обмундирования. В годы войны популярности футболке добавил журнал «Life», в 1942 г. поместивший на одну из своих обложек фотографию курсанта стрелковой школы ВВС в Лас-Вегасе в такой футболке [7]. Вернувшись домой после Второй мировой войны, ветераны продолжали носить свою униформу, а те, кто возобновил обучение в колледжах, производили значительное впечатление на остальных студентов непривычным

¹ Развитие провинциальной прессы в США в конце XIX – начале XX века, активно привлекавшей внимание к маленьким городкам и усиленно поощрявшей гордость за эти места, привело к появлению термина «бустеризм» (*boosterism* — «the action or policy of enthusiastically promoting something, as a city, product, or way of life» [3]). В настоящее время он широко используется в значении «the heavy promotion of a place, or person, with a hint of hyperbole, even huckster-ish tendencies» / «агрессивное продвижение места или человека с чертами гиперболы и даже торгашества» (здесь и далее перевод наш. — О. Ч. и А. К.) [4].

² Существуют и другие названия этого явления: атмосферный английский (*atmosphere English*), орнаментальный английский (*ornamental English*).

элементом одежды [7]. Постепенно футболка приобрела особую знаковую, став символом мужественности и героизма.

Этот предмет одежды получил дальнейшую популярность благодаря образу Марлона Брандо в фильме 1951 г. «Трамвай “Желание”». Главный герой появился на экране в простой белой футболке, подчеркивающей фигуру. Картина приобрела успех, то же самое произошло и с футболкой. В середине XX в. это изделие из хлопка стало точкой пересечения двух ведущих мировых тенденций — демократизации общества в США и Европе и развития технологии трафаретной печати. Как отмечает эксперт моды Наталия Пыхова, «футболка стала универсальным “холстом”, способом высказывания, выражения себя, формой пропаганды, знаком отличия и принадлежности» [7]. Футболка с антивоенным текстовым принтом была «знаменем» американских и европейских хиппи, протестовавших против войны во Вьетнаме. Ее воспринимали как отличительный знак феминистских движений 1970-х. В начале 1980-х гг. известный британский дизайнер Кэтрин Хэмнет разместила на футболках тексты, отражавшие злободневные общественные проблемы: «Save the Sea», или «Choose Life», или «No War» [8]. В молодежной среде в это время приобретают популярность футболки с логотипами известных дизайнерских брендов. В 2014 г. британское издание журнала «Elle» анонсировало футболку унисекс с надписью «This Is What a Feminist Looks Like», которая затем успешно продавалась в модной линейке британского премиального бренда «Whistles» [9].

Футболка с текстовым принтом постепенно вписалась в культуру продвижения и как выгодный товар, популярность которого поддерживалась сменой актуальных и востребованных обществом надписей, и как новый текстовый формат. Исследователи считают, что подобные футболки создали «новое городское средство информации, транслирующее и продвигающее определенные идеи и взгляды, побуждающие к чему-либо» / «new urban media translating and promoting certain ideas, thoughts, motivating on something» [10]. В этом качестве футболка как средство и канал коммуникации «имеет мало общего с каналами распространения официальной массовой культуры» [11, с. 14]. Во многом благодаря футболке ведущие социальные тенденции и идеи, например принципы феминизма, трансформировались в нечто рыночное / something marketable [9]. «Рынок» политических, социальных и культурных движений предопределил появление рынка декоративных надписей. Текстовый принт стал единицей в «пространстве маркетинговых коммуникаций, служащей целям эффективного воздействия на целевую аудиторию» [12]. С одной стороны, декоративный текст, т. е. текст, нанесенный на футболку, служит продвижению дизайнерского, музыкального, туристического и иного бренда и созданию его узнаваемости. С другой стороны, он сообщает о взглядах индивида и тенденциях в обществе, привлекает к ним внимание как сторонников, так и их противников, формирует эмоциональное отношение к этим взглядам и может «в идеале, побудить к определенному действию» [12]. Маркетинговая функция декоративного текста в этом случае заключается в удовлетворении

желания индивида, носителя футболки, в самовыражении и демонстрации своей идентичности. Потребность как маркетинговая категория соответствует уровню культурного развития отдельного индивида и всего общества. Технологический и социальный прогресс способствуют расширению возможностей индивида, и потребность в предъявлении обществу своей идентичности и создание ее узнаваемости приобретает все большую значимость. Появление особого вида текста, зафиксированного на предмете одежды, символизировало смещение чувств, предпочтений, идеалов из пространства переживаемого в пространство репрезентации [13]. Декоративный текст на футболке, помимо решения собственно маркетинговых задач — удовлетворения существующей потребности, увеличения продаж, диверсификации целевой аудитории, — стал средством пропаганды личных, социальных, культурных и политических идей и взглядов, уподобляемых в современном обществе товару, который необходимо продвигать и рекламировать [6; 14].

Текстовый принт обладает определенным «коммуникативно-прагматическим потенциалом» [15, с. 65], который можно представить в виде набора нескольких функций, отличающих его от других типов продвигающего текста.

Сигнальная функция позволяет не только сообщать о собственном мировоззрении, но и опознавать своих и чужих, привлекать тех, кто разделяет выраженные в декоративном тексте идеи, и продвигать как коллективные, так и индивидуальные взгляды. Данная функция проявляется в декоративных текстах, соотносящихся с тремя основными концептуальными областями — гендер, экология и существование в цифровизированном обществе, — отношение к которым более всего сказывается на разделении людей на своих и чужих. Сигнальные надписи, как правило, содержат личные местоимения первого лица единственного и множественного числа (I, we) и их формы в объектном падеже (us), притяжательное местоимение my, а также антропонимические номинации: woman, girl, feminine, human. Равенство полов, независимость женщин является острой проблемой и заметной потребностью в области современных гендерных отношений [16], что отражается в многочисленных декоративных надписях, например «Divine Feminine», «I am enough», «Girls just want to have fundamental human rights», «A real woman is who ever she wants to be», «Support masculine girls». В современном цифровом мире существует отчетливо выраженная тенденция к виртуальной социализации, установлению дружеских отношений в интернет-пространстве, а не в живых личных контактах. Сигналом приверженности к такого рода взаимодействию и его продвижению служит, например, текст, основанный на игре слов: «I am a social vegan. I avoid “Meet”»³. Анализ текстовых принтов свидетельствует, что в мире становится все больше сторонников защиты окружающей среды, поддержания комфортного климата и сохранения планеты. Прагматика подобных надписей

³ Все примеры взяты с сайтов: <https://www.pinterest.ru>; <https://www.threadless.com>; <https://www.marieclaire.co.uk/fashion/shopping/best-slogan-t-shirts-481063>

Озаключается не только в демонстрации приверженности конкретным взглядам и оценкам, но и в определении своего места среди своих или чужих. Например, «GLOBAL WARMING IS NOT COOL»⁴.

Защитная функция состоит в ограждении владельца футболки от вмешательства в его внутреннее или физическое пространство с помощью декоративного текста. Эксплицитное выражение эта функция, как правило, получает в отрицательных формах глагола: «Do not disturb», «Hi. I don't care. Thanks» — и в префиксах со значением противоположности или враждебности: «Antisocial today and also always». Окказионализмы, создаваемые по аналогии с существующими словообразовательными моделями, но в нарушение установленной нормы, привлекают внимание своей «неправильностью» и служат средствами имплицитного представления желания человека сохранять свое личное пространство ненарушенным. Например, в надписи «It's way too peopley outside» слово people, значение которого следует интерпретировать как «многолюдный», образовано в нарушение правил, но по аналогии с моделью прилагательного с суффиксом -y.

Смысл *прескриптивной* функции состоит в стремлении повлиять на поведение и настроение окружающих. Она актуализуется в императивных надписях, советах, мотивирующих высказываниях, например: «Know your power», «Be the example», «If your mind believes, your body achieves», «Love God. Love people».

Маскирующая функция заключается в способности текста скрыть реальную личность человека и создать мнимую идентификацию, которая «реализуется, когда человек стремится попасть в референтную для него группу, в которую он попасть не может. При этом он усваивает чисто внешние признаки членов этой группы, приобретая мнимую идентичность. Отличительная особенность мнимой идентификации — игровой характер. Человек играет несвойственную ему социальную роль» [17, с. 118]. Чтобы влиться в ту или иную социальную общность, человеку порой достаточно надеть футболку с соответствующей надписью. Например, чтобы стать участником марша в поддержку республиканцев в США, совсем необязательно разделять их идеи. Достаточно надеть футболку с надписью «Make America Great Again», и ты окажешься включенным в положительную референтную группу.

Экспрессивная функция декоративного текста обусловлена стремлением обладателя футболки произвести впечатление, вызвать яркие эмоции у окружающих. Составители надписей используют в этом случае восклицательные знаки, прилагательные в превосходной степени, слова с эксплицитно выраженной положительной или отрицательной коннотацией, разговорные клише: «I'm the coolest idiot alive!», «Yeah, Rights» (разговорная фраза, которую используют, когда хотят выразить недоверие к услышанному, — «Да ладно!»).

Продвигающий декоративный текст обладает эстетической функцией, чье своеобразие определяется организацией текста, в которой рутинность повседневной речи нарушается благодаря непривычному словоупотреблению, игре

⁴ Здесь и далее сохранены графика и орфография оригинальных текстов.

слов, рифме или аллитерации. Например, «Pasta club. We march for starch», «Live for a cause, not for applause», «Save artt seas».

Как показывает анализ 200 текстовых принтов, прескриптивная функция, реализуется чаще всего — в 28,5 % всех случаев. Сигнальная функция проявляется в 11 % текстов. Экспрессивная функция не реализуется самостоятельно, но совмещается с другими отмеченными функциями и потому присутствует во всех 200 надписях. Наиболее трудно выявить маскирующую функцию: для этого необходимо изучить широкий социокультурный контекст. Наименее выраженной является эстетическая функция, которая актуальна для 4 % текстов.

Выделенные функции образуют так называемую модальную рамку продвигающего текста, внутри которой «имплицитно присутствуют совпадающие социокультурные представления» [18, с. 109] обладателя футболки и предполагаемой аудитории реципиентов текста.

Текстовый принт всегда ориентирован на некоторую целевую аудиторию, ведущие характеристики которой зависят от возраста, пола, финансового состояния, религиозных верований и т. д. В современном мире религия занимает заметное место и оказывает влияние как на экономические результаты и экономическое поведение, так и на формирование предпочтительного отношения к тем или иным событиям. Декоративные надписи религиозного содержания представляют собой либо цитирование изречений из Библии, снабженное соответствующей ссылкой («AND LET US RUN WITH ENDURANCE THE RACE HE SET BEFORE US (HEBREWS 12:1)» / «дозволь нам с терпением проходить подлежащее нам поприще»), либо трансформацию оригинального высказывания, адаптированного под современные условия и потребности индивида («SAVED BY GRACE through FAITH in Christ (EPHESIANS 2:8)» / «спасенный благодатью через веру в Христа»).

Текстовый принт на футболке всегда интенционален, поскольку его автор сознательно вкладывал в него определенный смысл и преследовал цель найти своего покупателя. Продвигающий потенциал декоративного текста формируется благодаря осведомленности его составителя об актуальных событиях, общественных трендах и словам, которые с наибольшей вероятностью привлекут внимание и будут декодированы в соответствии с заложенным в них смыслом. Контент-анализ эмпирического материала показал, что в число десяти наиболее частотных слов входят следующие лексемы: love (9), more (7), stop (6), save (5), coffee, girl, dream, yourself, cat, club и life (4 раза каждое слово). Анализ показал, что 35 % текстов соотносятся с концептуальной областью «любовь».

Большая часть этих слов входит в языковое оформление прескриптивных надписей, например: «CULTIVATE LOVE», «FIND WHAT YOU LOVE AND LET IT KILL YOU», «LOVE GOD. LOVE PEOPLE», «LOVE YOURSELF. FIRST RULE. DON'T FORGET», «Explore More», «ASPIRE Not to HAVE MORE But to BE MORE», «STOP MAKING STUPID PEOPLE FAMOUS». Дистрибуция

слов «love», «save», «stop» охватывает сигнальные, экспрессивные и эстетические надписи: «STOP DESTROYING THE PLANET THIS IS WHERE MY CAT LIVES», «LOVE IS MY favourite ADVENTURE», «SAVED BY GRACE through FAITH in Christ (EPHESIANS 2:8)».

Аллюзивность как характерная черта современной лингвокультуры является заметным фактором, влияющим на продвигающий потенциал текстового принта. Как правило, источником аллюзий становятся популярные кинофильмы. Надпись «NOT FAST NOT FURIOUS» содержит отсылку на известную серию боевиков, которая в оригинале называется «Fast and Furious» («Быстрый и яростный»). Широкий прокат и огромный успех фильмов предопределили узнаваемость его названия, благодаря чему оно сохранилось в культурной памяти как символ брутальности. Смысл аллюзивной надписи («не быстрый, не яростный») раскрывается как вызов антисоциальному поведению — незаконным уличным гонкам, ограблениям и шпионажу.

Декоративная надпись «SAVE THE GALAXY PLANT A TREE» отсылает к фильму «Guardians of the Galaxy» («Стражи галактики»). Аллюзия содержится в употреблении слов Galaxy и tree. Первое фигурирует в названии фильма и обозначает место действия. Слово tree указывает на второстепенного, но не менее важного героя по имени Грут — древовидного гуманоида и одного из Стражей Галактики. После гибели Грута его друг нашел и посадил в цветочный горшок кусочки веточек, оставшихся от него, которые выросли и превратились в его сына. В сложном семантическом строе рассматриваемой надписи скрыт призыв к людям из реального мира защищать свой дом (планету) от экологических проблем, в числе которых массовая вырубка лесов.

Способность текстового принта выступать в виде отклика на злободневные темы и острые ситуации служит важным фактором, определяющим его эффективность как продвигающего текста. В условиях эпидемии коронавируса декоративные надписи стали средством выражения поддержки предпринимаемых противоэпидемических мер и их пропаганды: «WEARING IS CARING», «I'M VACCINATED BUT I STILL DON'T WANT TO HANG OUT WITH YOU», «SOCIAL DISTANCING IF YOU CAN READ THIS, YOU'RE TOO CLOSE». Стремление снизить уровень напряженности и психологической обеспокоенности проявилось в эстетических надписях юмористического характера, например «THIS IS MY QUARAN-TEE» (TEE<T-shirt).

Анализ английских текстовых принтов позволяет заключить, что футболка с надписью представляет собой особое, социально значимое средство коммуникации, а нанесенный на нее текст обладает всеми характеристиками, присущими продвигающему типу текста. К их числу относятся: 1) *локация* — текст размещается преимущественно на переднем полотне футболки; 2) *информативность* как смысловая новизна текста, с точки зрения его реципиента; 3) *таргетированность* — принт нацелен на поиск «своих» реципиентов; 4) *модальность* — имплицитно выраженное совпадение социальных и культурных

представлений обладателя футболки и целевой аудитории; 5) *аллюзивность* как способность текста стимулировать культурную память; 6) *актуальность* — текстовый принт отражает важные на данный момент времени события, идеи и взгляды. Как средство коммуникации, футболка с принтом создает новый канал взаимодействия индивида и общества, внутри которого данный индивид имеет возможность эффективно представлять себя как участника коммуникативного процесса, направляя свое сообщение неопределенному числу реципиентов. Обратная связь во время обмена смыслами выражена неявно, как в условиях массовой коммуникации. Декоративные надписи, с одной стороны, служат средством самоопределения и призывом к обществу «Узнай меня!» в противоположность изречению Сократа «Познай себя!». С другой стороны, как продвигающие тексты они привлекают внимание, производят впечатление, нацелены на удовлетворение внутренней потребности индивида и целого общества. Совпадение заложенных в декоративном тексте смыслов и воззрений целевой аудитории покупателей данного предмета одежды в значительной мере способствует достижению основной цели маркетинга — стимулированию продаж товара.

Список источников

1. Демиденко Ю. Слова на ткани: путь к эгалитаризму. *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2011; № 3 (21): 10–28. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/21_tm_3_2011/article/18976/ (дата обращения: 10.10.2021).
2. Wernick A. Promotional culture. *Canadian Journal of Political and Social Theory (Revue canadienne de théorie politique et sociale)*. 1991; № 1–3 (15): 260–281.
3. Boosterism (definition). *Dictionary.com*. 2021. URL: <https://www.dictionary.com/browse/boosterism> (дата обращения: 10.10.2021).
4. Walker P. Boosterism — the questionable credo now steering Britain. *The Guardian*. 2019; July 31. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jul/31/boosterism-the-questionable-credo-now-steering-britain> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Dougill J. English as a decorative language. *English Today*. 1987; № 3 (4): 33–35.
6. Brock M. N. ‘The good feeling of fine’: English for ornamental purposes. *English Today*. 1991; № 7 (2): 50–51.
7. Пыхова Н. Как появилась футболка: из истории вещей. *Burda style.ru*. 13 августа 2018. URL: <https://burdastyle.ru/stati/kak-poyavilas-futbolka-iz-istorii-veshchej/>
8. Michalewicz C. Right Livelihood gets fashionable, thanks to design icon Katharine Hamnett. *Lion’s Roar: Buddhist wisdom for our time*. December 3, 2012. URL: <https://www.lionsroar.com/right-livelihood-gets-fashionable-thanks-to-design-icon-katharine-hamnett/>
9. Repo J. Feminist commodity activism: The new political economy of feminist protest. *International Political Sociology*. January 2020; № 2 (14). URL: https://www.researchgate.net/publication/338671904_Feminist_Commodity_Activism_The_New_Political_Economy_of_Feminist_Protest/citations. DOI: 10.1093/ips/olz033
10. Yukhmina E., Mamonova N., Mingazheva E. Linguo-structural analysis of the English T-shirt inscriptions as new urban media. *III PMMIS. 2019 (Post mass media in the modern informational society) «Journalistic text in a new technological*

environment: achievements and problems». 2020: 424–431. URL: https://www.researchgate.net/publication/335024802_Linguo-Structural_Analysis_Of_The_English_T-Shirt_Inscriptions_As_New_Urban_Media. DOI: 10.15405 / epsbs.2019.08.02.49

11. Чупрына О. Г. Язык. Культура. Текст: учеб. пособие. М.: Флинта; 2020. 104 с.
12. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции. *Верхневолжский филологический вестник*. 2018; № 3: 71–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii>. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10136
13. Berger A. A. Ads, fads and consumer behavior: Advertising impact on American culture and society. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield; 2015. 276 p.
14. Чупрына О. Г. Promotion of social and political issues in American mass-media discourse. *Время и культура в лингвистике и литературоведении = Time and Culture in Linguistic and Literary Discourse*. М.: Принтика; 2021: 43–49.
15. Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель». *Вестник ИГЛУ*. 2012; № 2 (18): 63–68.
16. Матунова Г. А. Лексическая репрезентация гендерных стереотипов в британской прессе начала XX в. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2018; № 1 (29): 107–111.
17. Гасилин В. Н. Идентичность и идентификация человека: проблемы и перспективы исследования. *Вестник ПАГС*. 2008; № 2 (15): 116–123.
18. Чупрына О. Г. Обложечная аннотация как продвигающий текст. *Иностранные языки в высшей школе*. 2020; № 3: 105–114.

References

1. Demidenko Yu. Slova na tkani: put` k e`galitarizmu. *Teoriya mody` : odezhda, telo, kul`tura*. 2011; № 3 (21): 10–28. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/21_tm_3_2011/article/18976/ (In Russ.).
2. Wernick A. Promotional culture. *Canadian Journal of Political and Social Theory (Revue canadienne de théorie politique et sociale)*. 1991; № 1–3 (15): 260–281.
3. Boosterism (definition). *Dictionary.com*. 2021. URL: <https://www.dictionary.com/browse/boosterism>
4. Walker P. Boosterism — the questionable credo now steering Britain. *The Guardian*. 2019; July 31. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jul/31/boosterism-the-questionable-credo-now-steering-britain>
5. Dougill J. English as a decorative language. *English Today*. 1987; № 3 (4): 33–35.
6. Brock M. N. ‘The good feeling of fine’: English for ornamental purposes. *English Today*. 1991; № 7 (2): 50–51.
7. Py`xova N. Kak poyavilas` futbolka: iz istorii veshhej. *Burda style.ru*. 13 avgusta 2018. URL: <https://burdastyle.ru/stati/kak-poyavilas-futbolka-iz-istorii-veshchej/> (In Russ.).
8. Michalewicz C. Right Livelihood gets fashionable, thanks to design icon Katharine Hamnett. *Lion's Roar. Buddhist wisdom for our time*. December 3, 2012. URL: <https://www.lionsroar.com/right-livelihood-gets-fashionable-thanks-to-design-icon-katharine-hamnett/>
9. Repo J. Feminist commodity activism: The new political economy of feminist protest. *International Political Sociology*. January 2020; № 2 (14). URL: https://www.researchgate.net/publication/338671904_Feminist_Commodity_Activism_The_New_Political_Economy_of_Feminist_Protest/citations. DOI: 10.1093/ips/olz033

10. Yukhmina E., Mamonova N., Mingazheva E. Linguo-structural analysis of the English T-shirt inscriptions as new urban media. *III PMMS. 2019 (Post mass media in the modern informational society) «Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems»*. 2020: 424–431. URL: https://www.researchgate.net/publication/335024802_Linguo-Structural_Analysis_Of_The_English_T-Shirt_Inscriptions_As_New_Urban_Media. DOI: 10.15405 / epsbs.2019.08.02.49
11. Chupry`na O. G. Yazy`k. Kul`tura. Tekst: ucheb. posobie. M.: Flinta; 2020. 104 s. (In Russ.).
12. Uxova L. V. «Prodvigayushhij tekst»: ponyatie, osobennosti, funkcii. *Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2018; № 3: 71–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii>. (In Russ.).
13. Berger A. A. Ads, fads and consumer behavior: Advertising impact on American culture and society. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield; 2015. 276 p.
14. Chupryna O. G. Promotion of social and political issues in American mass-media discourse. *Vremya i kul`tura v lingvistike i literaturovedenii = Time and Culture in Linguistic and Literary Discourse*. M.: Printika; 2021: 43–49.
15. Vikulova L. G. Izdatel'skij diskurs v sisteme obshheniya «avtor – izdatel' – chitateľ». *Vestnik IGLU*. 2012; № 2 (18): 63–68. (In Russ.).
16. Matunova G. A. Leksicheskaya reprezentaciya genderny`x stereotipov v britanskoj presse nachala XX v. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie»*. 2018; № 1 (29): 107–111. (In Russ.).
17. Gasilin V. N. Identichnost' i identifikaciya cheloveka: problemy` i perspektivy` issledovaniya. *Vestnik PAGES*. 2008; № 2 (15): 116–123. (In Russ.).
18. Chupry`na O. G. Oblozhechnaya annotaciya kak prodvigayushhij tekst. *Inostranny`e yazy`ki v vy`sshej shkole*. 2020; № 3: 105–114. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Геннадьевна Чупрына — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Анна Александровна Каменская — магистр лингвистики, редактор издательства «Флинта».

Information about the authors

Olga G. Chupryna — Doctor of Philology, Professor, full professor of English Philology Department, Institute of foreign languages MCU.

Anna A. Kamenskay — Master of Linguistics, Flinta Publisher, editor.

Вклад авторов:

Чупрына О. Г. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Каменская А. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Chupryna O. G. — scientific management; research concept; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Kamenskay A. A. — writing the draft; final conclusions.

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК: 81'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.05

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ (LEITARTIKEL) В СВЕТЕ ТЕОРИИ НЕМЕЦКОГО МЕДИЙНОГО ЖАНРОВЕДЕНИЯ

Александр Гаврилович Пастухов

Орловский государственный институт культуры,

alexander.pastukhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6178-9098>

Аннотация. Медийное жанроведение и лингвистика текста в последнее время пытаются найти новые грани соприкосновения в понимании основных закономерностей функционирования медиатекстов. Исследователи, описывая речевые средства медийного репертуара, дают исчерпывающие ответы относительно вариативности, повторяемости и репродуцируемости языковых единиц в них. Медиажанры как устойчивые структуры испытывают таким образом на себе всю степень отклонений от ожидаемых норм или принятых правил. Актуальные диспозиции внутри системы печатных медиа ставят задачу консолидации действующих постулатов в отношении аналитических жанров, а также в части изучения прототипики текстовых образцов, лежащих в основе искомых типологий. Коммуникативный эффект конкретного медиажанра — передовой статьи (Leitartikel) — в нашем случае заключается в необходимости переосмысления того набора факторов, который влияет на возникновение новых типологий. В передовой статье как текстовом образце, заключено специфическое жанрово-типологическое единство, выражающееся в том, что медиаречь по своей природе никогда не бывает идеальной, чистой и неизменной. Кроме того, действие разнонаправленных интенций медиатекста оказывается связанным с общественным консенсусом, также определяющим лингвоформатные свойства медиажанра.

Ключевые слова: медиатекст; медиажанр; аналитическая журналистика; комментарий; передовая статья.

Для цитирования: Пастухов А. Г. Передовая статья (Leitartikel) в свете теории немецкого медийного жанроведения // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 50–63. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.05

Original article

LEADING ARTICLE (LEITARTIKEL) IN THE THEORY OF GERMAN MEDIA GENRES

Aleksandr G. Pastukhov

Orel State Institute of Culture,

alexander.pastukhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6178-9098>

Abstract. Media genre studies and text linguistics have recently been trying to find new understanding facets of the basic principles of the media texts functioning. Stylistics, when describing the typical speech means of the media repertoire, provides comprehensive answers regarding the variability, repeatability and reproducibility of the speech units. In these conditions, media genres as stable structures have experienced the deviations from expected norms or common rules. Text-centered approaches and text linguistics themselves ignore the communicative effects of the style objectively strive to rethink the factors that influence the new typologies of media texts. This is expressed in the needs to analyze the constituents ensuring the genre-typological unity of the media text. The communicative effect of a specific media genre — a leading article (Leitartikel) — calls for reconsidering the set of factors that influence the emergence of new typologies in mass media. As we know, the media speech by its nature is not ideal, pure and unchanging. Accordingly, to this, the social consensus related to the receptive intentions of the media text, lays in changing communicative situations that can influence the main repertoire of linguistic forms, typologies and actual media genre formats.

Keywords: media text; media genre; analytical journalism; commentary; leading article.

For citation: Pastukhov A. G. Leading Article (Leitartikel) in the Theory of German Media Genres. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 50–63. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.05

Введение. Немецкое медийное жанроведение: новые точки отсчета

В настоящее время медийное жанроведение и лингвистика текста подают весьма отчетливые сигналы относительно необходимости описания новых условий функционирования медиатекстов. С привлечением арсенала типичных речевых средств можно получить исчерпывающую картину возникновения и конституирования жанров медиаречи как изменяющихся структур, наделенных «связанным» коммуникативным эффектом.

Традиционная стилистика акцентирует внимание на наборе факторов, влияющих на речевую сторону и единство текстов, а также на их рецептивные возможности. Стилиевые характеристики медиатекста в этом смысле выступают не просто в виде абстрактного набора языковых единиц, а некоего текстового стандарта, матрицы, определяющей выбор актуальных речевых средств. Модификации стиля, уже нашедшие свое отражение в немецком языке в понятиях жанрового (Gattungsstil) и тексто-типологического (Textsortenstil)

стилей, в нашем исследовании используются прежде всего для характеристики стилевых черт текста, связанных с принятием тех или иных жанровых образцов (Textsortenmuster). Важно, говоря о стилевых нормах, не забывать, что мы имеем дело с регулярными изменениями и обновлениями. В большинстве своем эти изменения по-особому оформляют текст, вернее сказать, формируют его, а вместе с ним и индивидуальный стиль автора, как с точки зрения содержания, так и структуры, что в комплексе воспринимается как рождение нового дискурсивного или коммуникативного стиля [1, с. 211–213].

Фокусируя наш исследовательский интерес на функциональности, закреплённости и эффективности языка, действующего в системе современных медиа, следует сделать уточнение особого рода: в первую очередь нас интересует не **язык медиа**, а **медиа речь**. Медиа (будь то традиционные или электронные) не создают собственной лингвистической подсистемы; они впитывают те формы, которые определяют функционирование естественного языка и используются для общения, т. е. «возвращают» его (язык) обратно в общество. Из практики коммуникации известно, что не существует каких-либо жестких правил в отношении закрытого языка, как нет языка СМИ, или, к примеру, рафинированного журналистского языка. Так, комментарий влиятельного политика, опубликованный в газете, в плане языковых средств и приемов отличается от комментария концертирующего пианиста, произнесенного в телепередаче. Для сравнения: язык научного обзора во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* будет выглядеть совершенно иначе, чем диалектная модерация на научные темы на волнах радиовещательной компании, например, в Баварии.

Медиа речь никогда не бывает идеальной, чистой и неизменной. Она отражает тот общественный консенсус, который определяется языковой средой или коммуникативной ситуацией. Последняя содержит в себе разнообразные и изменяемые грани социального действия: прагматического, фактологического, тривиального, но одновременно элегантного, лирического или даже вульгарного, т. е. формы, которые, если не оправдывают своих целей, то умирают, так как на их место приходят новые, более адаптивные и гибкие, подстраивающиеся под изменяющиеся условия. Таким образом, основную задачу коммуникативистики можно определить как подчинение функциональности и интенциональности речевых форм, что в комплексе дает дополнительные возможности для структурных описаний, за которые, как мы знаем, отвечает лингвистика с ее акцентом на речевой *динамике* интересующего нас медийного репертуара.

Еще одним аргументом в пользу важности именно речевого анализа массива медиапредложений является тезис о том, что современные медиа существенно динамизируют, ускоряют языковые изменения, но, как правило, сами не воплощают их в жизнь. Как пишет известный немецкий медиаисследователь У. Шмитц, они расширяют кругозор людей в ранее неизвестных областях и, таким образом, контролируют и дифференцируют использование языка (*Sprachgebrauch*) [2, с. 27–29]. Без инноваций, изменений в стиле или лексическом составе, необходимость которых интуитивно ощущается при экстраполяции

социальных изменений, важно не просто сохранение языка как такового, а того, что кристаллизуется и остается в остатке, т. е. того, что реально изменяется¹.

Вся эта проблематика в течение последних десятилетий находится в поле зрения немецкого медийного жанроведения — ответвления германистики, исследующего жанрово-типологические свойства по преимуществу нефикциональных текстов [3–8]. Еще в 1970–1980-е гг. немецкими и отечественными лингвистами была проделана большая работа по обоснованию, конкретизации проблематики, расширению зоны исследования текстов, описанию их дифференциальных признаков, благодаря которым одни тексты можно отличить от других или, наоборот, объединить в группы [9, с. 1109–1110]. Так, термину «жанр» в соответствующих текстовых иерархиях соответствует понятие Textsorte. Оно сложилось как ответ на требование привнесения системности в сложившийся «набор текстов с общими свойствами» [6]. Заметим, что речь идет о текстах, функционирующих в ограниченной сфере человеческого бытия. Типы и жанры журналистских текстов как нельзя лучше обнаруживают живой характер такой воспроизводимости, так как обслуживают действие разнообразных структур, имеют функции, определяемые свойствами коммуникативного и интенционального контекстов.

В русскоязычном терминологическом аппарате и медиалингвистических исследованиях закрепились такие понятия, как *жанр*, *композиционно-речевая форма*, *тип текста*, *текст-образец*, *формат* и др.; они отражают закреплённость в медиа относительно стабильных социальных и коммуникативных порядков. При этом особое место в них принадлежит выражению и формированию мнения не только в рамках компетенций журналистской профессии, но и парадигмы самостоятельных медийных (журналистских) жанров, которые призваны выражать как личное, субъективное и оценочное, так и, что важно, коллективное (корпоративное) мнение по определенной теме или проблематике.

Следовательно, в сути группы немецких **аналитических** жанров (передовые и редакционные статьи, комментарии, глоссы и т. д.) уже заложено выражение, презентация и рефлексия мнения. В своих жанрово-композиционных «отливках» они противопоставляются информационным текстам, основанным на фактах (ср.: *Nachricht*, *Reportage* и др.). Исследователи пытаются найти все новые и новые диспозиции внутри системы аналитических жанров печатных медиа. **Целью** нашего анализа является, таким образом, консолидация жанровых постулатов в отношении стандартов аналитических жанров (с их ролью в прессе все более или менее понятно), а также прототипика текстовых образцов (*Textmuster*), лежащих в основе жанровых типологий. Последние,

¹ Ср.: языковая динамизация (термин наш. — *А. П.*): Пастухов А. Г. Динамизация свойств медиатекста // *Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты = Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-Cultural Perspectives*: сб. науч. тр. / [Л. В. Цурикова, Л. Ю. Щипицина]. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 178.

правда, весьма неоднородны по своей стилистике и способам подачи материала; то же самое касается и места, которое занимает данная группа жанров в системе производства текстов в печатных медиа вообще.

Решая указанный круг задач, особое внимание следует обратить на то, как ведут себя классические жанры медийной аналитики: *передовая статья* (Leitartikel), *редакционная статья* (Editorial), *комментарий* (Kommentar). В системе так называемой редакционной журналистики формируется уникальная практика, направленная на формирование общественного мнения. Именно специфика редакционной работы в отношении аналитических жанров (АЖ) отличает ее от других. Обладая особым стилем, АЖ закрепляют за собой специфические формы выражения, обретают свое фиксированное место в структуре номера и т. д. Будучи коллективным и институциональным голосом, редакционная журналистика активно конфронтует с новостями [10, с. 3–4], в связи с чем уместно более внимательно посмотреть на имеющие место контroversы новостной и аналитической журналистики как важнейших ипостасей редакционной работы.

Ориентация на интенциональную ценность новостей не только не исключает, но и указывает на необходимость декларирования мнения в презентации информации. И хотя изначально большая часть информационных сообщений является зоной, свободной от «мнения», все же на этапе производства массового медиапродукта *информация* и *мнение* априорно разведены по разные стороны. (Справедливости ради скажем, что в немецких медиа имеются случаи несоблюдения этого правила.)

Со структурной точки зрения стиль печатного издания состоит из набора конкурирующих, т. е. систематически возникающих, параметров. Соответственно, градация публикаций происходит по степени их важности («центральность – маргинальность», «сингулярность – обобщенность»), что предопределяет создание жанровых форм — значимых регуляторов межсубъектных отношений в поле функционирования множества форм журналистики, действующих в широком тематическом диапазоне.

Применительно к печатным медиа можно сказать, что в настоящее время сложилось абсолютное разделение на большие группы жанров: информационные (Information) и мнениеформирующие (Meinung). Это правило (Trennungsregel) стало ответом на потребность в систематике аналитических жанров, которая в практической деятельности реализуется как «флаг газеты» (Flagge der Zeitung), как «митинг редакции» (Kundgebung der Redaktion) [11]. При этом именно из таких публикаций читатель получает искомую точку зрения по темам (которые необязательно будут актуальными), так сказать, на злобу дня.

В композиционно-речевом аспекте формы (жанры), основанные на мнении, будут отражать не только точку зрения отдельного журналиста, а скорее редакционной коллегии или редакционной группы. При этом разделение понятий «информация» и «мнение» не является само собой разумеющимся.

Так, некоторые жанры, например редакционная статья (Editorial), заметно длиннее комментария, соответственно, в ней больше места для развертывания аргументов за и против. (Ср.: рубрики «Pro & Contra» и т. п.). Знакомясь с подобными материалами, читатель интуитивно понимает, что имеет дело с выражением журналистского мнения, а не с информацией, как в сообщении (Nachricht) или корреспонденции (Bericht). Заметим, что мнение редактора или члена редакционной группы всегда выражается имплицитно, и даже если автор не называется, то сама аналитическая статья, в соответствии с основной смысловой нагрузкой текста, написана от имени или в духе всей редакционной группы — рессорты (Ressort²). Таким образом, медиажанры, функционирующие в поле репрезентации фактов и событий, связаны с анализом, авторской оценкой, партиципацией адресата, что свидетельствует об активном проявлении так называемого *медийного аналитизма*. Это свойство является общим местом для дискурса аналитических медиа, отличающего его от других видов: рекламного, информационного, художественного и др.

Методы фиксации окружающей реальности строятся на активном использовании комбинации аналитических способов отображения действительности, что является предпосылкой и одним из распространенных приемов интерпретации, объяснения, разъяснения, обсуждения, возникновения полемики в медиадискурсе.

Параллельно с этим деонтические аргументы, предлагаемые читателю в качестве рекомендации за или против, базируются на этической или эстетической позиции реципиента, фокусируют его внимание на оценочных суждениях, по типу «хорошее – плохое», «красивое – некрасивое» и т. п. [12, с. 46]. Так, жанр комментария функционально реагирует на недостаток новостей [12, с. 41], но, будучи аналитической формой, ставит больше вопросов, нежели восклицаний. Хотя оговоримся: полностью исключить ситуацию, когда объектом комментария становятся новостные сообщения, ни в коем случае нельзя.

Мнениеформирующие жанры нерационально связывать также исключительно с аналитической функцией медиатекста. Эти жанры включают в себя оценки событий; они предназначены для компрессивной подачи информации и ее эффективной обработки, т. е. как раз для того, чтобы формировать управляемое мнение. Существует богатый опыт написания комментариев в виде насмешливых или саркастических заметок, стимулирующих и развлекающих читателя (ср.: Infotainment).

Корреспонденции с элементами оценки разнообразно представлены в рессорте «фельетон» (Feuilleton), который, хотя и с уменьшающейся прогрессией, но содержит в себе интересные с точки зрения самих же медиа социально-культурные рефлексии, интерпретации актуальных или, наоборот, исторических событий. Таким образом, любая попытка примирить дистинктивные особенности

² См.: Пастухов А. Sparte и Ressort в немецком жанроведении // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 49–50. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.4657

и функции мнениеформирующих (аналитических) жанров подтверждает, что сложившееся «распределение ролей» в современном медиапространстве находит свое красноречивое выражение в сути системы аналитических жанров (АЖ) и их терминологической детерминированности.

- **Комментарий** (Kommentar) оценивает текущие события и нацелен на формирование мнения читателя.
- **Передовая статья** (Leitartikel) содержит спорные интерпретации событий и выражает главенствующие идеологические позиции печатного органа.
- **Глосса** (Glosse) предназначена для развлечения, стимулирования и прочих «культурных» реакций.
- **Критика** (Kritik) информирует, формирует мнения и максимально сфокусирована на пользовательских и читательских запросах.

Передовая статья (Leitartikel)

Историческая трансформация жанров политического комментария (politischer Kommentar) и передовой статьи (Leitartikel) определяют главную тему сообщения (политическая жизнь общества), целевое (дискурсивное) назначение (формирование политического поведения аудитории) [13], лингвотекстовые особенности [14], а также другие аспекты.

Место передовой статьи (ПС) на первой полосе показывает, что обсуждаемый вопрос является актуальным и общественно значимым. Создание отдельной рубрики на одной из первых полос непременно демонстрирует злободневность и масштабность проблемы. Передовая статья отнюдь не обязана «втискиваться» в узкие рамки изложения. Ее задача — придать событию «цельнооформленный смысл и значимость», вывести анализ факта на широкое обсуждение, чтобы впоследствии интерпретировать и обсудить его. Таким образом, отражая наиболее важные моменты общественно-политической повестки, ПС задает определенную тональность ее восприятия, выражает позицию редактора, ведущего автора или редакции в целом. И в этом она близка к классической форме комментария [11, с. 305].

В немецкой традиции передовая статья зародилась как **редакционная статья**, которая напрямую выражала мнение редактора, что было типично для европейских газет того времени. Вместе с тем ПС отражает авторские представления, которые могут не совпадать или сознательно отклоняться от редакционной линии.

Leitartikel, journalistische Darstellungsform mit Meinungsaussage. Zeitungen und Zeitschriften bezeichnen ihre Meinungsartikel häufig unterschiedlich. Zu den häufigsten Bezeichnungen gehören: Kommentar, Analyse, Kritik, Glosse oder Leitartikel. Die Funktion eines Leitartikels ist die Meinungsbildung sowie die Markierung der Position, die eine Zeitung oder eine Redaktion zu einem Ereignis einnimmt. In einigen angelsächsischen Zeitungen und einer deutschen Zeitung werden deshalb die Leitartikel

auch ohne Autorenangabe veröffentlicht. Der L<eitartikel> bindet dann die Redaktion in ihrer Linie. Aus diesem Ziel... ergibt sich häufig eine kämpferische, meist fordernde Argumentation³.

Таким образом, передовая статья (Leitartikel) представляет собой один из распространенных газетных жанров, который отражает позицию автора или редакции по наиболее актуальным вопросам, артикулирует политическое направление газеты. Уровень и качество ПС, ее широта и актуальность во многом содействуют имиджу газеты, влияют на ее действенность. Но даже если ПС не подписана персонально, она считается выражением мнения соответствующего средства массовой информации [15]. В ПС нередко приводятся цитаты, комментарии, фрагменты выступлений политиков, но, что характерно: при цитате указывается именно название СМИ, откуда взяты тексты, а не имена авторов, большинство из которых хорошо известны. Таким образом, комментирующие жанры по преимуществу являются выражением их политической и общественной важности, но не отдельных авторов [16].

Анализ примеров

Важнейшим вопросом немецкой медийной жанроведческой повестки является вопрос о сути жанров. Передовая статья не всегда приводит к формированию у читателя однозначного мнения — за или против. Читатель не может быть удовлетворен, если он сталкивается с пространством изложением плюсов и минусов, частных аспектов проблемы без их пояснения, а также всего того, что на деле думает автор. В итоге плохая передовая статья, написанная в духе «во-первых... во-вторых...» и т. д., в своем развертывании идет то вверх, то вниз, то вперед, то назад, но не достигает своей цели. А цель как раз и состоит в формировании мнения, ведь мнение в газете — это та чувствительная сфера, которая отвечает за общественное сознание, за право иметь голос, за возможность направлять или даже подталкивать читателя к определенным действиям.

По этой причине передовая статья не всегда флагман, а скорее устойчивый катамаран: ее автор должен отдавать себе ясный отчет, на что он хочет повлиять и насколько это влияние будет пропорционально личному прочувствованию актуальной политики и текущего момента. Передовые статьи, цель которых — оказать влияние на политиков, не всегда будут лучшими в своем роде.

Приведем несколько примеров в соответствии с важнейшими персуазивными интенциями печатной медиаречи.

По общему признанию, сила слова заставляет автора (редактора) не упускать из виду главное. Максимально приблизиться к истине, отсеивать все, что отдаляет

³ Lexikon Kommunikations- und Medienwissenschaft / Günter Bentele, Hans-Bernd Brosius, Otfried Jarren (Hrsg.). Wiesbaden: Springer VS, 2013. S. 183.

от правды, не привязано персонально к автору сообщения. Это не более чем честные, правдивые и простые новости. «Кричащее» мнение трибуна здесь не востребовано, так как оно более характерно для политических дебатов. При этом создается впечатление, что оно (мнение) уже известно задолго до начала дискуссии, а распространение фейковых новостей грозит, скорее, изменением общей диспозиции медиатекста, а предъявление мнения здесь не помогает.

Die Wahrheit über Fake News

Das Schlagwort „Fake News“ ist neuerdings in aller Munde und macht eine steile Karriere als modische Allerweltsvokabel. Gerne wird sie mit ironischem Augenzwinkern gebraucht, weshalb ein Witz über Fake News in kaum einem Comedyprogramm mehr fehlen darf und das Produzieren scherzhaft gemeinter Fake News schon zu einer regelrechten satirischen Sparte geworden ist. Seit der Entertainer Jan Böhmermann vorgab, die Stinkefingersequenz in der Aufzeichnung der Rede des damaligen griechischen Finanzministers Varoufakis gefälscht zu haben — sie war in Wahrheit authentisch, — gilt das Fabrizieren von Fakes sogar als ein Spaß in zweiter, gleichsam dialektischer Potenz: Für sein erfolgreiches Faken eines Fakes erhielt Böhmermann einen Grimme-Preis. Was jedoch als virtuoses Spielen in aufklärerischer Absicht mit den verschwimmenden Grenzen zwischen Wahrheit und Fiktion in der medialen Dauerberieselung gefeiert wird, fördert tatsächlich nur den Realitätsverlust, auf den die Verbreiter wirklicher Fake News bei ihren Rezipienten spekulieren. <...>

Mit derartigen Grenzüberschreitungen darf sich die demokratische Öffentlichkeit nicht abfinden, will sie sich nicht den Boden entziehen lassen, auf dem allein sie noch zwischen wahr und falsch unterscheiden kann.

(URL: https://www.welt.de/print/die_welt/debatte/article162725275/Die-Wahrheit-ueber-Fake-News.html, 10.03.2017)

Против фейков есть только правдивые новости: они исключают возможную путаницу, формируют мнение и т. п. Но если они являются ложными, то лучшим средством в этой ситуации считается распространение более «крутых» новостей. В подобном соревновании читатель начинает понимать, что простые и понятные новости в некоторых случаях вполне замещают лучшие образцы ПС. Новостная палитра фактов, несмотря на всю свою старомодность, подтверждает, что в передовой статье читатель скорее ищет развлечения, фасцинации и т. п.

Показательным примером ПС может служить реакция в Европе на тему «Кризис беженцев» (Migrationskrise). Любой, кто в этой ситуации полагался на новости, которые не затмевали то, что не вписывалось в картинку, мог получить в передовой статье реальные факты, а также то, что, как и почему это было сделано, верный ли был избран курс и т. п. Определенный журналистский консенсус по этой теме, кажется, уже состоялся. Комментирующие оценки соответствующим образом подкрепляются фактологическим рядом:

Rund 670 Menschen an Bord von zwei Schiffen

In Folge der Rettungsaktion in der Nacht auf Sonntag seien 253 Männer aus dem havarierten Boot an Bord der „Ocean Viking“ gebracht worden, hieß es weiter.

Die restlichen Schiffbrüchigen wurden den Angaben zufolge von der „Sea-Watch 3“ aufgenommen. Sowohl die „Sea-Watch 3“ als auch die „Ocean Viking“ kümmern sich derzeit um die Überlebenden an Bord ihrer Schiffe. Es habe keine medizinischen Notfälle gegeben, allerdings litten zwei Erwachsene unter extremer Erschöpfung.

... Weder SOS Méditerranée noch Sea-Watch haben nach eigenen Angaben Verletzte gefunden oder geborgen: „Wir können aber nicht sicher sein, dass niemand ertrunken ist, da im Laufe der Nacht viele Menschen im Wasser waren.“

“Die „Sea-Watch 3“ sei das erste Rettungsschiff vor Ort gewesen. Da die Situation des in Seenot geratenen Bootes als dramatisch beschrieben wurde und Dutzende von Menschen als ins Wasser gefallen gemeldet wurden, seien die zwei schnelleren Rettungsboote (RHIBs) zu Wasser gelassen worden, als die „Ocean Viking“ noch 1,5 Stunden von der Notposition entfernt war. Die „Ocean Viking“ kam gegen 2.15 Uhr am Einsatzort an. Das Flüchtlings-Boot sei kurz vor dem Sinken gewesen.

(URL: <https://www.migazin.de/2021/08/02/seenotretter-rund670-menschen-bord-schiffen/> (дата обращения: 12.12.21)).

Тема «Климатический кризис» (Klimakrise) также имеет определенный интерес для читателя:

Blockieren überzeugt nicht

Berlin (ots) Kaum einer wird bestreiten, dass der Klimaschutz ein wichtiges Thema ist. Mir erschließt sich der Sinn der Aktionstage der “Extinction Rebellion“ dennoch nicht. Offiziell, so sagen die Aktivisten, geht es ihnen darum, dass der Klimanotstand in Deutschland ausgerufen wird. Was passiert, wenn die Bundesregierung diesen Notstand tatsächlich erklären würde? Sind wir dann einen Schritt weiter? Und was bleibt nach zwei Tagen Rebellion in Berlin? Junge Menschen, die sich fürs Klima engagieren und Druck auf die Politik machen wollen und offensichtlich gar nicht mitkriegen, dass auch die Grünen-Politiker — siehe die Berliner Wirtschaftssenatorin Ramona Pop — weiter munter um die Welt jetten. Viele Berliner Polizisten, die viele Stunden im Einsatz waren. Und viele Berliner, die lieber überzeugt als blockiert werden wollen.

(URL: <https://www.presseportal.de/pm/53614/4395916> (дата обращения: 12/12/2021)).

Имеет смысл спросить: как связаны в ПС курс газеты и ее содержание? Определяются ли они исключительно на основе новостной ситуации? Полагать так было бы немного наивно; в передовой статье не содержится таких эксплицитно выраженных понятий, как «линия», «курс», «директива», как и не существует узких предписаний редактора, цензора или спонсора. Но в ПС более значимыми оказываются сила аргумента и уверенность в том, что последнее слово остается за редактором. И это дисциплина не в смысле подчинения, а осознание силы убеждения. Остальное — рабочий шум, фон, который определяется общим знанием, образованностью, осмотрительностью, любопытством, сомнениями, риском и способностью учиться. Именно они позволят в итоге автору за короткое время написать комментарий по «своей» теме.

Politik ohne klaren Plan. Impfpflicht durch die Hintertür — Ja, die gibt es

Die Politik ist momentan dabei, viel Vertrauen zu verspielen. Weil sie unwillens oder nicht in der Lage ist, schlüssige Antworten auf drängende Fragen in Sachen Corona zu geben. Und zwar auf Fragen, die schon seit vielen, vielen Monaten im Raum stehen, deren Beantwortung die Regierenden aber scheuen.

Die Debatte um die Reise-Rückkehrer ist da nur das aktuellste Beispiel. Jetzt wird noch darum gerungen, für wen genau es Zwangstests geben soll. Und wo sie wirklich nötig sind. Macht es Sinn, einen solchen Test von Urlaubern abzuverlangen, die in sicheren Regionen Ferien gemacht haben?

Unzweifelhaft ist: Tests von Rückkehrern aus den diversen Kategorien von Risiko-Gebieten sind sicherlich angebracht. Das Problem ist die Umsetzung, die Kontrolle. Außer Stichproben wird da bei Auto- und Bahnfahrern wenig gehen.

(URL: <https://www.nordbayern.de/politik/kommentar-impfpflicht-durch-die-hintertur-ja-die-gibt-es-1.11252043>, 30.7.2021)

Заключение

Итак, передовая статья — это самое продуманное и тщательно сформулированное выражение мнения. Она формирует позицию читателя ровно в той степени, насколько вообще возможно объединение в одном жанре информации и авторской позиции. В условиях, когда информационные жанры берут на себя задачу продвижения «видимой» информации, аналитические (комментирующие) жанры отвечают за подготовку мнения, за те или иные прогнозируемые реакции читателя. Это звучит достаточно тривиально, но с увеличением объема медийных предложений комментариев как жанр несколько не потерял своего значения. Более того, он дает возможность читателю самостоятельно сделать собственные выводы.

И несколько слов о лингвистической значимости жанра ПС. Обвинение в том, что медиа виноваты в обеднении языка, старо, как и само печатное слово. Ответственность за тиражируемые грамматические и стилистические ошибки, за пропаганду пошлости и засилье иностранных слов не связана напрямую с ответственностью за изменения в языке медиа, тем более за динамику жанровых форм. В современных условиях мы имеем дело с массмедиа, которые открывают перед обществом множество *языковых* (в смысле — *речевых*) возможностей (само)выражения. Через доступность языка многие денотаты и артефакты становятся важным культурным ресурсом; они делают мир понятным, не в последнюю очередь, за счет того, что язык медиа является актуальным срезом всей медийной коммуникации. Ложь, пропаганда и другие идеологические интенции в исследовательской перспективе должны быть соотнесены с разноуровневыми лингвистическими средствами, которые характеризуют современные медиа, с диапазоном доступных жанровых и композиционных форм. В связке «автор – читатель» заключены главные цели медиа — информирование, влияние, а не поддержание языка. Если мы хотим

достижения самопонимания в обществе и взаимопонимания в нем, то все «текущие дела» во всей их сложности должны быть понятны каждому, и это, по-видимому, главный лингвистический итог и приоритет.

Список источников

1. Пастухов А. Г. Функциональный – дискурсивный – жанровый? Стилистическая парадигма и ее приложения к изучению медиатекста. *Филология в XXI веке. Материалы Междунар. науч. конф. «Функциональная стилистика в контексте современного гуманитарного знания», посв. 80-летию проф. М. П. Котюровой. Пермь, 2019; № S1: 209–214.*
2. Schmitz U. Einführung in die Medienlinguistik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 2015. 152 S.
3. Бабенко Н. С. Textsortenlinguistik vs. лингвистическое жанроведение. *Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. М.: Языки славянской культуры; 2009. Т. 5: 235–244.*
4. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: Наука-Юнипресс; 2014. 295 с.
5. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: URSS: Либроком; 2013. 232 с.
6. Adamzik K. (Hrsg.). Textsorten, Reflexionen und Analysen. Tübingen: Stauffenburg; 2000. 232 S.
7. Burger H. Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. Berlin; New York: De Gruyter; 2005. 496 S.
8. Lüger H.-H. Pressesprache. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer; 1995. 169 S. (= Germanistische Arbeitshefte, Bd. 28).
9. Пастухов А. Г. Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения. *Вестник Кемеровского государственного университета. 2020; Т. 22. № 4: 1107–1115. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115*
10. Firmstone J. Editorial journalism and newspapers' editorial opinions. *Oxford Research Encyclopedia of Communication. Oxford: Oxford University Press; 2019. 24 s. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.803*
11. Mast Cl. (Hrsg.). ABC des Journalismus: Ein Handbuch. Konstanz: UVK; 2008. 700 p.
12. Nowag W., Schalkowski E. Kommentar und Glosse. Konstanz: UVK; 1998. 363 S. (Reihe Praktischer Journalismus, Bd. 33).
13. Кощева Г. В. Дискурсивный анализ типа текста «передовая политическая статья» (на материале праворадикальных изданий России и ФРГ): дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. М., 2001; 171 с.
14. Корзун Е. С. Лингвотекстовые особенности речевого жанра «передовая статья»: на материале газет ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1991; 18 с.
15. Lenk H. E. H. Methodologische Probleme des Textsortenvergleichs am Beispiel des Kommentars. *Tekst i diskurs. 2012; № 5: 155–171. URL: http://tekst-dyskurs.eu/images/pdf/zeszyt_5/lenk.pdf (дата обращения: 29.05.2021).*
16. Eilders Chr., Neidhardt F., Pfetsch, B. Die Stimme der Medien. Pressekommentare und politische Öffentlichkeit in der Bundesrepublik. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; 2004. 431 S.

References

1. Pastuxov A. G. Funkcional'ny`j – diskursivny`j – zhanrovny`j? Stilisticheskaya paradigma i ee prilozheniya k izucheniyu mediateksta. Filologiya v XXI veke. Materialy` Mezhdunar. nauch. konf. «Funkcional'naya stilistika v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya», posv. 80-letiyu prof. M. P. Kotyurovoj. Perm`, 2019; № S1: 209–214. (In Russ.).
2. Schmitz U. Einführung in die Medienlinguistik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 2015. 152 S.
3. Babenko N. S. Textsortenlinguistik vs. lingvisticheskoe zhanrovedenie. Russkaya germanistika. Ezhegodnik rossijskogo Soyuzha germanistov. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury`; 2009. T. 5: 235–244. (In Russ.).
4. Grishaeva L. I. Paradoksy` medialingvistiki. Voronezh: Nauka-Yunipress; 2014. 295 s. (In Russ.).
5. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial`nom prostranstve. M.: URSS: Librokom; 2013. 232 s. (In Russ.).
6. Adamzik K. (Hrsg.). Textsorten, reflexionen und analysen. Tübingen: Stauffenburg; 2000. 232 S.
7. Burger H. Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. Berlin; New York: De Gruyter; 2005. 496 S.
8. Lüger H.-H. Pressesprache. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer; 1995. 169 S. (= Germanistische Arbeitshefte, Bd. 28).
9. Pastuxov A. G. Mediazhanry` i kompozicionno-rechevy`e formy` zhurnalistiki: svyazi i otnosheniya. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020; T. 22. № 4: 1107–1115. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115. (In Russ.).
10. Firmstone J. Editorial journalism and newspapers' editorial opinions. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 24 s. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.803
11. Mast Cl. (Hrsg.). ABC des Journalismus: Ein Handbuch. Konstanz: UVK; 2008. 700 p.
12. Nowag W., Schalkowski E. Kommentar und Glosse. Konstanz: UVK; 1998. 363 S. (Reihe Praktischer Journalismus, Bd. 33).
13. Koshheeva G. V. Diskursivny`j analiz tipa teksta «peredovaya politicheskaya stat'ya» (na materiale pravoradikal'ny`x izdanij Rossii i FRG): dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.19. M., 2001; 171 s. (In Russ.).
14. Korzun E. S. Lingvotekstovy`e osobennosti rechevogo zhanra «peredovaya stat'ya»: na materiale gazet FRG: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 1991; 18 s. (In Russ.).
15. Lenk H. E. H. Methodologische Probleme des Textsortenvergleichs am Beispiel des Kommentars. *Tekst i diskurs*. 2012; № 5: 155–171. URL: http://tekst-diskurs.eu/images/pdf/zeszyt_5/lenk.pdf (дата обращения: 29.05.2021).
16. Eilders Chr., Neidhardt F., Pfetsch, B. Die Stimme der Medien. Pressekommentare und politische Öffentlichkeit in der Bundesrepublik. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; 2004. 431 S.

Библиографический список

1. Wolff V., Palm C. Leitartikel. In: Bentele G., Brosius H.-B., & Jarren O. (Eds.). *Lexikon Kommunikations- und Medienwissenschaft*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; 2006. 337 S.

2. Altenbockum J. von. Leitartikel in der F.A.Z. Die Linie? Die gibt es nicht. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.10.2019. URL: <https://www.faz.net/aktuell/70-jahre-f-a-z/wie-ein-leitartikel-entsteht-die-linie-die-gibt-es-nicht-16455654.html> (дата обращения: 29.03.2021).
3. Herzinger R. von. Die Wahrheit über Fake News. *Die Welt*. 10.03.2017. URL: https://www.welt.de/print/welt_kompakt/debatte/article162725274/Die-Wahrheit-ueber-Fake-News.html (дата обращения: 21.04.2021).
4. Rund 670 Menschen an Bord von zwei Schiffen. *Das Magazin*. 02.08.2021. URL: <https://www.migazin.de/2021/08/02/seenotretter-rund670-menschen-bord-schiffen> (дата обращения: 16.06.2021).
5. Richter Chr. Blockieren überzeugt nicht. *Berliner Morgenpost*. 08.10.2019. URL: <https://www.presseportal.de/pm/53614/4395916> (дата обращения: 28.05.2021).
6. Jungkunz Alexander: Politik ohne klaren Plan. Kommentar: Impfpflicht durch die Hintertür — Ja, die gibt es. *Nürnberger Nachrichten*. 30.07.2021. URL: <https://www.nordbayern.de/politik/kommentar-impfpflicht-durch-die-hintertur-ja-die-gibt-es-1.11252043> (дата обращения: 05.08.2021).

Bibliography

1. Wolff V., Palm C. Leitartikel. In: Bentele G., Brosius H.-B., & Jarren O. (Eds.). *Lexikon Kommunikations- und Medienwissenschaft*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; 2006. 337 S.
2. Altenbockum J. von. Leitartikel in der F.A.Z. Die Linie? Die gibt es nicht. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.10.2019. URL: <https://www.faz.net/aktuell/70-jahre-f-a-z/wie-ein-leitartikel-entsteht-die-linie-die-gibt-es-nicht-16455654.html>
3. Herzinger R. von. Die Wahrheit über Fake News. *Die Welt*. 10.03.2017. URL: https://www.welt.de/print/welt_kompakt/debatte/article162725274/Die-Wahrheit-ueber-Fake-News.html
4. Rund 670 Menschen an Bord von zwei Schiffen. *Das Magazin*. 02.08.2021. URL: <https://www.migazin.de/2021/08/02/seenotretter-rund670-menschen-bord-schiffen>
5. Richter Chr. Blockieren überzeugt nicht. *Berliner Morgenpost*. 08.10.2019. URL: <https://www.presseportal.de/pm/53614/4395916>
6. Jungkunz Alexander: Politik ohne klaren Plan. Kommentar: Impfpflicht durch die Hintertür — Ja, die gibt es. *Nürnberger Nachrichten*. 30.07.2021. URL: <https://www.nordbayern.de/politik/kommentar-impfpflicht-durch-die-hintertur-ja-die-gibt-es-1.11252043>

Информация об авторе

Александр Гаврилович Пастухов — кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры, Web of Science Researcher ID: AAL-5229-2021, eLIBRARY ID: 635201

Information about the author

Aleksandr G. Pastukhov — PhD(Philology), docent, head of Foreign Languages Department Orel State Institute of culture, Web of Science Researcher ID: AAL-5229-2021, eLIBRARY ID: 635201

Научная статья

УДК: 811.1/9

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.06

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ БИНОМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ УЧАСТНИКОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Петрова Инна Михайловна

Институт иностранных языков

Московского городского педагогического университета,

PetrovaIM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3060-1387>

Аннотация. Статья содержит статистический и контекстуальный анализ текстовой реализации вариативности бинарной пары институционального дискурса в русском и английском языках. Автор статьи демонстрирует наличие определенных культурно-обусловленных тенденций вариативности пары «командир и рядовой». Исследование показало, что для русского языка характерно изменение иерархического позиционирования в бинарной паре, тогда как для английского языка подобная вариативность несвойственна. Инвертированный вариант фразы в русском языке связан с эмоционально-окрашенным контекстом и описанием чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: контекстуальный анализ; вариативность структуры; бинарная пара; институциональный дискурс.

Для цитирования: Петрова И. М. Контекстуальный анализ вариативности бинемов, обозначающих участников институционального взаимодействия, в русском и английском языках // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 64–72. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.06

Original article

CONTEXTUAL ANALYSIS OF THE VARIABILITY OF BINOMIALS DENOTING PARTICIPANTS IN INSTITUTIONAL INTERACTION IN RUSSIAN AND ENGLISH

Inna M. Petrova

Institute of foreign languages Moscow City University,

PetrovaIM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3060-1387>

Abstract. The paper presents a statistical and contextual analysis of the variability of the binary pair of institutional discourse in English and Russian. The author explores culturally determined trends in the variability of the pair *a commander and a private*. The study shows that the Russian language tends to change the hierarchical positioning in the binary

© Петрова И. М., 2021

pair, while such variability is not typical of the English language. The inverted version of the phrase in Russian is associated with an emotionally colored context and the description of emergency situations.

Keywords: contextual analysis; variability of the structure; binomial pair; institutional discourse.

For citation: Petrova I. M. Contextual Analysis of the Variability of Binomials Denoting Participants in Institutional Interaction in Russian and English. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 64–72. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.06

Исследование вариативности структуры или порядка следования элементов фразы представляется перспективным, поскольку вариативность структуры отражает интенциональность, заложенную говорящим в данную форму. Под интенциональностью понимается направленность сознания на «то, что характеризует сознание в отчетливом смысле, то, что оправдывает характеристику всего потока переживания в целом как потока сознания и как единства одного сознания» [1, с. 86]. Согласно теории речевых актов, интенция, являясь составляющей иллокутивного этапа речевого высказывания, представляет собой намерение говорящего передать определенное значение, при этом «имеется взаимно-однозначное соответствие между “закодированной” иллокутивной силой высказывания и его поверхностно-синтаксической формой: первая выводима из значения поверхностной структуры предложения с помощью постулатов значения» [2, с. 228]. Отметим, что реализация интенции в речи сопряжена с «фильтрами допустимости», которые могут быть системными и речеповеденческими [3, с. 7]. Системные фильтры представлены грамматической системой языка, а речеповеденческие — правилами и традициями общения определенной лингвокультурной общности.

Таким образом, сознательный выбор говорящим определенной формы фразы отражает фокусирование его внимания на аспекте реальности, который он намерено фиксирует, помещая наиболее значимый объект в первичную позицию.

В рамках данного исследования рассматривается вариативность реляторной структуры бинарного типа «существительное 1 и существительное 2» [4, с. 27], которая состоит из существительных, обозначающих участников институционального взаимодействия. Под реляторной структурой понимается языковой знак схематической иконичности как репрезентация изоморфизма ситуации действительности средствами языковой системы на синтаксическом уровне. Элементы реляторной структуры, выраженные существительными, именуются релятумами, а союз «и» — релятором [5]. Вариативность рассматривается в данной работе «как единство изменчивого и постоянного и предполагает существование одной и той же языковой единицы — лексемы, словоформы, синтаксической конструкции — как минимум в двух различных формальных модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы» [6, с. 6], что в свою очередь

«создает благоприятную почву для творческого пересмотра распределения внимания» [7, с. 244].

Институциональное взаимодействие, реализуемое в рамках институционального дискурса, представляет собой общение людей согласно нормам, которые заданы определенной социальной структурой. Как отмечает В. И. Карасик, «ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента» [8, с. 94]. Вариативность структуры бинарных образований данного типа может представлять интерес в контексте анализа первичного позиционирования элемента структуры. Так, в перечисленных выше парах позицию когнитивного фокуса [4, с. 7] занимает более статусный персонаж институционального общения: учитель, священник, следователь, врач и др., что обусловлено речеповеденческими фильтрами, регулирующими институциональное общение. В случае же изменения когнитивного фокуса на первую позицию помещается участник коммуникации, занимающий в статусной иерархии института более низкое положение. Современные методы исследования вариативности структуры с использованием экспериментальной методики и поисковых систем, например [9–12 и др.], позволяют обратиться к значительному объему языковых данных и выявить определенные закономерности использования бинарных пар, в которых имеет место нарушение институциональной иерархии.

Таким образом, объектом настоящего исследования выступает бинарная пара, а именно бинарная пара военного дискурса «командир и рядовой», которая исследуется на предмет вариативности ее структуры в английском и русском языках. Обозначенная пара также может рассматриваться как когнитив — именование лиц (актантов) проблемной ситуации [13, с. 58], под которой в этом случае подразумевается ситуация военного конфликта. Цель исследования — выявить контекстуально обусловленные особенности реализации инвертированной структуры. Для получения статистических данных о вариативности фразы «рядовой и командир» в текстовом материале использовалась поисковая система Google, которая позволяет решать подобного рода задачи (см.: [14–17 и др.]). В таблице представлены данные поискового запроса.

Таблица

Количество вхождений биномиальной пары в Google

Фраза 1	Количество вхождений в Google	Фраза 2	Количество вхождений в Google	Процентное соотношение Фраз 1 и 2
«Командир и рядовой»	6010	«Рядовой и командир»	5170	86 %
«Commander and private»	5920,000	«Private and commander»	574 000	9,69 %

Дата обращения: 28.08.2021. Фильтр: «»

Как показывают данные, в русском языке вариативность структуры высокая (процентное соотношение фраз 1 и 2 — 86 %), тогда как в английском языке она незначительна (процентное соотношение составляет около 10 %). Установленный факт может свидетельствовать о том, что речеповеденческие фильтры в русскоязычном сегменте Интернета снижены, что позволяет широко использовать структуру, которая не отражает иерархичность отношений участников акта коммуникации. Для выявления того, какие обстоятельства сопровождают использование инвертированной фразы, обратимся к текстовому материалу, который был получен с помощью сервиса Google Books. Рассмотрим текстовые реализации использованных в вышеописанном эксперименте фраз в том порядке, как они отражены в таблице.

Традиционное использование структуры «командир и рядовой» характерно для случаев, когда роль иерархически значимого участника обусловлена обстоятельствами ситуации, например: «На службе каждый командир и рядовой НСКК носит предписанную форменную одежду» (URL: <https://wolfschanze.livejournal.com/1844275.html>). Материал исследования показывает, что для русскоязычных текстов характерно частое нивелирование иерархических отношений в данной паре: «Каждый *командир и рядовой* боец не может довольствоваться только основательным знанием своего рода войск, но должен быть знаком со свойствами прочих родов...» (URL: <https://books.google.ru/books?id=bUcaAAAAMAAJ&pg=PA139&dq>). В данном примере с помощью слова «каждый» подчеркивается необходимость владения обоими участниками институционального общения специфическими знаниями о роде войск, в которых они состоят.

В следующем примере также имеет место нивелирование иерархического статуса участников институционального общения, однако это обусловлено контекстом ситуации — боевыми действиями: «Они присели на пустые миномётные ящики; присели рядом — командир и рядовой, похожие на двух больших нахохлившихся птиц, в нервном ожидании бойцов из санроты...» (URL: <https://www.google.ru/search?newwindow=1&tbm=bks&sxsrfr>). Сравнение участников с двумя большими птицами показывает, что ситуация, в которой они оказались, снизила степень иерархического неравенства между ними, однако в тексте сохраняется традиционная форма структуры. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в примере из поэтического текста, где, несмотря на то что оба персонажа совершают подвиг, иерархичность их позиционирования также традиционна: «Поле-полюшко с тобой, / командир и рядовой, / подвиг, пламенно воспетый, / и спасенная планета! / Эпопея грозных лет — / фронтовой поры завет» (URL: <https://books.google.ru/books?id=weTwDwAAQBAJ&pg=PT74&dq>).

Таким образом, для рассмотренной структуры характерны как фиксация иерархических отношений, так и их нивелирование, обусловленное обстоятельствами описываемой ситуации. Очевидно, что изменение позиции

в структуре будет направлено на стирание иерархической значимости в данной паре: «...украинец и белорус, узбек и молдаванин, как бок о бок шли в атаку рядовой и командир. Что такое биография человека? Небольшой листок с “сухими” фактами...» (URL: <https://books.google.ru/books?id=yqCTDgAAQBAJ&pg=PT537&dq>). В приведенном примере контекст обуславливает нивелирование иерархического статуса, подчеркивание равного положения всех участников описываемых событий.

В некоторых случаях позиционирование слова «рядовой» в когнитивном фокусе бинорма служит маркером того, что человек, занимающий генеральскую должность, проявляет чрезвычайную заботу о своих подчиненных: «Должность у него вроде и не генеральская, а знает, чем живет и чем дышит и рядовой и командир» (URL: <https://books.google.ru/books?id=IFDzAAAAMAAJ&q>), т. е. изменение позиционирования элементов структуры служит средством экспрессии, позволяющим усилить качества описываемого лица: внимание к нуждам подчиненных.

Кроме того, слово «каждый» как указатель равного положения участников ситуации используется и в инветированной структуре: «...люди эти до сих пор не сталкивались со смертельными опасностями, зато с ними сталкивается каждый рядовой и командир НКВД повседневно, и не удивительно...» (URL: <https://books.google.ru/books?id=x5ZPDwAAQBAJ&pg=PT877&dq>).

Таким образом, в приведенных примерах расположение релятивов в иерархической последовательности используется часто в предложениях с нейтральным или незначительным эмоциональным потенциалом, а изменение позиции — размещение релятива «рядовой» в когнитивном фокусе, т. е. акцентирование нижнего иерархического положения участника взаимодействия, — реализуется в контекстах с высоким потенциалом эмоционального напряжения, о чем свидетельствуют такие слова, как «шли в атаку», т. е. участвовали в боевом действии, которое по своей сути является чрезвычайным событием в жизни человека, поскольку он сталкивается со смертельной опасностью. Наличие экстралингвистического контекста может служить основанием для нарушения иерархической последовательности релятивов в данной структуре.

Анализ текстовой реализации вариативности изучаемой пары в английском языке показал, что для него характерно четкое разграничение социального статуса участников коммуникации: «Also, some people might find it strange for a commander and a private to have a conversation about their feet's health status» / «Кроме того, некоторым людям может показаться странным, что командир и рядовой разговаривают о состоянии здоровья своих ног»¹ (URL: <https://books.google.ru/books?id=uRXxDwAAQBAJ&pg=PT277&dq>). В данном предложении иерархическое положение каждого из участников обозначено не только позиционно, но и контекстуально: разговор между ними о личных вопросах представляется неуместным, о чем свидетельствует лексема *strange* (странно).

¹ Здесь и далее перевод наш. — *И. П.*

Нивелирование иерархических отношений также присутствует в контекстуальной обусловленности фразы в английском языке. Так, в предложении «Alexander performed the duty both of a commander and a private soldier, wishing nothing so ardently as the glory of killing with his own hand, Darius...» / «Александр выполнял обязанности как командира, так и рядового, ничего не желая так горячо, как славы убить собственной рукой Дария...» (URL: https://books.google.ru/books?id=_XelCgAAQBAJ&pg=PT63&dq) подчеркивается, что герой реализует обе функции — руководителя и подчиненного, — при этом фокус внимания сконцентрирован прежде всего на его деятельности как командира. Это обстоятельство подтверждает тезис о том, что для английского языка иерархия позиционирования элементов структуры крайне значима.

В ходе запроса Google Books не предоставил множества примеров инвертированной фразы. См. отрывок из произведения русскоязычного автора Ольги Кучеренко: «...he had to 'experience war the hard way', as both a private and a commander who at his young age already had to act as an arbiter of someone else's life...» / «...ему пришлось "испытать войну на собственном горьком опыте", как рядовому и командиру, которому в его юном возрасте уже приходилось выступать в роли арбитра чужой жизни...» (URL: <https://books.google.ru/books?id=92R8Pmr6хоAC&pg=PR3-IA88&dq>), а также из книги, посвященной исламу: «If a private and a commander spend the money they received (based on their rank) on petty things and so waste it, the commander certainly would receive a much greater punishment» / «Если рядовой и командир потратят полученные ими деньги (в зависимости от их звания) на мелочи и таким образом растратят их впустую, командир, безусловно, получит гораздо большее наказание» (URL: <https://www.google.ru/search?newwindow=1&biw=1536&bih=726&tbm>). Вполне объяснимо, почему инвертированная фраза присутствует в текстах, не связанных с англоязычной культурой, — данная вариативность несвойственна англоязычным пользователям.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ использования инвертированной пары участников институционального взаимодействия — «командир и рядовой» — свидетельствует о том, что в русском и английском языках имеет место разная степень влияния речепорождающих фильтров. Очевидно, что для англоязычных пользователей изменение иерархической последовательности представляется неприемлемым, тогда как для русскоговорящих данная инверсия структуры допустима; более того, она является своеобразным маркером нестандартности и эмоциональности описываемого фрагмента действительности.

Список источников

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова. Т. 1. М.: ДИК; 1999. 336 с.
2. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: обзор направлений. *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17*. М.: Прогресс; 1986: 223–235.

3. Шакирова Э. Р. Интенция говорящего и аспекты ее реализации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2003. 166 с.
4. Петрова И. М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков). М.: Языки Народов Мира; 2020. 185 с.
5. Langendonck W. Categories of word order iconicity. In: M. E. Landsberg (Ed.). *Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes: The Human Dimension*. Berlin: Walter de Gruyter; 1995: 79–90.
6. Селиверстова Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 2010. 421 с.
7. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры; 2014. 320 с.
8. Карасик В. И. О категориях дискурса. *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. трудов*. Волгоград; Саратов: Перемена; 1998: 185–197.
9. Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А. Эксперимент в семантике. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1988; № 5 (47): 431–443.
10. Сулейманова О. А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике. *Грамматические и семантические исследования языков разных систем*. М.: ИЯЗ; 1986: 142–151.
11. Сулейманова О. А., Демченко В. В. Использование Big data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола shudder. *Когнитивные исследования языка*. 2018; № 33: 466–472.
12. Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений. *Филология: научные исследования*. 2018; № 3: 52–64.
13. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2014; № 2 (14): 55–63.
14. Diemer S. Corpus linguistics with Google. *Proceedings of ISLE 2*. Boston; 2008. (2011). URL: <http://www.bu.edu/isle/files/2012/01/Stefan-Diemer-Corpus-Linguistics-with-Google.pdf>
15. Juola P. Using the Google N-Gram corpus to measure cultural complexity. *Literary and linguistic computing*. 2013; № 4 (28): 668–675.
16. Sha G. Using Google as a super corpus to drive written language learning: A comparison with the British National Corpus. *Computer Assisted Language Learning*. 2010; (23): 377–393.
17. Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019; № 5 (3): 127–142.

References

1. Gusserl` E`. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii / per. s nem. A. V. Mixajlova. T. 1. М.: DIK; 1999. 336 s. (In Russ.).

2. Dem`yankov V. Z. «Teoriya rechevy`x aktov» v kontekste sovremennoj lingvističeskoj literatury`: obzor napravlenij. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vy`p. 17*. M.: Progress; 1986: 223–235. (In Russ.).
3. Shakirova E`. R. Intenciya govoryashhego i aspekty` ee realizacii (na materiale anglijskogo yazy`ka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa, 2003. 166 s. (In Russ.).
4. Petrova I. M. Mexanizm kognitivnogo fokusirovaniya (na primere relyatorny`x struktur russkogo i anglijskogo yazy`kov). M.: Yazy`ki Narodov Mira; 2020. 185 s. (In Russ.).
5. Langendonck W. Categories of word order iconicity. In: M. E. Landsberg (Ed.). *Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes: The Human Dimension*. Berlin: Walter de Gruyter; 1995: 79–90.
6. Seliverstova E. I. Russkaya poslovicza v paremiologičeskom prostranstve: stabil`nost` i variativnost` (lingvističeskij aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. SPb., 2010. 421 s. (In Russ.).
7. Irisxanova O. K. Igrы` fokusa v yazy`ke. semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`; 2014. 320 s. (In Russ.).
8. Karasik V. I. O kategoriyax diskursa. *Yazy`kovaya lichnost`: sociolingvističeskie i e`motivny`e aspekty`: sb. nauch. trudov*. Volgograd; Saratov: Peremena; 1998: 185–197. (In Russ.).
9. Seliverstova O. N., Sulejmanova O. A. E`ksperiment v semantike. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury` i yazy`ka*. 1988; № 5 (47): 431–443. (In Russ.).
10. Sulejmanova O. A. K obosnovaniyu e`ksperimental`noj metodiki v semantike. *Grammatičeskie i semantičeskie issledovaniya yazy`kov razny`x sistem*. M.: IYaZ; 1986: 142–151. (In Russ.).
11. Sulejmanova O. A., Demchenko V. V. Ispol`zovanie Big data v e`ksperimental`ny`x lingvokognitivny`x issledovaniyax: analiz semantičeskoj struktury` glagola shuder. *Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka*. 2018; № 33: 466–472. (In Russ.).
12. Sulejmanova O. A., Petrova I. M. E`ksplanatorny`j potencial teorii klassov dlya lingvističeskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredelenij. *Filologiya: nauchny`e issledovaniya*. 2018; № 3: 52–64. (In Russ.).
13. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F. Struktury` modelirovaniya cennostny`x orientirov diskursa social`noj real`nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2014; № 2 (14): 55–63. (In Russ.).
14. Diemer S. Corpuslinguistics with Google. *Proceedings of ISLE 2*. Boston; 2008. (2011). URL: <http://www.bu.edu/isle/files/2012/01/Stefan-Diemer-Corpus-Linguistics-with-Google.pdf>
15. Juola P. Using the Google N-Gram corpus to measure cultural complexity. *Literary and linguistic computing*. 2013; № 4 (28): 668–675.
16. Sha G. Using Google as a super corpus to drive written language learning: A comparison with the British National Corpus. *Computer Assisted Language Learning*. 2010; (23): 377–393.
17. Petrova I. M. Potencial poiskovoj sistemy` Google pri provedenii issledovanij v ramkax kognitivnoj korpusnoj lingvistiki. *Teoretičeskaya i prikladnaya lingvistika*. 2019; № 5 (3): 127–142. (In Russ.).

Информация об авторе

Инна Михайловна Петрова — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Inna M. Petrova — Doctor of Philology, docent, associate professor of Linguistics and Translation Studies Department Institute of foreign languages MCU

Научная статья

УДК: 81'4

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.07

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СОЧЕТАНИЯ

Штатская Татьяна Викторовна

Кубанский государственный технологический университет,

shtata8@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-1983-7153>

Аннотация. В данной работе проводится анализ семантики, сочетаемости и функционирования в тексте интенсификаторов глагольного действия французского языка. На материале более чем 3000 примеров из современных драматургических и прозаических произведений французских авторов были рассмотрены особенности системной организации языковых средств выражения интенсивности действия, в чем видится актуальность данного исследования. Установлено, что интенсификаторы организуются в лексико-семантические парадигмы, однако их четкой закрепленности за определенными лексико-семантическими группами глаголов не обнаружено, а, следовательно, они не представляют собой систему грамматизованных средств.

Ключевые слова: французский язык; семантика; интенсивность; интенсификаторы; глагольное действие; признак; парадигма; лексико-семантическая группа.

Для цитирования: Штатская Т. В. Системная организация интенсификаторов глагольного действия в современном французском языке и особенности их сочетания // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 73–80. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.07

Original article

THE SYSTEM ORGANIZATION OF VERBAL ACTION INTENSIFIERS IN MODERN FRENCH LANGUAGE AND FEATURES OF THEIR COMBINATION

Tatiana V. Shtatskaya

Kuban State Technological University,

shtata8@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-1983-7153>

Abstract. French verbal intensifiers semantics, compatibility and functioning in the text are examined. 3000 tokens from modern dramatic and prosaic works of French authors were analyzed. The obtained results reveal systematic organization of linguistic means expressing the intensity of action. It has been established that intensifiers are organized into lexical-semantic paradigms, however their exact lexical-semantic verb group identity was not proved, therefore, they are not grammaticalized (grammatized).

Keywords: French; semantics; intensity; intensifiers; verbal action; attribute; paradigm; lexico-semantic group.

For citation: Shtatskaya T. V. The System Organization of Verbal Action Intensifiers in Modern French Language and Features of Their Combination. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 73–80. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.07

В исследовании предметом изучения стали лексические единицы (интенсификаторы), семантика которых направлена на передачу значения интенсивности. Это слова-усилители, не имеющие семантической самодостаточности, но обладающие способностью передавать высокую степень интенсивности и усиливать признак, выраженный глаголами (*pédaler — très vite, de toutes ses forces, à en avoir le souffle coupé*).

Недостаточная изученность отражения категории интенсивности действия во французском языке и неравномерность разработки этой темы обусловили необходимость специального исследования средств и способов усиления действия и их функционирования в современном французском языке, а именно: выявить совокупность интенсификаторов (наречий, наречных выражений, прилагательных) глагольного признака, изучить их системно-структурную организацию в современном французском языке и их семантическое варьирование. В связи с поставленной целью актуальным представляется выявление общих семантических характеристик представителей разных лексико-грамматических классов, относящихся к разряду градуируемых слов и способных сочетаться с интенсификаторами. В проведенном исследовании применялся компонентный, структурно-функциональный, системный и другие виды лингвистического анализа.

Взяв за основу понимание лексико-семантической парадигмы как совокупности лексических единиц, связанных системными отношениями (Е. С. Кубрякова,

Ю. С. Степанов, Э. М. Медникова, Б. Н. Головин, Д. Н. Шмелев, Т. П. Ломтев, А. А. Зализняк, В. Л. Ибрагимова, Е. А. Земская, Р. В. Алимпиева), можно рассмотреть семантическое варьирование категории интенсивности глагольного действия на уровне системных отношений анализируемых единиц в рамках лексико-семантических парадигм (а именно в лексико-семантических группах глаголов с интенсификаторами) и при функционировании на уровне синтагматики.

В трудах советских ученых лексико-семантическая группа (ЛСГ) определяется как объединение двух или нескольких слов, сходных по лексическому значению [1, с. 230] или имеющих общие семантические признаки [2, с. 39–40; 3, с. 105].

При определении с помощью метода компонентного анализа организации интенсификаторов в современном французском языке учитывалась способность глагола включать семантические компоненты, которые предопределяют различные аспекты интенсификации. С соответствующими компонентами семантики опорного глагола взаимодействуют разные виды интенсификаторов. На этом основании в работе предлагаются их типы, представленные во всех лексико-семантических группах глаголов по следующим параметрам:

- громкость (*à haute voix; à toute voix; très haut*);
- сила (*violemment; fort; fortement; très fort; avec violence; de toutes ses forces*);
- скорость (*rapidement; à toute vitesse; en flèche; à grands pas; en coup de vent; grand trot; vivement*);
- длительность (*lentement; longuement; à longs trots*);
- внезапность (*d'un coup; d'un bond; brusquement; d'un trait*);
- полнота (*complètement; absolument; entièrement; pleinement*);
- глубина (*profondément; à fond*).

В отдельную группу выделены интенсификаторы:

- нейтральные (*tant; tellement; trop; comme; combien; beaucoup*);
- аффективные (*follement; terriblement; horriblement; effroyablement*).

Используя структурно-функциональный метод, удалось показать, что ЛСГ имеют свой набор интенсификаторов, определяющийся семантической структурой опорных слов (глаголов), но компоненты, на которые воздействуют интенсификаторы, повторяются в них в разных вариациях. Общий элемент значения, присущий словам соответствующих рядов, Д. Н. Шмелев называет семантической темой [3, с. 107]. Так, в ЛСГ глаголов чувств семантическая тема усиливается соответствующими интенсификаторами по параметрам глубины (*haïr profondément*), полноты (*affoler complètement*), силы (*éprouver violemment*), внезапности (*se troubler brusquement*), достоверности (*plaire vraiment*), а семантическая тема «движение», объединяющая глаголы соответствующих ЛСГ, усиливается интенсификаторами, воздействующими на компоненты «скорость» (*s'enfuir à toute vitesse*), «длительность» (*glisser longuement*), «внезапность» (*surgir brusquement*), «полнота» (*s'arrêter entièrement*), «достоверность» (*venir vraiment*). Те же интенсификаторы можно найти

в ЛСГ глаголов рационально-психической деятельности человека: скорость (*réfléchir à toute vitesse*), внезапность (*s'apercevoir brusquement*), длительность (*regarder longuement; penser longuement*), полнота (*oublier entièrement*), достоверность (*voir vraiment*), что доказывает универсальность категории интенсивности, ее связь с общечеловеческими и природными проявлениями, но, с другой стороны, говорит о нестабильном, диффузном характере интенсификаторов, об отсутствии их тесной фиксированной связи с определенными лексико-семантическими группами глаголов.

В связи с тем, что выявление характерных типов словосочетаний в том или ином языке может быть осуществлено лишь при изучении семантических и синтаксических отношений между словами, рассмотрение способов языкового выражения интенсивности действия тесно коррелирует с проблемами семантической сочетаемости глаголов и слов-усилителей (наречий, прилагательных, существительных, наречных выражений), выступающих в роли интенсификаторов.

Анализируя факты интенсификации на лексическом (смысловом) уровне, представляется необходимым обратиться к вопросу сочетаемости интенсификаторов с различными лексико-семантическими группами глаголов. Для обозначения подобного рода соответствий между семантическими свойствами высказываний наиболее употребительным оказался термин «семантическое согласование», введенный в научный оборот В. Г. Гаком вслед за Л. и А. Вундхейлерами [4, с. 271] и Э. Лейзи [5, р. 68]. Семантическое согласование определяется В. Г. Гаком как «наличие одной и той же семы — синтагмемы в двух членах синтагмы» [6, с. 376]. Принимая за основу данное определение, а также опираясь на положение семантической синтагматики о том, что повторяемая сема в семантически правильных высказываниях обычно выполняет роль связующего элемента между словами в словосочетании, мы стремились выделить такие связующие семы в каждом конкретном сочетании глаголов и интенсификатора, так как они составляют основу интенсификации. Например, в сочетании *appeler à haute voix* это сема «громкость», а в сочетании *partir à grande allure* связующей является сема «скорость».

В процессе исследования ранее было обнаружено, что «интенсификаторы образуют незакрытые сочетательные парадигмы типа: *profondément – réfléchir, haïr, aimer, toucher, croire, humilier, aspirer*, где смысловая функция *profondément* соответствует лексическому значению глаголов и интенсификация глагольного действия осуществляется по основному семантическому параметру (интенсифицируется глубина чувств, мысли, дыхания)» [7, с. 698].

В то же время каждый из названных глаголов, наряду с *profondément*, может образовывать сочетательные парадигмы и с другими интенсификаторами в роли ядерного компонента: *aspirer avidement; aimer follement; humilier trop; réfléchir à toute vitesse; haïr tellement; croire vraiment; toucher à la folie*.

Проявляющуюся в семантическом согласовании способность слова с той или иной степенью строгости регламентировать семантические признаки

своего окружения Б. А. Абрамов называет семантической избирательностью [8, с. 7]. Так, семантическая избирательность сочетаемости интенсификатора *profondément* объясняется тем, что он не образует словосочетания со всеми глаголами одного и того же семантического класса, так как «закономерности сочетаемости и, следовательно, имеющиеся ограничения определяются внутренними смысловыми закономерностями соединения слов в словосочетания» [9, с. 126]. Например, при наличии возможного словосочетания *réfléchir profondément* интенсификатор *profondément* не может образовывать словосочетания с глаголами *se souvenir*, *se rappeler* или *oublier*, в семантическом содержании которых отсутствует сема неимпульсивности, характерная для глагола *réfléchir*, относящегося к той же семантической сфере.

В словосочетаниях, где компоненты имеют тесную смысловую связь (например, *frapper de plein fouet*; *suer à grosses gouttes*; *charger à pleins filets*), переход интенсификаторов в позицию ядерных компонентов лексико-семантической парадигмы невозможен, так как они не поддаются смысловому анализу в отрыве от своих составляющих компонентов — конкретных глаголов или синонимичных глаголов определенной лексико-семантической группы (*dormir à poings fermés*). А поскольку такие сочетания не поддаются расчленению и интенсификаторы не могут быть включены в ядро сочетательной парадигмы, то для их обозначения предлагается термин «непарадигматические образования». Парадигматические и непарадигматические образования имеют различную проблематику.

Языковой материал показывает, что нередко интенсификаторы образуют устойчивые сочетания, имеющие тенденцию к лексикализации. С другой стороны, наряду с тенденцией к лексикализации отмечается противоположная тенденция к генерализации, т. е. к установлению общего интенсификатора для разных глаголов отдельных семантических групп.

Несложно заметить, что такие единицы составляют лексико-семантическую парадигму и группируют вокруг себя глаголы различных лексико-семантических групп. Исходя из анализа исследованного языкового материала, приведем примеры таких сочетательных парадигм:

✓ *à grands coups*: ébranler, fouler, essuyer, respirer, disperser, fouiller, miauler, frapper, saluer;

✓ *à toute volée*: allonger, taper, lancer, remonter, vider, recevoir, envoyer, appliquer, prendre;

✓ *d'un coup*: se redresser, s'éloigner, se relever, se réagenouiller, sortir, pondre, retirer, se lever, se hâter, demander, dire, parler, surgir, se montrer;

✓ *dur*: travailler, taper, se battre, cogner, aller, frapper;

✓ *tellement*: traîner, se hâter, balancer, se défendre, aimer, croire, toucher, humilier, refuser, se reprocher;

✓ *à en avoir le souffle coupé*: boire, pédaler;

✓ *ardemment*: travailler, désirer, aimer, protester, demander;

- ✓ *avidement*: boire, serrer, aspirer, lire, écouter, regarder;
- ✓ *fortement*: s'attacher, aimer, jouir, retentir, frapper;
- ✓ *largement*: dépenser, respirer, sourire.

В подтверждение намечающейся тенденции к генерализации интенсификаторов рассмотрим функционирование некоторых из них. Так, исходя из наблюдений, в качестве одного из наиболее характерных интенсификаторов для глаголов движения можно выделить сочетание *à toute vitesse*: *rapprocher*; *conduire*; *arriver*; *monter*; *surgir*; *se diriger*; *entrer*. Например: «L'immeuble entier était en ébullition. En bas, sur Sunset, la sirène d'une ambulance *se rapprocha à toute vitesse*. Sûrement trop tard pour Ed Colton» [10, p. 68] — интенсификация происходит по параметру «скорость».

Интенсификатор *à toute vitesse* может сочетаться и с глаголами других лексико-семантических групп, например с глаголом мышления *réfléchir*: «Il se tut et but un peu de café. Malko *réfléchissait à toute vitesse*» [10, p. 137].

Однако в данном случае *à toute vitesse* передает не только усиление мыслительного процесса, так как настоящими интенсификаторами *réfléchir*, согласно закону семантического согласования, могли бы быть наречия *intensément*, *profondément*, воздействующие на интенсифицируемый компонент «глубина». Здесь интенсификатор *à toute vitesse* скорее свидетельствует о напряженном состоянии субъекта в экстремальной ситуации, когда действовать нужно быстро и безошибочно. Процесс мышления может иметь отношение к параметру «скорость», но он не является основным. Если подвергнуть данное словосочетание компонентному разложению: 1) глубина мысли; 2) напряженность мысли, 3) скорость мышления, то становится ясно, что компонент «интенсивность» взаимодействует с третьестепенной семой значения данного сочетания, что способствует увеличению экспрессивности высказывания.

Маркированные параметром «аффективность» интенсификаторы, в зависимости от сочетаемости, могут по-разному характеризовать действие или его носителя. Если, например, они образуют сочетания с ЛСГ глаголов активного действия или движения, то, скорее всего, проявится характеристика внутреннего состояния самого субъекта, выполняющего это действие, — *marcher rageusement*. Рассмотрим пример: «Rira bien qui rira le dernier, *s'écria Clotilde rageusement*, puis elle essuya une larme» [11, p. 260].

Состояние внутренней ярости в данном случае выражается в выкрике Клотильды: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним!» и контекстом. Естественно, поэтому сема громкости, будучи основной на шкале интенсивности глагола *s'écrier*, интенсифицируется наречием *rageusement*, но одновременно имеет дополнительные коннотации. Словосочетание *s'écrier rageusement* можно мысленно разложить на его смысловые компоненты: 1) *tout haut* (à voix haute), 2) *rapidement*, 3) *avec rage*.

Вышеизложенные факты дают возможность сделать вывод о том, что категория глагольной интенсивности во французском языке имеет семантическую

структуру и реализуется через усиление сем, являющихся общим основанием интенсификации, которое может выражаться интенсификаторами в сочетании с глаголами определенных лексико-семантических групп. В сочетаниях, где интенсификаторы рассматриваются как непарадигматические образования, компонент интенсивности занимает первое место, так как интенсификация осуществляется по линии тесного семантического согласования. Ввиду стабильного характера таких сочетаний воздействующая сила их невелика и им в основном несвойственны экспрессивность, эмоциональность. Однако при погашении основных сем, когда в процесс интенсификации вовлекаются другие признаки, происходит рассогласование и высказывание в целом приобретает яркую стилистическую окраску благодаря экспрессивности, образности. Следовательно, тесная взаимосвязь категории интенсивности с экспрессивностью, эмоциональностью также может придать актуальность ее изучению.

Теоретическое и практическое значение исследования видится в возможности использования его результатов при разработке курсов лекций по экспрессивной стилистике, анализу французского художественного текста, а также при разработке курсов, связанных с проблемами интенсивности и системной организации языковых средств. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по французскому языку.

Список источников

1. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука; 1982. 336 с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа; 1981. 184 с.
3. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Просвещение; 1973. 280 с.
4. Вундхейлер Л., Вундхейлер А. Некоторые понятия логики в применении к синтаксису. В: Кузнецов П. С. (Ред.). (Пер. с англ.). *Машинный перевод: сб. статей*. М.: Изд-во иностр. лит.; 1957: 261–279.
5. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2. Aufl. Heidelberg: Quelle & Meyer; 1961. 131 p.
6. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. *Проблемы структурной лингвистики 1971*. М.: ИРЯ АН СССР; 1972: 367–395.
7. Штатская Т. В. Соотношение интенсивности с сочетательными парадигмами. *Международный журнал экспериментального образования*. 2015; 5 (11): 698–698. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=8831> (дата обращения: 23.10.2021).
8. Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения*. М.: Наука; 1969: 5–15.
9. Штатская Т. В. Проблема семантической сочетаемости глагольных интенсификаторов в современном французском языке. *Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 27 марта 2019 г.* Краснодар: Изд-во КубГТУ; 2019: 125–128.
10. Gérard de Villiers. Embargo. Paris: Plon; 1976. 255 p.
11. Guareschi G. L'extravagante mademoiselle Troll. Paris: Le Livre de Poche; 1972. 316 p.

References

1. Filin F. P. Oчерки po teorii yazy`koznaniya. M.: Nauka; 1982. 336 s.
2. Vasil`ev L. M. Semantika russkogo glagola. M.: Vy`sshaya shkola; 1981. 184 s.
3. Shmelev D. N. Problemy` semanticheskogo analiza leksiki. M.: Prosveshhenie; 1973. 280 s.
4. Vundxejler L., Vundxejler A. Nekotory`e ponyatiya logiki v primenenii k sintaksisu. V: Kuznecov P. S. (Red.). (Per. s angl.). *Mashinny`j perevod: sb. statej.* M.: Izd-vo inostr. lit.; 1957: 261–279.
5. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2. Aufl. Heidelberg: Quelle & Meyer; 1961. 131 p.
6. Gak V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki. *Problemy` strukturnoj lingvistiki 1971.* M.: IRYa AN SSSR; 1972. S. 367–395.
7. Shtatskaya T. V. Sootnoshenie intensivnosti s sochetatel`ny`mi paradigmami // *Mezhdunarodny`j zhurnal e`ksperimental`nogo obrazovaniya.* 2015; 5 (11): 698–698. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=8831>
8. Abramov B. A. O ponyatii semanticheskoy izbiratel`nosti slov. *Invariantny`e sintaksicheskie znacheniya i struktura predlozheniya.* M.: Nauka; 1969: 5–15.
9. Shtatskaya T. V. Problema semanticheskoy sochetaemosti glagol`ny`x intensivnikov v sovremennom francuzskom yazy`ke. *Sovremennyy`e tendencii kross-kul`turny`x kommunikacij: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 27 marta 2019 g.* Krasnodar: Izd-vo KubGTU; 2019: 125–128.
10. Gérard de Villiers. Embargo. Paris: Plon; 1976. 255 p.
11. Guareschi G. L`extravagante mademoiselle Troll. Paris: Le Livre de Poche; 1972. 316 p.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Штатская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2 Кубанского государственного технологического университета.

Information about the author

Tatiana V. Shtatskaya — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign languages Department № 2 Kuban State Technological University.

Научная статья

УДК: 81-114.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.08

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЗВАНИЙ ВЫСТАВОК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Водяницкая Альбина Александровна

Институт иностранных языков

Московского городского педагогического университета,

VodyanickayaAA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0449-1188>

Аннотация. В статье проводится анализ тематики названий выставок библиотеки Института иностранных языков МГПУ как составляющей образовательного дискурса с точки зрения диалога с академическим сообществом в рамках академического коммуникативного пространства. Выявляется аксиологический потенциал экспозиций, их названия рассматриваются с точки зрения воздействия на целевую аудиторию через имплицитные в них этические, эстетические, морально-нравственные и иные ценности.

Ключевые слова: аксиология; ценность; выставка; экспозиция; оценка; диалог с Другим; коммуникативное пространство.

Для цитирования: Водяницкая А. А. Аксиологический потенциал названий выставок университетской библиотеки как составляющей образовательного дискурса // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 81–91. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.08

Благодарности:

Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук, профессору Ларисе Георгиевне Викуловой за помощь в проведении исследования, а также доктору филологических наук, профессору Ольге Аркадьевне Сулеймановой за советы и рекомендации в процессе написания работы.

Original article

UNIVERSITY LIBRARY EXHIBITIONS THROUGH THE PRISM OF AXIOLOGY IN THE FRAMEWORK OF EDUCATIONAL DISCOURSE

Albina A. Vodyanitskaya

Institute of Foreign languages,
Moscow City University

VodyanickayaAA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0449-1188>

Abstract. The paper focuses on the names of library exhibitions in Moscow City University, Institute of Foreign Languages. A library exhibition is regarded as a part of educational discourse. It functions to empower students to make a research in the world of new technologies, to navigate the information flow. Moreover, university library exhibitions are a source of aesthetic, ethical, intellectual values. They develop professional and cultural competences in students.

Keywords: axiology; values; exhibition; exposition; a dialogue with the Other; communicative space.

For citation: Vodyanitskaya A. A. University Library Exhibitions Through the Prism of Axiology in the Framework of Educational Discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 81–91. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.08

Acknowledgements:

I would like to express my deepest gratitude to Doctor of Philology, Professor Larisa Georgievna Vikulova for her support and help during this research. I would also like to thank Doctor of Philology, Professor Olga Arkadyevna Suleimanova for her instrumental guidance and advice that have helped me to complete the research.

В современном образовательном процессе возрастает роль формирования информационной культуры читателя в контексте обилия информационных ресурсов, которыми оперирует студент и исследователь XXI в. Под информационной культурой личности в данной работе понимается «сложное системное качество личности, представляющее собой упорядоченную совокупность гуманистических идей, ценностно-смысловых ориентаций, собственных позиций и свойств личности и проявляющееся в реализации универсальных способов познания, взаимодействий, взаимоотношений, деятельности в информационной среде и определяющее целостную готовность человека к освоению нового образа жизни на информационной основе» ([1] цит. по: [2]). Мы живем в меняющемся мире, и, как отмечают исследователи, эти перемены обусловлены, прежде всего, непрерывно развивающимися информационными технологиями [3; 4]. Одним из эффективных инструментов воспитания культуры взаимодействия с информационной средой являются библиотечные выставки, поскольку они представляют собой «комплекс специально отобранных и систематизированных документов, расположенных

таким образом, чтобы вызвать произвольное внимание читателя, заинтересовать его, удовлетворить существующий интерес или информационную потребность» [5, с. 11]. Таким образом, прагматической задачей библиотечной выставки является установление и поддержка диалога с читателем. В информационную среду вуза входят следующие компоненты: «1. Коммуникационный блок — способы коммуникационного обмена между участниками образовательного процесса в вузе. 2. Деятельностный блок — формы организации работы с разного рода информацией. 3. Морально-этический блок — способность ценностного и критического отношения к информации. 4. Компетентностный блок — умение находить, перерабатывать и интерпретировать информацию различного рода» [6, с. 21–22].

Изначально идея диалогической направленности выставки была выдвинута в 1913 г. директором Гамбургской картинной галереи А. Лихтварком, впервые озвучившим необходимость посредника между посетителем выставки и предметом искусства [5, с. 13]. Отметим, что диалогичность является и одной из характеристик академического дискурса (см., например, в этой связи работы О. А. Сулеймановой о диалоге с Другим в академическом дискурсе [7]), который рассматривается в данной работе как составная часть образовательного дискурса. Последний понимается нами как система «ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса. Данная система является подвижной, существует в образовательных средах разного уровня, включает участников дискурса, образовательные цели, ценности и содержание» [8, с. 56].

Как представляется, университетская библиотека играет одну из ключевых ролей в ценностно-смысловой ориентации коммуникации участников образовательного дискурса, поскольку каждая библиотека представляет собой «институт со сложной структурой, в рамках которой протекают процессы, связанные с общей работой человеческой памяти по усвоению целого комплекса знаний и опыта, трансформацией национальных идей, становлением государственности, формированием художественно-эстетических ориентиров той или иной эпохи» [9, с. 59].

Исследователи отмечают такую важную функцию библиотечных выставок, как раскрытие ценностной природы книги и «формирование аксиологического восприятия книг читателем» [10, с. 92]. В настоящее время аксиология стала предметом внимания не только философских, но и психологических, социологических, лингвистических и других наук. В этой связи отметим «фундаментальную роль ценностей и ценностных ориентиров для индивидуума и социума», когда «интенсифицируется научная перспектива интегрального — критического, ретроспективного и проспективного характера, предметом которой является выявление и формулирование проблем, оценка состояния и динамики центральных аксиологических сущностей» [3, с. 196].

Анализ выставочной деятельности библиотеки Института иностранных языков МГПУ показал, что кураторы выставок создают для обучающихся ценностные ориентиры по следующим направлениям:

- осуществление научной деятельности;
- освоение профессиональной деятельности;
- привитие культурных ценностей;
- формирование гражданской позиции.

Рассмотрим названия выставок, которые создаются в библиотеке ИИЯ, с точки зрения обозначенных в них ценностных ориентиров.

В Институте иностранных языков существует постоянная выставка «Аспиранту и соискателю», которая регулярно пополняется актуальными монографиями, пособиями и журналами, способствующими осуществлению эффективного и осознанного научного труда. Так, например, в 2019 году в нее вошли издания, в которых раскрываются особенности написания научных статей (пособие А. Д. Резника¹) и диссертаций (работы Ф. А. Кузина, Ю. Г. Волкова, Б. А. Райзберга)²; рассматриваются характеристики педагогического (Ю. В. Щербинина³), академического дискурса (И. П. Хутыз⁴); излагаются основы, на которых строится культура научной речи (М. П. Котюрова, Е. А. Баженова)⁵; анализируется проблематика лингвистических исследований (В. Е. Чернявская⁶). Кураторы выставки пополняют ее также работами, направленными на непосредственное описание процесса подготовки к защите и защиты диссертации (среди них, например, бюллетень МГПУ «Аспирантура и докторантура»). В связи с тем, что занятия наукой для многих неотделимы от преподавания, данная выставка пополняется и изданиями, посвященными преподавательской деятельности. Названия некоторых книг, представленных на данной выставке, напрямую обращаются к ценностной составляющей научной деятельности, например книга Л. А. Жгилевой «Информационная культура исследователя» (М., 2018) или монография В. Е. Чернявской «Коммуникация в науке: нормативное и девиантное» (М., 2013).

¹ Резник А. Д. Шаг за шагом: готовим статью для международного научного журнала: практ. руководство для преподавателей вузов, научных работников и аспирантов. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2017. 138 с.

² Кузин Ф. А. Кандидатская диссертация: методика написания, правила оформления и порядок защиты: практ. пособие для аспирантов и соискателей учен. степ. 10-е изд., доп. М.: Ось-89, 2008. 223 с.; Волков Ю. Г. Диссертация: подготовка, защита, оформление: практ. пособие. 4-е изд., перераб. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2016. 160 с.; Райзберг Б. А. Диссертация и ученая степень. Новые положения о защите и диссертационных советах с авторскими комментариями (пособие для соискателей): науч.-практ. пособие. 11-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2020. 253 с. (Менеджмент в науке).

³ Щербинина Ю. В. Введение в педагогический дискурс: учеб. М.: Форум, ИНФРА-М, 2015. 432 с. (Высшее образование).

⁴ Хутыз И. П. Академический дискурс. Культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний: монография. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2018. 172 с.

⁵ Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 280 с.

⁶ Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование». М.: Директ-Медиа, 2014. 266 с.

Таким образом, представленные на выставке «Аспиранту и соискателю» издания способствуют формированию исследовательской культуры будущего ученого, помогают соискателям ученой степени изучить разные типы и виды дискурса, в первую очередь — научный, а также отражают особенности лингвистических исследований.

Выделим две пополняющиеся выставки — «Труды преподавателей МГПУ» и «К юбилею ученого». Выставки дополняют друг друга, поскольку позволяют, с одной стороны, получить представление об учебной деятельности преподавателей, а с другой — увидеть полную «картину усилий человеческого ума» [12, с. 57], овеществленную в книгах научно-педагогическую деятельность ученых МГПУ, посвятивших свою жизнь науке и преподаванию. Юбилейные выставки ярко представляют личность ученого, его научные достижения, что, несомненно, играет большую роль в популяризации науки [7], а также развивают научные и профессиональные компетенции студентов. Содержательная составляющая экспозиций, посвященных юбилярам, свидетельствует о высоком профессионализме преподавателей ИИЯ МГПУ, труды которых занимают достойное место в современной науке, мотивируют студентов к исследовательской деятельности, воспитывая в них ответственное отношение к научным занятиям. Книги и статьи, написанные юбилярами, демонстрируют их увлеченность своим предметом, трудолюбие и стремление «во всем дойти до самой сути». Во всех культурах мира профессионализм и трудолюбие связаны с этическими нормами общества, а «культурные основания положительной этической оценки связаны с ценностной идеализацией качеств трудолюбивого человека» [13, с. 165]. Посвятить жизнь, все свое время можно только чему-то значимому, чему-то высокому.

Развитие профессиональных компетенций студентов осуществляется посредством привлечения их внимания к выставкам, связанным в том числе с направлениями подготовки. Так, например, для будущих лингвистов значимы выставки об ученых, посвятивших свою жизнь изучению проблем в области языкознания. Отметим в этой связи выставку, приуроченную к 125-летию со дня рождения Н. С. Трубецкого, «Величайший ум современной лингвистики» (2015). Такие выставки имеют большое научно-практическое значение, поскольку знакомят студентов и аспирантов с трудами по основам научного творчества, помогают им расширить кругозор. Для диссертантов это особенно важно, так как позволяет расширить теоретическую базу исследования и получить представление о новых актуальных исследованиях в изучаемой ими научной области.

В названиях выставок, направленных на воспитание культуры педагога, совмещаются обозначения этических и эстетических ценностей, и будущий педагог получает нравственный императив для будущей профессиональной деятельности. Экспозиция, посвященная Дню учителя, «Уча других, мы учимся сами», не содержит в своем названии эксплицитные оценочные компоненты, однако сама ситуация является позитивно ценной в контексте образовательного дискурса, в рамках которого происходят передача и получение нового знания.

Студентам-востоковедам адресована выставка «Изучаем восточные языки», представляющая как классические, так и современные труды в области изучения языков стран Востока. В названии выставки используется глагол в форме 1-го лица, множественного числа с инклюзивным местоимением *мы*, вовлекающий реципиента в профессионально ориентированное взаимодействие.

Среди выставок, развивающих как научные, так и профессиональные навыки, отметим постоянную выставку «Новые поступления», выставку «Информационные технологии в лингвистике», которая отражает современные тенденции в области обработки массивов данных и позволяет читателям ориентироваться в современном информационном поле, так как современному исследователю нужно быть сведущим в существующих тенденциях в науке и уметь критически оценивать значимость предлагаемых подходов.

Ряд выставок библиотеки ИИЯ посвящен важным научным событиям международного («Международный день родного языка»), российского (например, выставки «День российской науки», «Гуманитарные науки в вузах и научных институтах России»), вузовского («Неразрывное единство: язык и культура. К научной сессии»), институтского масштаба (конференции, проводимые в ИИЯ). К Международному дню переводчика ежегодно устраиваются выставки, в экспозиции которых представлены в том числе и научные труды преподавателей ИИЯ МГПУ. Отметим, что библиотекари ИИЯ уделяют внимание актуальным мероприятиям, проводимым институтом, например оформляют тематические выставки, посвященные той или иной конференции, что способствует расширению представления участников и гостей конференции о проводимом мероприятии.

Уникальные книги, хранящиеся в фондах библиотеки, частично представлены на выставке «Редкая книга». Традиция выставок редкой книги в библиотеках восходит к 50-м годам XIX в. «Н. Г. Чернышевский в рецензии на отчет Публичной библиотеки, перечисляя “главнейшие из фактов” ее деятельности, на первое место поставил организацию выставок. Эти выставки носили характер музейных экспозиций: на них демонстрировались наиболее ценные экземпляры из книжных сокровищ библиотеки» [5, с. 18].

Ряд выставок-персоналий показывает трудолюбие писателей, их самоотверженное служение своему делу. Так, например, выставка, посвященная 145-летию со дня рождения писателя И. А. Бунина, — «Лишь слову жизнь отдана...» (2015) — актуализирует свои названием ценность посвящения жизни целенаправленному труду: писатель представлен как человек, чья жизнь «лишь слову отдана». В названии выставки «По Пушкинским местам: “Приют спокойствия, трудов и вдохновенья”» (2015), приуроченной к Пушкинскому дню России и 216-летию со дня рождения А. С. Пушкина, подчеркивается важность сосредоточенного труда, сбалансированного своевременным отдыхом. В названии выставки «Талант блистательный и многогранный» (2015),

посвященной 140-летию со дня рождения Т. Манна, с помощью оценочных прилагательных «блистательный» и «многогранный» подчеркивается вклад писателя в литературу.

Этический компонент присутствует в названии выставки о Д. Родари — «Итальянский сказочник и гражданин своей страны», где слово «гражданин» используется в значении ‘человек, заботящийся об общественном благе, подчиняющий свои личные интересы общественным’ [14]. В словаре оно помечено как слово высокого стиля.

Общекультурные компетенции формируются благодаря выставкам, отражающим этические аспекты личности писателей и ученых: такова экспозиция, посвященная 115-летию со дня рождения С. И. Ожегова, под названием «Рыцарь русского слова» (2015). Применительно к труду С. И. Ожегова над «Толковым словарем русского языка» можно употребить слово «рыцарь» и в значении ‘защитник’, поскольку ученому приходилось нередко отстаивать необходимость включения того или иного слова в словарь, и в значении ‘преданно служащий своему делу’. Таким образом, экспозиция выставки отражает ценность труда в человеческой жизнедеятельности, преданность и служение делу в сочетании с научной принципиальной позицией.

Выставки, приуроченные ко Дню Победы, заслуживают отдельного внимания. Они помогают узнать о героях, которые ценой собственной жизни подарили человечеству возможность спокойно учиться, заниматься творчеством, трудиться. В этой связи важно упомянуть названия книг, представленных на таких выставках, как: «Война на всех одна: Книга Памяти» (М., 2015), «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд: выпускникам системы проф.-тех. образования — героям фронта и тыла — посвящается» (М., 2010), «Великий подвиг: Вузы Москвы в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: в 3 т.» (Т. 1. М., 2005). В названиях этих книг звучит идея единства, значимости труда, величия подвига людей, защищавших Родину. Более того, факт упоминания в названиях книг о вкладе участников академического дискурса в дело Победы может способствовать рефлексии о патриотизме. Патриотические ценности также актуализируются в экспозициях, приуроченных к Дню защитника Отечества, Дню народного единства, что способствует формированию гражданской позиции студента. Как отмечают ученые, «гражданская позиция, представляющая собой интегративную систему отношений личности к государству, обществу и самому себе, как гражданину, включает в себя ценностные индивидуальные установки, качества, гражданскую идентичность» [15, с. 291].

Являясь своеобразным искусством составления антологий, любая выставка, по мнению специалистов, «синтезирует определенное визуально-текстовое пространство», которое преобразует и визуальную, и текстовую составляющую [5, с. 13]. Визуально-текстовое пространство, преобразованное синтезом мыслей и представлений кураторов выставки [5, с. 13], становится и коммуникативным пространством, или паратопией (см., например, [16, с. 46]).

Читатели попадают в коммуникативное пространство, и в «дискурсивной стратегии» кураторов выставок «исторически значимым становится фактор паратопии» [16, с. 46].

Создавая тематические выставки, выставки-персоналии, экспозиции, приуроченные к тому или иному событию, памятной дате, празднику и т. д., их кураторы вступают в диалог с посетителем читального зала, медиатеки или абонементного отдела.

Вслед за О. А. Сулеймановой подчеркнем, что диалог с читателем, диалог с Другим является одной из ключевых особенностей академического дискурса. Университетская выставка создается кураторами с целью привлечения Другого — студента, аспиранта и преподавателя университета — к академическому, социокультурно значимому диалогу. Представляется важным, что «антропоцентричная парадигма и отражающие ее направления развития лингвистики такие, как дискурсивная, позволяют отрефлексировать взаимоотношения всех участников коммуникации, а также персонажей за кадром, Других, вовлекая их в коммуникацию и создавая обозначенную М. М. Бахтиным полифонию дискурса» [7, с. 181]. При этом университетская выставка встраивается в полифонию академического дискурса на тематическом уровне: в названиях выставок звучат голоса авторов (ученых, писателей и др.), которым посвящена та или иная экспозиция.

Сотрудники библиотеки ИИЯ МГПУ посредством названий выставок выделяют ключевые морально-нравственные и профессиональные качества личности языковедов, литераторов, писателей, призывая студентов как участников академического дискурса к осмыслению творчества выдающихся представителей той или иной профессии.

Всегда волновавшая гуманитарное сообщество проблема Другого, Иного «отражает ключевое свойство человеческого сознания постигать и упорядочивать мир через сопоставление и противопоставление объектов» [7, с. 180–181]. Через выставки и их говорящие названия кураторы запускают аксиологически значимый механизм сопоставления адресатами выставок собственных жизненных установок с теми профессионально значимыми и социокультурными ценностными ориентирами, которые заложены в названиях выставок.

В заключение отметим, что проведенный обзор-анализ выставочной деятельности библиотеки Института иностранных языков МГПУ позволил выявить аксиологический потенциал экспозиций, который раскрывается через апелляцию к патриотическим, этическим, интеллектуальным ценностям. Диалог с Другим [7; 17] осуществляется в коммуникативном пространстве библиотеки. При этом ключевая роль отводится уже упоминавшемуся в данной работе фактору паратопии [11; 16, с. 46]. В словах, обращенных к посетителям выставок со страниц книг, в названиях экспозиций имплицитно призывается учиться, заниматься творческой деятельностью, анализировать, мыслить, быть гражданином своей страны.

Список источников

1. Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура. М.: Мол. гвардия; 1988. 304 с.
2. Пронина Л. А. Информационная культура как фактор развития информационного общества. *Аналитика культурологии*. 2008; № 10: 75–91.
3. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве. *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2014; № 2 (14): 55–63.
4. Тарева Е. Г. Цифровая эпоха и педагогические профессии. *Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки»*. 2018; № 3 (27): 85–90.
5. Збаровская Н. В. Выставочная деятельность публичных библиотек. СПб.: Профессия; 2004. 224 с.
6. Мамонтова Н. И. Информационная среда как объект и предмет педагогического исследования. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2012; (18): 18–22.
7. Сулейманова О. А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. М.: Ленанд; 2018: 180–198.
8. Артюхова И. С. Образовательный дискурс как система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса. *Развитие современного образования: теория, методика и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2016 г.)*. Чебоксары: Интерактив плюс; 2016: 56–59.
9. Попугаева А. Ю., Викулова Л. Г. Становление коммуникативного пространства национальной библиотеки Франции. *Перспективы науки-2016. Материалы IV Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ*. Казань: НОЦ «Знание»; 2016: 62–58.
10. Милютин Е. В. Определение ценности библиотечных книжных собраний. *Возрождение культуры России: Книжно-библиотечное дело. Вып. 5*. СПб.: Знание; 1997: 92–100.
11. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Кулагина О. А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества. *Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография*. М.: Тезаурус; 2011: 196–230.
12. Герасимова С. А. Личность ученого в популяризации науки и научного результата: Французская энциклопедия XVIII века. *Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация. Материалы международной научной конференции*. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та; 2017: 57–59.
13. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. М.: Икар; 1997. 320 с.
14. Кузнецов С. А. (Гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка 1-е изд. СПб.: Норинт; 1998. В авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%5Bгражданин%5D> (дата обращения: 18.03.2021).
15. Шабанова Т. В., Марченко С. М. Формирование ценностных установок гражданской позиции у курсантов военных вузов. *Казанский педагогический журнал*. 2016; № 2 (2): 291–295.

16. Викулова Л. Г. Волшебная французская литературная сказка конца XVII – начала XVIII века: Прагмалингвистический аспект: монография. Иркутск: ИГЛУ; 2001. 286 с.

17. Сулейманова О. А. К вопросу об академическом дискурсе: выступление в слэм-формате. *Язык. Текст. Дискурс*. 2017; № 15: 270–278.

References

1. Vorob`ev G. G. *Tvoya informacionnaya kul`tura*. M.: Mol. gvardiya; 1988. 304 s. (In Russ.).

2. Pronina L. A. Informacionnaya kul`tura kak faktor razvitiya informacionnogo obshhestva. *Analitika kul`turologii*. 2008; № 10: 75–91. (In Russ.).

3. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F. *Strukturny` modelirovaniya cennostny`x orientirov diskursa social`noj real`nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve*. *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie»*. 2014; № 2 (14): 55–63. (In Russ.).

4. Tareva E. G. *Cifrovaya e`poxa i pedagogicheskie professii*. *Vestnik MGPU. Ser. «Filosofskie nauki»*. 2018; № 3 (27): 85–90. (In Russ.).

5. Zbarovskaya N. V. *Vy`stavochnaya deyatel`nost` publicny`x bibliotek*. SPb.: Professiya; 2004. 224 s. (In Russ.).

6. Mamontova N. I. Informacionnaya sreda kak ob`ekt i predmet pedagogicheskogo issledovaniya. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2012; (18): 18–22. (In Russ.).

7. Sulejmanova O. A. *Akademicheskij diskurs kak neprery`vny`j dialog s Drugim. Diskurs kak universal`naya matricza verbal`nogo vzaimodejstviya*. M.: Lenand; 2018: 180–198. (In Russ.).

8. Artyuxova I. S. *Obrazovatel`ny`j diskurs kak sistema cennostno-smy`slivoj kommunikacii sub`ektov obrazovatel`nogo processa. Razvitie sovremennogo obrazovaniya: teoriya, metodika i praktika: materialy` VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 29 maya 2016 g.)*. Cheboksary`: Interaktiv plus; 2016: 56–59. (In Russ.).

9. Popugaeva A. Yu., Vikulova L. G. *Stanovlenie kommunikativnogo prostranstva nacional`noj biblioteki Francii. Perspektivy` nauki-2016. Materialy` IV Mezhdunarodnogo zaochnogo konkursa nauchno-issledovatel`skix rabot*. Kazan`: NOCz «Znanie»; 2016: 62–58. (In Russ.).

10. Milyutina E. V. *Opredelenie cennosti bibliotekny`x knizhny`x sobranij. Vozrozhdenie kul`tury` Rossii: Knizhno-bibliotечноe delo. Vy`p. 5*. SPb.: Znanie; 1997: 92–100. (In Russ.).

11. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Kulagina O. A. *Semiometriya reflekcii o cennostyax sovremennogo obshhestva. Lingvistika i aksiologiya: e`tnosemiometriya cennostny`x smy`slov: kollektivnaya monografiya*. M.: Tezaurus; 2011: 196–230. (In Russ.).

12. Gerasimova S. A. *Lichnost` uchenogo v populyarizacii nauki i nauchnogo rezul`tata: Francuzskaya e`nciklopediya XVIII veka. Nauka v obshhestvennom dialoge: cennosti, kommunikacii, organizaciya. Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. SPb.: Izd-vo Politexnicheskogo un-ta; 2017: 57–59. (In Russ.).

13. Pisanova T. V. *Nacional`no-kul`turny`e aspekty` ocnocnoej semantiki: E`steticheskie i e`ticheskie ocenki*. M.: Ikar; 1997. 320 s. (In Russ.).

14. Kuznecov S. A. (Gl. red.). Bol'shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka 1-e izd. SPb.: Norint; 1998. V avtorskoj redakcii 2014 goda. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%5Bgrazhdanin%5D> (data obrashheniya: 18.03.2021). (In Russ.).

15. Shabanova T. V., Marchenko S. M. Formirovanie cennostny`x ustanovok grazhdanskoj pozicii u kursantov voenny`x vuzov. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2016; № 2 (2): 291–295.

16. Vikulova L. G. Volshebnyaya francuzskaya literaturnaya skazka konca XVII – nachala XVIII veka: Pragmalingvisticheskij aspekt: monografiya. Irkutsk: IGLU; 2001. 286 s. (In Russ.).

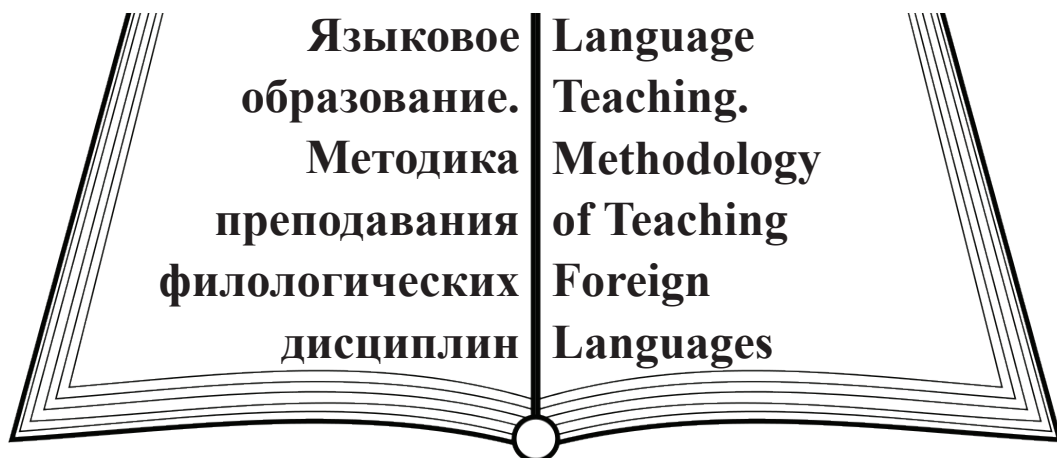
17. Sulejmanova O. A. K voprosu ob akademicheskom diskurse: vy`stuplenie v sle`m-formate. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 2017; № 15: 270–278. (In Russ.).

Информация об авторе

Альбина Александровна Водяницкая — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Albina A. Vodyanitskaya — PhD (Philology), associate professor of Linguistics and Translation studies Department Institute of foreign languages MCU.

Научная статья

УДК: 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.09

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПОРТФЕЛЯ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК (УРОВНИ А1 И А2)

Федянина Владлена Анатольевна¹, Деркач Александр Владимирович²,
Мизгулина Мария Натановна³

^{1,2,3} Институт иностранных языков

Московского городского педагогического университета

¹ FedyaninaVA@mgpu.ru

² DerkachA@mgpu.ru

³ MizgulinaMN@mgpu.ru

Аннотация. В статье предложены результаты сравнительного анализа опыта внедрения европейского языкового портфеля в образовательные системы России и Японии, а также обоснован выбор версии языкового портфеля для широкого круга носителей русского языка, изучающих японский язык. Описаны характерные особенности японского языка и японской культуры, повлиявшие на выбор структуры и содержания японского языкового портфеля, а также приведены примеры разделов данного портфеля.

Ключевые слова: японский языковой портфель; уровни владения японским языком; дескрипторы уровней владения японским языком А1 и А2 МГПУ; стандарты Японского фонда (ЯФ).

Для цитирования: Федянина В. А., Деркач А. В., Мизгулина М. Н. Проектирование языкового портфеля для изучающих японский язык (уровни А1 и А2) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 93–100. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.09

© Федянина В. А., Деркач А. В., Мизгулина М. Н., 2021

Original article

DESIGNING LANGUAGE PORTFOLIO FOR JAPANESE LANGUAGE LEARNERS (LEVELS A1 AND A2)

Vladlena A. Fedyanina¹, Aleksandr V. Derkach², Maria N. Mizgulina³

^{1,2,3} Institute of foreign languages
Moscow City University

¹ FedyaninaVA@mgpu.ru

² DerkachA@mgpu.ru

³ MizgulinaMN@mgpu.ru

Abstract. The article describes the choice of a language portfolio model for a wide range of Japanese language learners (L1 Russian) based on a comparative analysis of language portfolio implementing experience in Russia and Japan of Russia and Japan. Japanese language and culture characteristics features (that) influenced the structure and contents of Japanese learners language portfolio are described. Examples of portfolio (elements / sections / parts) are given.

Keywords: Japanese language portfolio; Japanese language proficiency levels; the Japanese language proficiency levels A1 and A2 of the MCU descriptors; Japan Foundation standards (JFS).

For citation: Fedyanina V. A., Derkach V. A., Mizgulina M. N. Designing Language Portfolio for Japanese Language Learners (Levels A1 and A2). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 93–100. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.09

Языковой портфель как технология, направленная на повышение степени интерактивности процесса овладения иностранным языком, достаточно эффективно используется в качестве элемента современных систем иноязычного образования многих стран мира, включая Российскую Федерацию. Впервые технология оценивания (самооценивания) достижений учащихся при помощи портфолио, или портфеля ученика, была введена в 1980-х гг. в педагогических университетах США. К началу XXI в. концепция составления портфолио в сфере обучения иностранным языкам набрала популярность в Европе и Японии. После того как в соответствии с проектом «Изучение языков для получения европейского гражданства» в 1989–1996 гг. Советом Европы была создана шкала уровней владения иностранными языками Common European Framework of Reference for Languages (CEFR), в 2001 г. на основе документа «Общеввропейские компетенции владения иностранными языками: изучение, преподавание, оценки» был разработан Европейский языковой портфель (European Language Portfolio).

В настоящее время в российской системе обучения японскому языку остро чувствуется необходимость проведения исследований, посвященных созданию японского языкового портфеля для русскоязычных обучающихся,

и проектирования языкового портфеля для начального уровня (уровней А1 и А2). Это связано с возросшим в обществе интересом к изучению японского языка и культуры: по статистике организации «Японский фонд» (далее — ЯФ), за последние три года количество россиян, изучающих японский язык, увеличилось более чем на тридцать процентов [1].

При проектировании японского языкового портфеля для начального уровня необходимо ориентироваться на:

- опыт внедрения европейского языкового портфеля в России и анализ целей, задач, структуры и видов данного портфеля;
- опыт учреждений образования Японии по адаптации технологии европейского языкового портфеля к системе иноязычного образования Японии, т. е. результаты процесса, в ходе которого европейский языковой портфель был модифицирован сообразно реалиям японской культуры и приобрел нынешние отличительные черты языкового портфеля, предлагаемого в ЯФ;
- технологии, предлагаемые ЯФ по внедрению японского языкового портфеля на курсах и семинарах для российских преподавателей японского языка.

Опыт внедрения технологии европейского языкового портфеля в российскую теорию и практику обучения иностранным языкам описан в работах И. И. Халеевой, Е. С. Полат, Н. Д. Гальсковой, З. Н. Никитенко, Н. Ф. Коряковцевой и др. Языковой портфель вводится во все типы учебных заведений: в школы, в вузы, в систему дополнительного образования.

Согласно С. Даниельсон, Л. Абрутин, функции применения языкового портфеля в обучении иностранному языку следующие:

- сбор достижений обучающегося (collection);
- выбор наиболее эффективных методов обучения иностранному языку (selection);
- осмысление собственного прогресса в изучении иностранного языка (reflection) [2].

Исследователь Р. Шерер выделяет следующие функции языкового портфеля: педагогическую, проверочную и каталитическую [3]. Ведущими функциями языкового портфеля, по мнению Д. Литтл, являются: 1) информирующая, позволяющая зафиксировать уровень владения учащимся иностранным языком; 2) педагогическая, способствующая повышению мотивации учащегося к изучению иностранного языка и межкультурной коммуникации, развитию его способности к рефлексии и самооценке [4].

В российской методической литературе определены различные виды языкового портфеля в зависимости от его целевой направленности:

1) как инструмента самооценки достижений обучаемого в процессе овладения иностранным языком и уровня владения иностранным языком (Self-Assessment Language Portfolio);

2) как инструмента автономного изучения иностранного языка (Language Learning Portfolio). Данный вид языкового портфеля может варьироваться

в зависимости от одноцелевой или комплексной направленности: языковой портфель в области чтения (Reading Portfolio), аудирования (Listening Portfolio), говорения (Speaking Portfolio), письма (Writing Portfolio), языковой портфель взаимосвязанного развития видов иноязычной речевой деятельности (Integrated Skills Portfolio); многоцелевой языковой портфель, включающий различные цели в области овладения иностранным языком (Comprehensive Language Portfolio);

3) как инструмента обратной связи в учебном процессе по иностранному языку (Feedback Language Portfolio).

4) как репрезентации лучших образцов речевого опыта (Show Case Language Portfolio) [5].

На выбор наиболее подходящего вида языкового портфеля влияют возрастные особенности обучающихся. По мнению Н. Д. Гальсковой, З. Н. Никитенко, Н. Ф. Коряковцевой, у школьников, студентов и людей старшего возраста разные приоритеты в выборе вида и формата языкового портфеля. Из представленной выше типологии, построенной на принципе характера целевой направленности, для разработки варианта языкового портфеля по японскому языку наиболее подходящим для русскоязычных пользователей начального уровня является многоцелевой языковой портфель, включающий различные цели в области овладения иностранным языком. Именно он имеет большую перспективу, а также охватывает широкий диапазон изучающих японский язык.

В Японии языковой портфель был разработан в конце 1990-х гг. на основе Европейского языкового портфеля с целью унификации и стандартизации требований и показателей в сфере обучения иностранным языкам. Концепцию внедрения теории языкового портфеля в практику преподавания японского языка как иностранного рассматривают японские исследователи Каори Ямагути, Ясуэ Кодама, Томоко Кияма, Дзюнъити Арима и др. Анализ работ японских ученых позволяет выделить несколько особенностей внедрения и адаптации этой технологии в сферу японского образования и, как следствие, отличительные особенности японского языкового портфеля.

По некоторым параметрам японский и европейский портфели являются очень похожими. Во-первых, японцы, как и европейцы, рассматривают эту концепцию в парадигме непрерывного образования, близкого к традиционной японской культуре. Авторы описывают процесс внедрения системы портфолио в японское образование как интеграцию двух измерений — во времени (на протяжении всей жизни) и в пространстве (вызванное глобализацией) [6]. Во-вторых, при переносе на почву японского образования была сохранена структура европейского портфеля. В портфеле ЯФ содержится три раздела: «Таблица оценки», «Запись языкового и культурного опыта» и «Результаты обучения»¹, что практически соответствует трем разделам европейского портфеля.

¹ JF-стандарт преподавания японского языка (JF-стандарт). URL: <https://jpfmw.ru/ru/yaponskij-yazyik/marugoto/jf-standart.html> (дата обращения: 28.11.2021).

К особенностям внедрения и адаптации языкового портфеля в Японии следует отнести большой опыт японцев по заимствованию иностранных идей, некоторые различия западной и восточной (японской) философии, особенности японского языка, самобытность японской культуры. Япония имеет богатый исторический опыт по заимствованиям передовых идей из Европы и Америки, начавшимся в период реформ, проводимых после Реставрации Мэйдзи (1868–1889). При этом западные идеи, попадая в Японию, перерабатывались и адаптировались под особенности японского культурного уклада. Нынешняя система образования Японии является воплощением близких японцам образовательных идей США, Германии и Франции. Европейский языковой портфель в Японии также был несколько видоизменен.

Первой отличительной чертой, а также сложностью японского языка является иероглифическая письменность [7–9]: при изучении японского языка этот аспект должен отражаться в языковом портфеле. В предлагаемых в Японии языковых портфелях содержатся достижения учащихся в сфере изучения иероглифики. Это могут быть иероглифические карточки, прописи, мнемонические техники, рисунки, листы с каллиграфией, варианты написания иностранного имени с помощью иероглифов и т. п. Например, для уровней А1 и А2 при моделировании иероглифического аспекта языкового портфеля следует предусматривать включение достижений обучающегося в сфере иероглифики во все разделы: «Языковой паспорт», «Языковая биография» и «Досье».

Во-вторых, в стандартах ЯФ особое внимание уделяется японской культуре, что отражено в наборе ситуаций, рекомендуемых для включения в языковой портфель. В качестве трансляторов культурного опыта приводятся любые, в том числе бытовые, ситуации: просмотр японских фильмов, анимэ, прослушивание песен, поход на выставку, на концерт, в японский ресторан и т. п. Данные ситуации способны показать отдаленность и непохожесть русской и японской культуры. При такой непохожести, даже экзотичности, сбор любых материалов о культуре превращается в увлекательное занятие.

В-третьих, специалисты ЯФ Я. Кодама, Т. Кияма и Д. Арима, описывая опыт обучения преподавателей из разных стран работе с японским языковым портфелем, подчеркивают важность акцентирования внимания не только на результатах изучения японского языка (что свойственно европейской культуре, нацеленной на результат), но и на самом *процессе* обучения, который в восточных культурах не менее ценен, чем результат [10]. На практике данная особенность выражается во включении работы с языковым портфелем в процесс обучения. Например, на курсах ЯФ существуют уроки под названием «фурикаэри» (от глагола «фурикаэру» — ‘оглядываться назад’), где предполагается не только повторение, но и демонстрация товарищам своих языковых портфелей, рассказы о полученном опыте, обмен мнениями. Технология японского языкового портфеля включена в программу стажировок, организуемых и проводимых ежегодно Японским фондом для российских преподавателей

всех типов учебных заведений. Применяемые технологии предполагают работу с портфелем во время аудиторных занятий, использование портфеля не только как инструмента самооценки, самоанализа и саморефлексии, но и как часть непосредственного процесса обучения.

Проанализировав основные сходства и различия европейского языкового портфеля и языкового портфеля, предлагаемого в стандартах ЯФ, мы остановились на проектировании многоцелевого языкового портфеля, повторяющего структуру европейского портфеля и при этом обладающего отличительными чертами японского языкового портфеля, такими как: 1) включение иероглифики; 2) большое внимание к изучению культуры; 3) нацеленность этого инструмента не только на результат, но и на процесс изучения языка.

Разработанный универсальный многоцелевой языковой портфель для уровней владения японским языком А1 и А2 структурно состоит из ряда общепринятых разделов.

➤ **Языковой паспорт**, состоящий из трех частей. В первой части может быть представлена общая информация о личности его владельца, а также об уровне владения японским языком (со ссылкой на соответствующие сертификаты о достижении владельцем паспорта языковых компетенций, например сертификаты об окончании языковых курсов или об уровне JLPT). Вторая часть языкового паспорта предназначена для проведения самооценки уровня владения японским языком и фиксации ее результатов на основе шкалы дескрипторов для уровней А1 и А2. Например, на курсах ЯФ во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино (ВГБИЛ) принято пользоваться трехступенчатой шкалой самооценки: для этого на листах достижений CAN DO необходимо закрасить одну, две или три звездочки (обозначающими низкий, средний или высокий уровень результата соответственно). В третьей части выделяется раздел для фиксации и самоанализа достижений в освоении иероглифики: «Сколько иероглифов я знаю»:

- *Иероглифы, которые я могу написать!*
- *Иероглифы, которые я могу прочитать!*
- *Слова, которые я могу написать иероглифами!*
- *Слова, написанные иероглифами, которые я могу прочитать!*

➤ **Языковая биография**, в которой обучающийся отражает свою историю изучения японского языка. Языковая биография выявляет содержательные и деятельностные аспекты японского языка. После освоения очередной темы или раздела обучающийся сам заполняет соответствующую таблицу, пример которой приведен ниже.

Поскольку структура данной таблицы построена на положениях деятельностного подхода, она предполагает не простую хронологическую фиксацию языковых событий в жизни обучающегося, но и направляет его усилия на путь совершенствования уровня владения японским языком посредством самоанализа достижений.

Таблица 1

**Формализованное представление языковой биографии
в области овладения японским языком (ЯЯ)**

№	Название учебной организации, проекта, программы	Дата начала занятий, окончания учебного заведения	Уровень владения японским языком, экзамен, тест	Уровень владения японским языком, самооценка	Впечатления от межкультурного общения, причины успехов и неудач	Планы дальнейшего совершенствования
1						
...						

➤ *Досье*, в нем предоставляются свидетельства самых ярких достижений в области изучения японского языка и культуры. Это могут быть творческие работы, сочинения, эссе, презентации, таблица «Мои любимые иероглифы», иллюстрации, в том числе работы по каллиграфии иероглифов, фотографии, видеоматериалы, необходимые для выполнения проектной деятельности (табл. 2). Именно в разделе «Досье» происходит ключевое осмысление культуры как феномена иноязычного образования и возможности реализации множества подходов современной лингводидактической парадигмы [11].

Таблица 2

Формализованное представление раздела «Досье»

№	Название документа, рекомендательного письма, творческой работы, видео и фотоматериалов	Дата выдачи	Статус документа	Кем выдан	Квалификация	Примечания
1						
...						

В заключение исследования следует отметить, что в виде портфеля, универсального для всех возрастных категорий обучающихся, которые изучают японский язык, может быть выбран многофункциональный портфель, состоящий из трех разделов: «Языковой паспорт», «Языковая биография» и «Досье» — и включающий в себя специфические особенности японского языка и японской культуры.

Список источников

1. Survey report on Japanese-language education abroad. 2018. *Japan Foundation*. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/project/japanese/survey/result/survey18.html> (дата обращения: 28.11.2021). (На япон. и англ. яз.).
2. Danielson C., Abrutyn L. *An introduction to using portfolios in the classroom*. Alexandria, Va. USA: ASCD; 1997. 86 p.

3. Шерер Р. К вопросу о принципах и функциях Европейского Языкового Портфеля для высшей школы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2015; № 14 (725): 28–47. (На англ. яз.).

4. Little D. The European Language Portfolio: structure, origins, implementation and challenges. *Language Teaching*. 2002; № 3 (35): 182–189. DOI:10.1017/S0261444802001805

5. Чунина Е. В. Языковой портфель как технология формирования учебной компетенции школьников. *Английский язык в школе*. 2012; №3 (39): 52–57.

6. Ямаути К., Курода Ф. Мидзукара то нихонго то но канкэй но тораэнаоши по:тофорио кацудо о тооситэ // *Нихонго кё:ику хо:хо: кэнкю:кайси*. 2016; № 3 (22): 58–59. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jlem/22/3/22_KJ00010220870/_pdf (На япон. яз.).

7. Сергеева А. И. Методика обучения иероглифической письменности: преодоление графической трудности, уровень черт. *Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы X Юбилейной международной научной конференции к 75-летию Валерия Степановича Борисова*. Коломна: ГСГУ; 2017: 190–193.

8. Буландо Р. И., Кузнецова С. М., Федянина В. А., Мизгулина М. Н. Олимпиада УШБ по японскому языку: примеры заданий. *Иностранные языки в школе*. 2019; № 12: 102–112.

9. Савинская А. В. Критерии оценивания продуктивных видов речевой деятельности (на примере олимпиады по японскому языку, проводимой в рамках олимпиады «Учитель школы будущего»). *Иностранные языки в школе*. 2021; № 4: 74–82.

10. Кодама Я., Кияма Т., Арима Д. Гайкокудзин нихонго кё:си кё:ику э но по:тофорио хё:ка до:ню: но кокороми. *Ежегодный сборник статей Японского фонда*; 2007: 95–111. URL: <https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/teach/research/report/03/pdf/07.pdf> (На япон. яз.).

11. Тарева Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного гуманитарного знания. В: Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. (Отв. ред.). *Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социокультурные ценности: коллективная монография*. М.: Форум: Неолит; 2017: 17–44.

References

1. Survey report on Japanese-language education abroad. 2018. *Japan Foundation*. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/project/japanese/survey/result/survey18.html> (data obrashheniya: 28.11.2021). (In Jpn. & Eng.).

2. Danielson S., Abrutyn L. An introduction to using portfolios in the classroom. Alexandria, Va. USA: ASCD; 1997. 86 p.

3. Sherer R. K voprosu o principax i funkciyax Evropejskogo Yazykovogo Portfelya dlya vy'sshej shkoly'. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2015; № 14 (725): 28–47. (In Eng.).

4. Little D. The European Language Portfolio: structure, origins, implementation and challenges. *Language Teaching*. 2002; № 3 (35): 182–189. DOI: 10.1017/S0261444802001805

5. Chunina E. V. Yazykovej portfel' kak tekhnologiya formirovaniya uchebnoj kompetencii shkol'nikov. *Anglijskij yazyk v shkole*. 2012; № 3 (39): 52–57. (In Russ.).

6. Yamauti K., Kuroda F. Midzukara to nixongo to no kanke`j no torae`naosi po:toforio kacuzdo o toosite`. *Nixongo kyo:iku xo:xo: ke`nkyu:kajsi*. 2016; № 3 (22): 58–59. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jlem/22/3/22_KJ00010220870/_pdf (In Jpn.).

7. Sergeeva A. I. Metodika obucheniya ieroglificheskoy pis`mennosti: preodolenie graficheskoy trudnosti, uroven` chert. *Yazy`k: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie. Materialy` X yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 75-letiyu Valeriya Stepanovicha Borisova*. Kolomna: GSGU; 2017: 190–193. (In Russ.).

8. Bulando R. I., Kuzneczova S. M., Fedyanina V. A., Mizgulina M. N. Olimpiada UShB po yaponskomu yazy`ku: primery` zadaniy. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*. 2019; № 12: 102–112. (In Russ.).

9. Savinskaya A. V. Kriterii ocenivaniya produktivny`x vidov rechevoj deyatel`nosti (na primere olimpiady` po yaponskomu yazy`ku, provodimoy v ramkax olimpiady` «Uchitel` shkoly` budushhego»). *Inostranny`e yazy`ki v shkole*. 2021; № 4: 74–82. (In Russ.).

10. Kodama Ya., Kiyama T., Arima D. Gajkokudzin nixongo kyo:si kyo:iku e` no po:toforio xyo:ka do:nyu: no kokoromi. *Ezhegodny`j sbornik statej Yaponskogo fonda*; 2007: 95–111. (In Jpn.).

11. Tareva E. G. Mezukul`turny`j podxod v paradigmal`noj sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya. In: L. G. Vikulova, E. G. Tareva. (Otv. red.). *Dialog kul`tur. Kul`tura dialoga: Chelovek i novy`e sociogumanitarny`e cennosti: kollektivnaya monografiya*. M.: Forum: Neolit; 2017: 17–44.

Информация об авторах

Владлена Анатольевна Федянина — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Александр Владимирович Деркач — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Мария Натановна Мизгулина — ассистент кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Vladlena A. Fedyanina — PhD (History), docent, Head of Japanese Language Department Institute of foreign languages MCU.

Aleksandr V. Derkach — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of Japanese Language Department Institute of foreign languages MCU.

Maria N. Mizgulina — assistant professor of Japanese Language Department Institute of foreign languages MCU.

Научная статья

УДК: 028-057.875

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.10

О ЦЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ: КРУГ ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ МГПУ

Громова Алла Витальевна

Институт гуманитарных наук

Московского городского педагогического университета,

GromovaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования, нацеленного на выявление читательских предпочтений и ценностных ориентаций студентов в области литературы. Установлено, что студенты-филологи МГПУ осознают ценность классической литературы в жизни человека и общества, в качестве досугового чтения предпочитают зарубежных авторов и практически не знакомы с современным отечественным литературным процессом. Результаты опроса могут быть учтены при разработке программы учебной дисциплины «Великие книги».

Ключевые слова: чтение; читательские предпочтения; литературное образование; гуманитарные ценности молодежи.

Для цитирования: Громова А. В. О ценности литературы: круг чтения студентов-филологов МГПУ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 101–109. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.10

Original article

ON EMPHASIZING THE VALUE OF LITERATURE: THE READING CIRCLE OF MCU PHILOLOGY STUDENTS

Alla V. Gromova

Institute of Humanities

Moscow City University,

GromovaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Abstract. The article presents the results of a survey aimed at identifying reading preferences and values of students concerning literature. It is established that philology students of Moscow City University being aware of classical literature contributing to the life of a person and society still prefer foreign authors as leisure reading and are practically not familiar with the Russian contemporary literature. The results of the survey can be taken into account when developing the program of the academic discipline “Great Books”.

Keywords: reading; reading preferences; literary education; humanitarian values of youth.

For citation: Gromova A. V. On Emphasizing the Value of Literature: the Reading Circle of MCU Philology Students. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 101–109. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.10

Введение в 2020 г. в учебные планы МГПУ обязательной дисциплины «Великие книги» поставило перед разработчиками программы ряд вопросов, касающихся не только объема и содержания понятия, вынесенного в название курса, но и ожиданий обучающихся. Перед внедрением программы был проведен опрос студентов, призванный выявить их круг чтения, литературные предпочтения и представления о ценности книги.

Анкетирование проводилось среди студентов первого курса Института иностранных языков, в опросе участвовали 197 человек. Возраст обучающихся — от 17 до 19 лет (молодежь, в основном старшего подросткового возраста). В группе ожидаемо преобладали девушки, юноши составили лишь 13 % от общего числа респондентов. Среди обучающихся 90 % были жителями Москвы и Московской области и лишь 10 % — представителями других регионов.

В соответствии с задачами анкетирования опросник состоял из двух тематических блоков: первый касался круга чтения и читательских предпочтений, второй — иерархии книг и представлений об их ценности.

Выводы по итогам опроса не претендуют на глобальные обобщения, поскольку исследовалась ограниченная группа обучающихся. Специфика группы определялась тем, что она состояла из вчерашних школьников, сдавших ЕГЭ по литературе и поступивших в высокорейтинговый московский вуз на профили, связанные с изучением иностранных языков. А priori предполагалось, что это интеллектуальная молодежь, для которой чтение и книга представляются безусловной ценностью. Однако результаты опроса во многом совпали с результатами, полученными другими учеными в ходе гораздо более масштабных исследований, относящихся к молодежи разных возрастных групп, проживающих в разных городах [1]. В частности, выявилось немало общего в круге чтения и читательских предпочтениях.

Прежде всего предстояло выяснить у студентов-филологов первого курса приблизительный объем чтения (вопрос касался произведений вне обязательной учебной программы). На вопрос «Сколько книг вы читаете в месяц (в среднем)?» большинство респондентов (61 %) ответили — одну-две, 10,5 % — три-четыре книги, 6 % — 5-6 книг и 13 % — меньше одной. Некоторые сочли необходимым уточнить свой ответ, объясняя причину сложившегося режима чтения: «Во время учебы — только учебная литература», «Зависит от наличия свободного времени». Полученный результат свидетельствует о регулярности чтения у представителей данной группы, а дифференциация чтения на «свободное» (досуговое) и «деловое» (в соответствии с требованиями программы) характерна для современных обучающихся в целом [2, с. 8].

Следующий вопрос касался круга чтения, а именно последних прочитанных книг, в результате чего выделились авторы, наиболее популярные в среде опрошенных. Лидерами стали Стивен Кинг (26 упоминаний) и Рэй Брэдбери (25), за ними следовали Достоевский (18), Эрих Мария Ремарк (12), Джейн Остин (11) и Дэниел Киз (11).

Безусловным лидером по популярности в молодежной среде является Стивен Кинг, что подтверждается и анализом ответов на вопрос: «Кого из современных зарубежных писателей вы знаете?». Кинга назвали 52 респондента, что на порядок больше, чем упоминания таких культовых авторов, как Джоан Роулинг (34), Джон Грин (23) и Рэй Брэдбери (20). Популярностью пользуются все произведения Стивена Кинга, он привлекает не только мастерством сюжетосложения, фантастикой и мистикой («Его истории захватывающие и будоражат кровь»), но и постановкой актуальных проблем; он характеризуется как «мастер слова и выражения человеческих типажей». Безусловно, важным фактором интереса к писателю являются экранизации: подавляющее большинство произведений Стивена Кинга нашли свое воплощение в кино.

У Рэя Брэдбери читают романы «451 градус по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков» и его продолжение — «Лето, прощай!», а также сборники рассказов. «Марсианские хроники» привлекают тем, что «описанные события могут произойти в ближайшем будущем»; «451 градус по Фаренгейту» — «отличное произведение, показывающее важность книг»; «Вино из одуванчиков» «вызывает неповторимые эмоции»; «У нас всегда будет Париж» — «сочная, легкая, теплая и перехватывающая дыхание корзинка историй на любой вкус и цвет». Интерес к этому писателю, возможно, пробуждается в школе (в программу по литературе для шестого класса включены его рассказы), что подтвердили практикующие учителя, написавшие в социальных сетях: «Детей очень впечатляют истории про бабочку, про комнату».

Что касается феномена Ремарка, то он уже становился предметом специального исследования. Например, Л. Ф. Борусяк в 2010 г. провела анализ личных страниц интеллектуальной столичной молодежи в социальной сети «ВКонтакте», а в 2017 г. — обзор написанных московскими студентами-гуманитариями 320 эссе-рекомендаций об авторах и произведениях, которые стоит почитать их ровесникам. В обоих случаях одним из лидеров читательских предпочтений оказался Ремарк. Исследователем отмечено, что интерес к творчеству этого писателя «четко коррелирует с размером города и уровнем образования: чем крупнее город, чем больше там студентов, тем больше молодежь любит и читает Ремарка» [3, с. 103]. По мысли Л. Ф. Борусяк, любовь к романам Ремарка является маркером интеллигентских и экзистенциальных ценностей: «В эпоху постмодернизма и размытости представлений о добре и зле... образованную молодежь привлекают четко расставленные ценностные акценты: прежде всего, это настоящая дружба и настоящая любовь, честность и порядочность» [3, с. 103]; «Важнейшая ценность, которую “вычитывают” молодые у Ремарка — это ценность жизни» [1, с. 82].

Сопоставляя результаты нашего опроса с проведенными ранее исследованиями, отметим изменения в рейтинге популярности некоторых писателей. Так, например, заметно сдали позиции культовые авторы предыдущих десятилетий: Михаил Булгаков, Паоло Коэльо, Джон Толкин и Джоан Роулинг.

Булгаков с его бессмертным романом «Мастер и Маргарита» удерживал первенство популярности среди юных читателей на протяжении многих лет¹. Интерес к Толкину как создателю и классику жанра фэнтези поддерживался тем, что «его книга стала основой для молодежного движения (ролевиков-толкинистов), т. е. стала не просто фактом литературы, но и частью образа жизни» [3, с. 101]. Пик этого интереса в России пришелся на 1990-е – начало 2000-х гг. и был поддержан также экранизацией «Властелина колец» (2001–2003). К 2010 гг. популярность писателя стала падать, а в 2015 г. Толкин уступил позиции Джоан Роулинг.

В нашем же случае Булгаков, как и создатель культовой «поттерианы» Джоан Роулинг, был упомянут лишь восемь раз — наравне с романами Джека Лондона «Мартин Иден», Луизы Мэй Олкотт «Маленькие женщины», Джорджа Оруэлла «1984» и произведениями Харуки Мураками, заметно отстав от лидеров рейтинга.

Отметим, что помимо художественной литературы первокурсники с интересом читают книги по практической психологии, научно-популярную и бизнес-литературу.

Рейтинг был составлен на основе ответа на вопрос о последних прочитанных книгах и включал весь спектр отечественной и зарубежной литературы, в том числе классику, учебную и нон-фикшен. Отдельно был сформулирован вопрос, *каких современных русских и зарубежных авторов знают респонденты*. Преподавательский опыт показывает, что выпускники школ испытывают дефицит знаний по современной литературе, и предположения подтвердились: из современных зарубежных писателей (которых молодежь читает больше) наиболее известными являются авторы массовой литературы, современная отечественная предстает «неизведанным краем», а для многих трудность вызывает само понятие современности. Так, типичным является упоминание среди современных писателей Е. И. Замятина, М. А. Шолохова, Б. Л. Пастернака, О. Уайльда, Э. М. Ремарка, О. Хаксли, Э. Хэмингуэя, Дж. Оруэлла, т. е. под современностью понимается весь XX в.

Если говорить о современной западной литературе, которая, безусловно, намного популярнее среди читающих подростков и молодежи, то тут мы встречаем достаточно широкий спектр имен (всего около 60): по числу упоминаний

¹ Л. Ф. Борусяк, проводившая в 2010-х гг. масштабные исследования по выявлению круга чтения современной молодежи, отметила, например, что и в 2010 г., и в 2017 г. лидерами по популярности были Булгаков и Ремарк, делившие первую строчку в рейтинге читательских предпочтений.

лидируют Стивен Кинг (52), Джоан Роулинг (34), Джон Грин (23), Рэй Брэдбери (20), Харуки Мураками (15) и Джоджо Мойес (14).

По сравнению с зарубежной литературой современная отечественная словесность не только меньше известна (названы 30 авторов — вдвое меньше зарубежных), но и не вызывает такого повышенного интереса. В большинстве анкет эта позиция оставалась незаполненной или заполнялась фразами: «Затрудняюсь ответить», «Никого не знаю, не особо интересуюсь», «Знаю только зарубежных», «Никого, если под современными понимаются авторы XXI века». Это обусловлено недостаточной представленностью современных российских произведений в школьной программе, что является проблемой, требующей незамедлительного решения [4].

Нередко незнание современной русской словесности воспринималось как собственное упущение, что маркировалось вводными словами: «*К сожалению, мало уделяю внимание отечественной литературе*», «*Современных отечественных авторов, к сожалению, назвать не могу, так как больше предпочитаю зарубежных авторов*», «*Скажу честно, не интересовалась. Займись этим*».

Из современных отечественных авторов по популярности лидируют Борис Акунин (упомянут 21 раз), Виктор Пелевин (19), Дмитрий Глуховский (16) и Сергей Лукьяненко (11). Далее идут Дарья Донцова (9), Александр Полярный (7), Олег Рой (7), Дмитрий Быков (7), Людмила Улицкая (7) и Гузель Яхина (6).

Студентам известны также имена упомянутых один-два раза В. Астафьева, Е. Водолазкина, Е. Гришковца, Б. Екимова, А. Иванова, М. Петросян, З. Прилепина, Д. Рубиной, В. Сорокина, А. и Б. Стругацких, Т. Толстой, а также поэтов Е. Летова, Б. Рыжего, В. Полозковой. Упомянуты авторы детской и подростковой литературы (М. Самарский, Е. Горбунова, М. Трауб, В. Еналь, Н. Щерба), что отражает особенности возрастной группы.

Поясняя обращение к тем или иным авторам, студенты невольно выражали и свои ценностные представления. Выбор и оценка книг обусловлены, как правило, одним из трех факторов (или всеми тремя одновременно). Привлекают занимательность (этим обусловлена тяга к остросюжетным, приключенческим, детективным произведениям, а также к сказкам, фантастике и фэнтези), воздействие на эмоциональную сферу (сентиментальные и любовные романы, темы дружбы, сиротства, инакости и т. п.), наличие значимых проблем, пробуждающих размышления о жизни (часто встречаемая формулировка в оценке книги — «заставляет задуматься»). Например: «Глуховский достоин внимания, как минимум тем, что создал такую невероятную вселенную»; Сергей Лукьяненко — «прекрасный фантаст, в книгах которого помимо фантастической темы присутствуют также искания героя»; «Олег Рой пишет увлекательные романы с интригующим сюжетом».

Первый блок вопросов был направлен на определение круга чтения, но уже здесь наметились некоторые оценки, объясняющие выбор произведений. Второй блок анкеты предполагал выявление ценностной иерархии книг.

С этой целью были сформулированы вопросы: «Считаете ли вы, что существуют книги, обязательные к прочтению?»; «Какие книги русской и мировой литературы вы считаете самыми ценными для культуры и почему?».

На первый вопрос ответили отрицательно только 26 % опрошенных. Некоторые оставили поле ответа пустым, другие объясняли свое мнение одной из трех причин:

1) различием во вкусах: «Я считаю, что подборка “обязательных к прочтению книг” индивидуальна для каждого человека»; «Каждый определяет их для себя сам. Зависит от интересов»; «Выбор индивидуален, общеобязательного пласта литературы не существует»;

2) правом человека на свободный выбор: «Человек сам вправе выбирать. Не люблю, когда осуждают за непрочитанную книгу»; «Чтение — это такое же хобби, как музыка или гольф. Ничего не может быть обязательным для свободного от программ человека»;

3) возможной негативной реакцией на принуждение к чтению: «Если заставлять читать книги, то не привьешь любовь к литературе»; «Должна заинтересовать книга, а не советы других людей»; «Есть книги для определенного настроения. Если они будут обязательными, то никто не будет их читать».

Положительных ответов было значительно больше. Они нередко содержали обоснование и перечень конкретных произведений, например: «Да, книги, повлиявшие массово на мир, должны быть прочитаны каждым (Ремарк “Три товарища”, Уайльд “Портрет Дориана Грея”, Оруэлл “1984”)»; «Каждый человек должен знать классическую литературу, поэтому много книг из школьной программы отношу к обязательному прочтению».

Большинство респондентов по умолчанию считало, что речь идет только о художественной литературе, но некоторые включили в перечень обязательных книг религиозные, философские, социально-политические, экономические, психологические и другие тексты, среди которых: Библия, Коран, «Государство» Платона, «Капитал» К. Маркса, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, «Психоанализ» З. Фрейда, «Миф о Сизифе» А. Камю, «все, написанное И. П. Павловым», история России, Конституция РФ, словарь Ожегова, «Правила дорожного движения» и «разного рода инструкции».

В результате анализа ответов на вопрос, *какие книги русской и мировой литературы вы считаете самыми ценными для культуры и почему*, был составлен своеобразный рейтинг классических произведений (в скобках указано количество упоминаний). Его возглавили «Война и мир» (76) и «Преступление и наказание» (57), далее со значительным отрывом следовали «Мастер и Маргарита» (32), «Отцы и дети» (28), «Мертвые души» (17) и «Евгений Онегин» (15). Из зарубежных авторов на первом месте оказался Шекспир: его упомянули в общей сложности 25 раз, выделив трагедии «Гамлет» и «Ромео и Джульетта»; затем — «Божественная комедия» Данте (13), «451 градус по Фаренгейту» Брэдбери (11) и «1984» Оруэлла (9).

Довольно типичным для 18-летних студенток был набор: «Война и мир», «Преступление и наказание» и «Джейн Эйр» (вар.: «Маленькие женщины», «До встречи с тобой», «Цветы для Элджернона»). Такой выбор говорит о недостаточной читательской зрелости, обусловленной юным возрастом.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, первенство в рейтинге эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» — произведения, отношение к которому среди школьников весьма неоднозначно [5], но безусловная ценность которого признается практически всеми.

Значимость конкретных книг для мировой культуры студенты обосновывали, как правило, глубиной содержания, наличием социальной и этической проблематики: «Л. Толстой, Достоевский, Гоголь — все они затрагивают очень важные социальные проблемы, актуальные и по сей день», «“Отцы и дети” — рассказ о вечной борьбе между поколениями», «“Мастер и Маргарита” — книга, которая ярко показывает человеческие грехи и несовершенства», «“Война и мир”, “Преступление и наказание”, “Мертвые души” дают представление о добре и зле».

Очень часто респонденты отмечали наличие в литературном произведении конкретных моральных уроков, например: в пьесе «Недоросль» «показана необходимость учиться»; «Обломов» Гончарова «мотивирует к действию и движению»; в романе «451 градус по Фаренгейту» «показана важность книги»; «Старик и море» — «книга о том, как важно не сдаваться». Наличие морального урока, позитивной гуманистической программы отмечаются не только в произведениях классики, но и в современной, в том числе массовой, литературе. Именно это качество (а не только занимательный сюжет или эмоциональные сцены) привлекают читающую молодежь: «“Цветы для Элджернона” — поучительная и трогательная история о мальчике с задержкой развития. Учит людей толерантности»; «“Зеленая миля”, “Побег из Шоушенка”: описывают жизненные неприятности и способы преодоления их. Люди не ломаются из-за этого, а становятся сильнее».

Выпускниками школ в целом осознается значение русской литературы в мировом культурном пространстве: «“Война и мир” и “Преступление и наказание” принесли стране славу за рубежом»; «Достоевский, Толстой, Пушкин и другие великие писатели были основоположниками великой литературы, которую читают во всем мире».

Можно сказать, что в результате попыток объяснить ценность конкретных книг для мировой культуры, студенты сформировали некое общее представление о классике, т. е. *образцовых* произведениях литературы. Наиболее значимыми признаются книги, которые «затрагивают проблемы, актуальные во все времена», «отражающие черты эпохи и философии времени», транслирующие «культурные ценности», «меняющие мировоззрение».

При этом нельзя не заметить, что одним из определяющих факторов в выборе чтения остается школьная программа по литературе. Это свидетельствует

о значимости литературного образования в школе и вузе, прививающего молодежи гуманистические и гражданские ценности, формирующего эстетический вкус и этические представления.

Таким образом, анкетирование студентов первого курса Института иностранных языков МГПУ способствовало не только выявлению объема и круга их чтения, читательских интересов и предпочтений, но и определению ценностных представлений как в сфере литературы, так и в области этики, социальной жизни, истории, искусства, образования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и обновлении школьных и вузовских программ по литературе.

Список источников

1. Борусьяк Л. Ф. Феномен Ремарка. В: Самохина М. М. (Ред.-сост.). *Социолог и психолог в библиотеке: сб. статей и мат-лов. Вып. XI*. М.: Рос. гос. б-ка для молодежи; 2018: 76–84.
2. Романичева Е. С. Чтение, литературное образование и школьные предметные учебники. *Русская словесность*. 2008; № 3: 8–13.
3. Борусьяк Л. Ф. Любимые авторы, любимые книги: что читает современная молодежь (По данным анализа сети ВКонтакте). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2015; № 1 (119): 90–105. URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubimye-avtory-lyubimye-knigi-chto-chitaet-sovremennaya-molodezh-po-dannym-analiza-seti-vkontakte> (дата обращения: 23.04.2021).
4. Смирнова А. И., Гаврилина О. В. Современная литература в системе школьного изучения и внеклассного чтения. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017; № 3: 83–90.
5. Полтавец Е. Ю. Так что же нам делать с «Войной и миром»? *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2018; № 2: 67–74.

References

1. Borusyak L. F. Fenomen Remarka. V: Samoxina M. M. (Red.-sost.). *Sociolog i psixolog v biblioteke: sb. statej i mat-lov. Vy'p. XI*. M.: Ros. gos. b-ka dlya molodezhi; 2018: 76–84. (In Russ.).
2. Romanicheva E. S. Chtenie, literaturnoe obrazovanie i shkol'ny'e predmetny'e uchebniki. *Russkaya slovesnost`*. 2008; № 3: 8–13. (In Russ.).
3. Borusyak L. F. Lyubimy'e avtory`, lyubimy'e knigi: chto chitaet sovremennaya molodezh` (Po danny'm analiza seti VKontakte). *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dany'e. Analiz. Diskussii*. 2015; № 1 (119): 90–105. URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubimye-avtory-lyubimye-knigi-chto-chitaet-sovremennaya-molodezh-po-dannym-analiza-seti-vkontakte> (data obrashheniya: 23.04.2021). (In Russ.).
4. Smirnova A. I., Gavrilina O. V. Sovremennaya literatura v sisteme shkol'nogo izucheniya i vneklassnogo chteniya. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2017; № 3: 83–90. (In Russ.).
5. Poltavec E. Yu. Tak chto zhe nam delat` s «Vojnoj i mirom»? *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2018; № 2: 67–74. (In Russ.).

Информация об авторе

Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Alla V. Gromova — Doctor of Philology, professor, full professor of Russian literature Department Institute of Humanities MCU.

Научная статья

УДК: 811.521

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.11

О РАСШИРЕНИИ КРИТЕРИЕВ ОТБОРА ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Наталья Григорьевна Румак

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Московский городской педагогический университет,

rumakng@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-2497>

Аннотация. В статье рассматривается возможность использовать произведения Эдогавы Ранпо для внеклассного чтения на японском языке на среднем и продвинутом этапах обучения. На основании текстологического и лингвистического анализа подтверждается соответствие текстов установленным критериям, также предлагаются дополнительные критерии отбора литературы для внеклассного чтения: возможность использования текстов как материала для лингвистических исследований и материала по лингвострановедению.

Ключевые слова: внеклассное чтение; японский язык; японская литература; Эдогава Ранпо; лингвострановедение.

Для цитирования: Румак Н. Г. О расширении критериев отбора литературы для внеклассного чтения // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 110–122. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.11

Original article

ON WIDENING THE CHOICE OF EXTRACURRICULAR READING ITEMS

Natalia G. Rumak

Lomonosov Moscow State University,

Moscow City University,

rumakng@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-2497>

Abstract. The article considers the possibility to use Edogawa Ranpo's works for extracurricular reading in Japanese language for intermediate students. Textological and linguistic analysis prove that the texts of this author meet stated criteria. Also, additional criteria for choosing such literature are stated, such as using texts as material for linguistic research and for culture-through-language studies.

Keywords: extracurricular reading; Japanese language; Japanese literature; Edogawa Ranpo; culture-through-language studies.

For citation: Rumak N. G. On Widening the Choice of Extracurricular Reading Items. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education.* 2021; (4): 110–122. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.11

© Румак Н. Г., 2021

Теоретическое обоснование

Знакомство изучающих японский (как и любой другой иностранный) язык с аутентичными материалами — начиная с так называемых *нама кё:дзай* («необработанных материалов», т. е. не подготовленных специально для обучения текстов: программ телевидения, рекламных буклетов, ресторанных меню с названиями блюд и ценами и т. п.) и заканчивая статьями из научных журналов — считается необходимым этапом обучения языку [1–4]. Важную роль среди аутентичных материалов играют произведения художественной литературы.

Принято считать, что адаптированные тексты, например, японских сказок можно предлагать студентам уже на начальном этапе обучения, однако их основная ценность состоит в первую очередь в повышении мотивации учащихся за счет создания у них положительных эмоций во время обучения и, следовательно, их положительного отношения к этому процессу [5, с. 79]. Кроме того, подобные тексты обеспечивают первичное знакомство с японскими литературными произведениями и теми реалиями, которые в этих произведениях отражены [6, с. 137]. Так, в 2012 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова сотрудниками кафедры японской филологии Л. В. Овчинниковой и Ю. Сато была подготовлена и используется «Хрестоматия для чтения», предлагающая сокращенные и адаптированные тексты для чтения на начальном и среднем этапах обучения [7].

Чтение неадаптированной художественной литературы, как правило, предлагается на более продвинутом этапе изучения японского языка в качестве внеаудиторной работы (аспект «внеклассное чтение»), что большинством авторов рассматривается как ступень к получению коммуникативных компетенций. Вслед за Е. Л. Марьяновской [8; 4] мы полагаем, что основной целью домашнего чтения является обучение чтению, в том числе самостоятельному, оригинальных художественных произведений, при котором полученная информация используется в дальнейшем для решения разнообразных коммуникативных задач [8, с. 32], а также развлекательному чтению для удовольствия [9].

Нельзя не согласиться, что выработка умений анализировать текст для понимания его основного содержания — развитие коммуникативной компетенции в широком смысле — является важным этапом в процессе обучения самостоятельной работе над письменным иноязычным текстом [9]. Исследуя задачу развития этой компетенции, Е. Л. Марьяновская использует термин «филологическое чтение», рассматриваемый в данной статье в более узкой трактовке Н. Ф. Коряковцевой. Под филологическим здесь понимается особый вид чтения, который во время учебной или образовательной деятельности по изучению иностранного языка и культуры направлен на анализ филологической информации, извлекаемой из текста (цит. по: [10, с. 15]). Благодаря дополнительному чтению студенты имеют возможность применить полученные ранее языковые навыки и обогатить свой лексический и иероглифический запас [11, с. 27].

Для обеспечения эффективности филологического чтения необходим тщательный отбор текстов для домашнего чтения. По мнению М. Д. Стрелковой, его принципы таковы: 1) обязательность (произведение должно не только быть известно носителям языка, но и обладать художественной и культурной ценностью); 2) информативность (должна существовать возможность использовать описанные в тексте события и явления действительности, а также относящиеся к ним темы в учебно-речевой коммуникации; тексты должны влиять на формирование ценностной ориентации студентов); 3) аутентичность (необходимо использовать оригинальные тексты, написанные носителем языка для носителей языка); 4) доступность (материал должен соответствовать подготовленности читателя и уровню его знаний); 5) проблемность (должны существовать противоречия между текстом и знаниями и опытом студентов) [12, с. 8–10]. Рассмотрим несколько произведений японского автора Эдогавы Рампо с точки зрения их соответствия упомянутым критериям.

Анализ произведений Эдогавы Рампо

Биографическая справка

Проза Эдогавы Рампо (псевдоним писателя Таро Хирай, 21.10.1894–28.07.1965) известна российскому (советскому) читателю по блестящим переводам Г. Дуткиной («Психологический тест», «Простая арифметика», «Красная комната», «Человек-кресло», «Ад зеркал», «Путешественник с картиной», «Волшебные чары луны», «Плод граната»), Т. Редько-Добровольской («Зола», «Близнецы», «Чудовище во мраке», «Невероятное орудие преступления»), В. Скальника («Игры оборотней», «Дьявол»). Эдогава считается первым японским писателем, целиком посвятившим свое творчество жанру детектива [13]. В Японии Эдогава известен не только как автор детективной прозы, но и как литературный критик, создатель Ассоциации писателей детективов и учредитель премии для авторов детективных произведений. Он также был удостоен Медали почета с пурпурной лентой и других правительственных наград. Таким образом, тексты этого автора безусловно отвечают критериям обязательности и аутентичности.

Эдогава во многом находился под влиянием европейских авторов. Прямой отсылкой к имени Эдгара Аллана По является даже псевдоним писателя: по-японски это имя звучит [эдогаа аран по] — отсюда Эдога(в)а Рампо. В его произведениях много упоминаний реальных преступлений XVIII–XIX вв. Так, в рассказе «Янэура-но сампосья» / «Прогулки по чердаку» (здесь и далее перевод наш. — *Н. Р.*) перечисляются имена Дж. У. Уэбстера, убившего своего коллегу; Ю. Арама, которого обвинили в убийстве приятеля из ревности; Т. Г. Уэйнрайта, подозревавшегося в убийствах родственников; серийного

убийцы А. Дезире Ландрю и др. Устами своего героя, детектива Когоро Акэти, автор неоднократно ссылается на произведения А. Конан Дойля, Г. Леру, М. Леблана и других (например, в повестях «Куротокагэ» / «Черная ящерица», «Иссумбоси» / «Карлик» и др.) и даже цитирует их. Так, в «Карлике» Акэти говорит: «В преступлении непременно есть какая-нибудь странность, которая выбивается из ряда обычных деталей. И не отмахнуться от нее, как от ерунды и есть секрет всякого, кто расследует преступления», — явно цитируя Ш. Холмса из рассказа А. Конан Дойля «Тайна Боскомской долины». Да и психологический подход Когоро Акэти к расследованию преступлений, предположительно, имеет корни в психологической прозе Ф. М. Достоевского [14]. Тем не менее и дедуктивный метод Шерлока Холмса, и психологический подход Порфирия Петровича удачно перенесены на японскую почву и изящно вписаны в японскую действительность.

Соответствие критериям отбора

Произведения Эдогавы написаны вполне доступным для учащихся средней ступени языком — в меру сложным, чтобы развивать способность к преодолению трудностей, но не содержащим непреодолимые трудности. Привлекательность детективных произведений, предлагающих загадку и подогревающих интерес читателя, не давая бросить чтение на полдороге, всегда признавалась преподавателями иностранного языка, а довольно близкий к современному, не перегруженный устаревшими или сленговыми выражениями, но в то же время богатый и красочный язык автора представляется вполне доступным для изучения при среднем уровне знания языка. Очевидно, что короткие рассказы и небольшие повести Эдогавы как нельзя лучше подходят для чтения методом тадоку («чтение в большом количестве»), ради интереса, способного увлечь учащегося и помочь ему преодолеть страх перед аутентичными текстами с большим количеством неизвестной лексики и иероглифики [9, с. 224–226].

Рассказы и повести этого автора полностью отвечают и критерию проблемности, предлагая богатый материал для обсуждения с учащимися. В частности, можно вынести на обсуждение такие морально-этические темы, как «преступление и наказание» («Прогулки по чердаку»), «ответственность личности» («Ди-дзака-но сацудзин дзикэн» / «Убийство на улице Д»), «любовь и долг» («Черная ящерица»), «мистика и логика» («Ю:рэй» / «Призрак») и многие другие. Например, в повести «Мадзюкуси» / «Фокусник» не только упоминаются характерные для Японии (в том числе и современной) вопросы усыновления, но и рассматривается важность родственных связей. В японском обществе принято, чтобы ребенок беспрекословно подчинялся родителям, а при возникновении морально-этических проблем их решение может быть далеко не столь однозначным, как в западной культуре: родственные связи вполне могут перевесить понятия о добре и зле. Напротив, отсутствие родственных

связей тут же снимает дилемму: на первый план выступают вопросы морали и «переход на сторону добра» остается единственным возможным выбором положительного героя.

Вместе с тем отметим, насколько интересный материал с лингвистической точки зрения представляет собой язык Эдогавы. Во-первых, в текстах 1920–1930-х гг. можно найти много архаизмов, устаревших написаний и просто редких, вышедших из употребления после реформы орфографии и введения иероглифического минимума иероглифов: 活動館 *кацудо:кан* вместо 映画館 *эйгакан* ‘кинотеатр’; (回転) 木馬 (*кайтэн*) *мокуба* вместо メリーゴーラ (ウ) ンド *мэри:го:ра(у)ндо* ‘карусель’; 瘻攀 или 殷賑 вместо записи хираганой けいれん *кэйрэн* ‘судороги’ или いんしん ‘процветание’ соответственно; иероглиф 蔭 вместо 陰 *кагэ* ‘тень’; 頸 вместо 首 *куби* ‘голова’; クリスマス・イヴ вместо クリスマスイブ *крисумасу-иву/ибу* ‘сочельник’ и т. д. («Карлик», «Черная ящерица»).

Во-вторых, не менее интересной представляется иероглифическая запись служебных элементов, вводных слов, наречий и служебных глаголов, которые в современных текстах записываются, как правило, азбукой хирагана: ~相だ (そうだ) *-со:да* (эвиденциальная конструкция — ссылка на слова третьего лица); 兎も角 (ともかく) *томокаку* ‘как бы то ни было’; 然し (しかし) *сикаси* ‘однако’; 忽ち (たちまち) *татимати* ‘мгновенно’; 丈 (だけ) *дакэ* ‘только’; 尤も (もともと) *моттомо* ‘впрочем’; 了った (しまった) *симатта* ‘закончил’ (показатель завершенности действия); 其の日 (そのひ) *соно хи* ‘тот день’; 可也 (かなり) *канари* ‘довольно’ и т. д. Подобные единицы либо легко распознаются, либо при первом появлении в тексте снабжены указанием на чтение (фуриганой), поэтому, привлекая интерес студентов, тем не менее не добавляют сложности для понимания. Повторяемость единиц (уже без указания на чтение) способствует их запоминанию и обогащению как лексического, так и иероглифического запаса учащихся.

В-третьих, Р. Эдогава охотно прибегает к использованию оноματοпоэтических единиц, — очевидно, для придания тексту большей выразительности, — что можно рассматривать как особенность стиля именно данного автора. Так, в рассказе «Призрак» на девяти страницах встречается 53 оноματοпоэтические единицы. Четыре раза повторяется единица «биккури» ‘удивиться, испугаться’ (также в форме «бикубику»), по три раза *су:т-то* ‘плавно, незаметно’, *хёи* ‘легко’ и *суккари* ‘полностью’, по два раза *гаккари* ‘разочароваться’ и *фу-то* ‘внезапно’. Таким образом, уникальных единиц — 42. Среди них встречаются звукоподражания (*унъун* ‘стенать’, *додон* ‘грохот’, *дза:* ‘шорох’, *гатян* ‘звяканье, удар’) и звукоизобразительные слова (*тэкутэку аруку* ‘долго, целеустремленно шагать’, *гаккари-суру* ‘разочаровываться, пасть духом’, *биккури-суру* ‘напугаться’, *дзит-то мицумэру* ‘пристально смотреть, вглядываться’), которыми так богат японский язык.

Плотность ономатопоэтических единиц, основная функция которых — непосредственно выразить чувства носителя языка, передать его ощущения и эмоции, резко повышается при нарастании эмоционального напряжения повествования и падает почти до нуля при изложении логических выкладок (подробнее об этом см. [15]):

«Какое-то мгновение он разглядывал фотографию и **вдруг** (*фу-то*), будто прикоснувшись к чему-то нечистому, **швырнул** (*ной-то хооридасита*) фото на стол и **беспокойно** обвёл (*кёрокёро мимаваасита*) комнату глазами» («Призрак»).

«Спустя какое-то время его рука **робко** (*одзиодзи-то*) потянулась к листку, который он только что отбросил. Но лишь взглянув на него, он снова **отшвырнул** (*ной-то хооридасу*) его в сторону. <...> По спине господина Хираты **пробежал холодок** (*дзот-то... хаиагатта*). Он вдруг схватил снимок, изорвал его **в мелкие ключья** (*дзутадзута-ни*) и бросил в печку, потом поднялся и **на дрожащих ногах** (*фурафура-то*) выбежал из кабинета» («Призрак»).

Напротив, на полутора страницах логических выкладок и умозаключений детектива Акэти встречаются всего две ономатопоэтические единицы, и те появляются, только когда детектив, снимая напряжение собеседника, начинает описывать действия своего противника:

«Я уверен, что он просматривал **всю** (*суккари... митэ ита*) почту, которая приходила к Вам в усадьбу, и ту, что Вы отправляли из усадьбы. <...> Даже в тех учреждениях, где никогда не бывает промашек, **нет-нет** (*тёйтёй*) да и случается недосмотр» («Призрак»).

Таким образом, тексты Р. Эдогавы могут быть использованы для изучения функционирования ономатопоэтических единиц — одной из характерных особенностей японского языка. Эти единицы представляют значительную сложность при изучении японского языка и неизменно вызывают интерес учащихся, поэтому возможность наглядно познакомиться с их употреблением (а именно через употребление в связанных словосочетаниях рекомендуется изучать этот слой лексики) придает дополнительную ценность текстам с точки зрения обучения языку.

Дополнительные возможности использования текстов

Очевидно, что художественная проза Эдогавы Рампо является идеальным объектом не только развлекательного, но и филологического чтения, повышающего профессиональные компетенции учащихся. Произведения этого автора могут быть использованы студентами средних и старших курсов как на занятиях по внеклассному чтению, так и в качестве объекта лингвистического анализа при написании курсовых и других научных работ. На основании вышеизложенного можно предложить учащимся рассматривать тексты Эдогавы Рампо в качестве иллюстрации при анализе функционирования в художественных текстах ономатопоэтических единиц, изменений в иероглифическом

написании в связи с реформами письменности в Японии, до- и послереформенной орфографии служебных единиц (записывающихся азбукой хирагана) или заимствованных лексем (записывающихся азбукой катакана), употребления идиоматических выражений, устаревших лексем и т. п.

Произведения Эдогавы отличаются также подробным описанием быта Японии начала XX в. В его рассказах и повестях описываются состоятельные японцы — купцы и бизнесмены, — щеголяющие то в кимоно, то в европейских костюмах и пальто, перезванивающиеся по телефону, посылающие друг другу телеграммы и пользующиеся как автомобилями и поездами, так и рикшами; встречаются и простые люди — торговцы, матросы и просто прожигатели жизни. Японцы пьют кофе в кафе («Убийство на улице Д») и обедают в ресторанах («Карлик»), гуляют в токийском парке Асакуса («Прогулки по чердаку») и поднимаются на башню Цутэнкаку в Осаке («Черная ящерица»). Упомянутые места описываются довольно подробно и очень красочно:

«[В парке Т в Осаке] стояли театры, кинотеатры, закусочные и питейные заведения, переплетались шум людской толпы, крики уличных торговцев, шум патефонов, детский плач, звучала симфония десятков тысяч тувель и гэта, висела в воздухе пыль, поднятая множеством ног. Среди всего этого возвышался к облакам построенный по образцу парижской Эйфелевой башни металлический каркас башни Цутэнкаку, взиравшей на город сверху вниз» («Черная ящерица»).

«Сабуру отправлялся [в парк Асакуса] и с удовольствием бродил по странно пустым, удивительным для такого людного парка местам между кинотеатрами — узеньким тропинкам, где едва мог пройти один человек, задворкам общественных туалетов» («Прогулки по чердаку»).

Как истинный японец, Эдогава крайне внимателен к деталям: описывая людей, места, жилища, он не упускает ни одной мелочи, включая размеры и расположение предметов:

«Лавка была совершенно обычная: пол земляной, вдоль стены прямо напротив двери, а также слева и справа до потолка стояли книжные полки, а на уровне пояса был сделан прилавок, на который можно было выставлять книги... Справа от расположенных напротив двери книжных полок было пустое пространство примерно в три сяку (мера длины, ок. 30 см. — *Прим. пер.*), служившее проходом во внутренние помещения — оно и было закрыто сёдзи (деревянные панели, обтянутые рисовой бумагой. — *Прим. пер.*)...» («Убийство на улице Д»).

«Комната площадью в 6 дзё составляла единое пространство шириной в два кэна (мера длины, равная примерно 2 м). Справа в глубине имелся выход на узенькую веранду, которая отделяла жилые помещения от двора площадью в пару цубо (мера площади, ок. 3,3 кв. м)... В левой части комнаты находилась створчатая дверь в четверть длины стены, за ней — небольшое помещение с дощатым полом, площадью примерно в два дзё, и уголок для мытья и готовки, примыкавший к чёрному ходу» («Убийство на улице Д»).

Таким образом, еще один критерий — информативность текстов — также не вызывает сомнений. Однако мы, опираясь на вышесказанное, полагаем

целесообразным выделить в рамках этого критерия дополнительные возможности — использование текстов в качестве объекта лингвистического анализа и лингвострановедческого пособия, в данном случае — «путеводителя» по Японии начала XX в.

Тексты Эдогавы как лингвострановедческий материал

Предложенный Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым термин «лингвострановедение» [16, с. 27] предполагает получение хранимого языком духовного богатства, проникновение в новую культуру при достаточной полноте усвоения языка [17, с. 5]. Современный компетентностный подход также требует коммуникативных навыков, основанных, в частности, на владении информацией об основных культурных особенностях изучаемой страны или региона [18].

Не подлежит сомнению тот факт, что без достаточных фоновых знаний о языке и культуре, о повседневной жизни страны изучаемого языка в разные периоды ее исторического развития нет возможности не только осуществлять устный и письменный перевод с восточного языка и на восточный язык текстов культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера, но и осуществлять коммуникацию, необходимую для межличностного и межкультурного взаимодействия [18]. Подобные фоновые знания о современном состоянии японского общества учащиеся могут получить из газетных статей и подкастов новостных передач, из общения с носителями языка, просмотра фильмов и прослушивания музыкальных произведений. Однако для знакомства с жизнью общества более ранних эпох остаются лишь письменные тексты — историографические источники и художественная литература. На основании изучения и перевода текстов Эдогавы Рампо мы считаем себя вправе предположить, что эти тексты рисуют аутентичные картины японского быта начального периода эпохи Сёва (20–30-х гг. XX в.).

Крохотные детали позволяют заинтересованному читателю получить довольно полное представление и о системе измерений, и об устройстве японского дома и даже о японской моде того времени: студенты должны выяснить, что такое *дзё*, *кэн* и *цубо* (единицы измерения площади и длины), для чего нужны *сёдзи* и *фусума* (внешние и межкомнатные раздвижные перегородки); в текстах можно найти упоминания ткани *юдзэн-дзомэ*, которое позволяет читателю получить информацию о технике окрашивания тканей; пояса *хэко-оби*, из-за особенностей материала отличающегося оригинальным узлом; мягких фетровых шляп, пальто с меховой оторочкой и даже особых круглых, «ллойдовских» очков, названных так по имени персонажа комика Гарольда Ллойда, или материала — целлулоида.

Разумеется, подобные изыскания предполагают более глубокое исследование текста: либо полноценную самостоятельную внеаудиторную работу студентов, либо подготовку преподавателем лингвострановедческих комментариев (лучше — с иллюстрациями). Возможны и специальные задания

для учащихся по вышеупомянутым вопросам. Описание методики работы с текстами для домашнего чтения не входит в задачи данной статьи (разработка дополнительных упражнений к пособиям по домашнему чтению описана, например, в [3]), но можно предложить составление таблиц мер и весов и единиц измерения времени суток, а также объяснение существовавшей в то время системы денежных единиц; подбор иллюстраций для объяснения особенностей японской и европейской одежды того времени; исторические и литературоведческие комментарии о тех или иных событиях, исторических личностях, деятелях литературы и искусства; изображения (рисунки и фотографии), а также схемы и чертежи традиционных японских домов соответствующей эпохи; сведения о религии, мифологии и фольклоре и так далее. В перспективе мы рассматриваем составление учебно-методического пособия по данной теме.

Выводы

Произведения Эдогавы Рампо, являясь великолепным образцом жанра психологического и мистического детектива и отвечая всем критериям отбора литературы для внеклассного чтения, могут служить прекрасным лингвострановедческим и лингвистическим пособием для изучающих Японию и японский язык. Картины быта, повседневной жизни японцев описаны простым, но крайне интересным для изучения языком и позволяют использовать рассказы и повести этого автора как в качестве пособия по внеклассному чтению для изучающих японский язык, так и для серьезных филологических изысканий. На основании анализа произведений Эдогавы мы также считаем возможным предложить в качестве дополнительного критерия при отборе текстов для внеклассного чтения насыщенность таких текстов лингвострановедческой информацией, что позволяет устраивать для учащихся подробный экскурс в историю и культуру страны изучаемого языка.

Список источников

1. Аипова М. М. Использование аутентичного материала при обучении японскому языку. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 15. М.: Ключ-С; 2016: 3–9.
2. Воробьёва Л. А. Аутентичный материал — цель и методы использования на занятиях по чтению по японскому языку. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 14. М.: Ключ-С; 2016: 71–75.
3. Коваленко А. С. Разработка курса по домашнему чтению на материале фольклорных текстов. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе»*. Вып. 20. М.: Ключ-С; 2020: 102–109.

4. Марьяновская Е. Л. Взаимосвязанное формирование коммуникативной и учебной компетенций при обучении домашнему чтению студентов в языковом вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Тамбов; 2007. 22 с.

5. Локшина Ю. Г. Японские сказки как средство повышения мотивации у студентов при изучении японского языка на начальном этапе обучения. *Японский язык: методика преподавания японского языка*. М.: Яп. фонд ВГБИЛ; 2010: 78–90.

6. Овчинникова Л. В. Хрестоматия для чтения. Учебное пособие по японскому языку (для начального и среднего этапов изучения). *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 7. М.: Спутник+; 2012: 135–139.

7. Овчинникова Л. В., Сато Ю. Хрестоматия для домашнего чтения: учебное пособие по японскому языку. М.: Серебряные нити; 2012. 210 с.

8. Марьяновская Е. Л. Занятие по домашнему чтению на факультетах иностранных языков в языковых вузах. *Иностранные языки в высшей школе: научный журнал*. 2005; № 2: 31–38.

9. Сергеева А. И. К вопросу о преодолении боязни чтения японских иероглифических текстов. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы 2-й научно-методической конференции «Японский язык в образовательном пространстве»*. Вып. 21. М.: Ключ-С, 2020: 219–228.

10. Воробьёва Л. А. Обучение филологическому чтению на японском языке в языковом вузе. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 7. М.: Спутник+; 2012: 14–19.

11. Борисова А. С. Использование литературных текстов на среднем и продвинутом этапах обучения японскому языку для развития языковых и социокультурных навыков. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 17. М.: Ключ-С; 2018: 27–32.

12. Стрекалова М. Д. Основные методические критерии отбора содержания обучения чтению в рамках курса «Домашнее чтение» в языковом вузе. *Ярославский педагогический вестник*. 2008; № 3: 7–10.

13. Валиева Ю. Ю., Аликберова А. Р., Гайнуллина Л. А. Традиции и новаторство в детективном жанре в литературе дальневосточных стран. *Международный форум восточных языков и культур. Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке: сборник статей и докладов участников форума*. Казань: Фэн; 2018: 40–46.

14. Ёлкина А. А. О сохранности «вечных сюжетов»: от России к Японии (на примере творчества Ф. М. Достоевского, Э. Рампо и А. Рюноскэ). *Вечность как сюжет: материалы международной научной конференции. Сер. «Время как сюжет»*. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; 2015: 331–337.

15. Румак Н. Г. Японские ономастические единицы как средство художественной выразительности в прозе Эдогавы Рампо. *Языки и культуры стран Азии и Африки: тезисы докладов международной научно-практической конференции*. М.: МГЛУ; 2021: 178–179.

16. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык; 1990. 247 с.

17. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык; 1980. 320 с.

18. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования: бакалавриат. Специальность 58.03.01 «Востоковедение и африканистика», направление подготовки 43.03.03 «Востоковедение и африканистика». URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 06.06.2020).

Библиографический список

1. Edogawa Rampo. Sakuhinshu [Собрание сочинений]. Osaka: Incunabula; 2016. 3966 p. (На яп. яз.).

2. Коряковцева Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык. М.: Аркти; 2002. 176 с.

3. Молчанова Л. В. Использование аутентичных материалов для чтения как способ интенсификации процесса обучения японскому языку на различных этапах. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания»*. Вып. 6. М.: Ключ-С; 2011: 83–94.

References

1. Aipova M. M. Ispol'zovanie autentichnogo materiala pri obuchenii yaponskomu yazy'ku. *Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya. Materialy' nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy'k i problemy' prepodavaniya»*. Vy'p. 15. M.: Klyuch-S; 2016: 3–9. (In Russ.).

2. Vorob'yova L. A. Autentichny'j material — cel' i metody' ispol'zovaniya na zanyatiyax po chteniyu po yaponskomu yazy'ku. *Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya. Materialy' nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy'k i problemy' prepodavaniya»*. Vy'p. 14. M.: Klyuch-S; 2016: 71–75. (In Russ.).

3. Kovalenko A. S. Razrabotka kursa po domashnemu chteniyu na materiale fol'klorny'x tekstov. *Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya. Materialy' nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy'k v vuze»*. Vy'p. 20. M.: Klyuch-S; 2020: 102–109. (In Russ.).

4. Mar'yanovskaya E. L. Vzaimosvyazannoe formirovanie kommunikativnoj i uchebnoj kompetencij pri obuchenii domashnemu chteniyu studentov v yazy'kovom vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. Tambov; 2007. 22 s. (In Russ.).

5. Lokshina Yu. G. Yaponskie skazki kak sredstvo povy'sheniya motivacii u studentov pri izuchenii yaponskogo yazy'ka na nachal'nom e'tape obucheniya. *Yaponskij yazy'k: metodika prepodavaniya yaponskogo yazy'ka*. M.: Yap. fond VGBIL; 2010: 78–90. (In Russ.).

6. Ovchinnikova L. V. Xrestomatiya dlya chteniya. Uchebnoe posobie po yaponskomu yazy'ku (dlya nachal'nogo i srednego e'tapov izucheniya). *Yaponskij yazy'k v vuze: aktual'ny'e problemy' prepodavaniya. Materialy' nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy'k i problemy' prepodavaniya»*. Vy'p. 7. M.: Sputnik+; 2012: 135–139. (In Russ.).

7. Ovchinnikova L. V., Sato Yu. Xrestomatiya dlya domashnego chteniya: uchebnoe posobie po yaponskomu yazy'ku. M.: Serebryany'e niti; 2012. 210 s. (In Russ.).

8. Mar`yanovskaya E. L. Zanyatie po domashnemu chteniyu na fakul'tetax inostranny`x yazy`kov v yazy`kovy`x vuzax. *Inostranny`e yazy`ki v vy`sshej shkole: nauchny`j zhurnal*. 2005; № 2: 31–38. (In Russ.).

9. Sergeeva A. I. K voprosu o preodolenii boyazni chteniya yaponskix ieroglificheskix tekstov. *Yaponskij yazy`k v vuze: aktual`ny`e problemy` prepodavaniya. Materialy` 2-j nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy`k v obrazovatel`nom prostranstve»*. Vy`p. 21. M.: Klyuch-S, 2020: 219–228. (In Russ.).

10. Vorob`yova L. A. Obuchenie filologicheskomu chteniyu na yaponskom yazy`ke v yazy`kovom vuze. *Yaponskij yazy`k v vuze: aktual`ny`e problemy` prepodavaniya. Materialy` nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy`k i problemy` prepodavaniya»*. Vy`p. 7. M.: Sputnik+, 2012: 14–19. (In Russ.).

11. Borisova A. S. Ispol`zovanie literaturny`x tekstov na srednem i prodvnutom e`tapax obucheniya yaponskomu yazy`ku dlya razvitiya yazy`kovy`x i sociokul`turny`x navy`kov. *Yaponskij yazy`k v vuze: aktual`ny`e problemy` prepodavaniya. Materialy` nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy`k i problemy` prepodavaniya»*. Vy`p. 17. M.: Klyuch-S; 2018: 27–32. (In Russ.).

12. Strekalova M. D. Osnovny`e metodicheskie kriterii otbora sodержaniya obucheniya chteniyu v ramkax kursa «Domashnee chtenie» v yazy`kovom vuze. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2008; № 3: 7–10. (In Russ.).

13. Valieva Yu. Yu., Alikberova A. R., Gajnullina L. A. Tradicii i novatorstvo v detektivnom zhanre v literature dal`nevostochny`x stran. *Mezhdunarodny`j forum vostochny`x yazy`kov i kul`tur. Aktual`ny`e voprosy` prepodavaniya kitajskogo i drugix vostochny`x yazy`kov v XXI veke: sbornik statej i dokladov uchastnikov foruma*. Kazan`: Fe`n; 2018: 40–46. (In Russ.).

14. Yolcina A. A. O soxrannosti «vechny`x syuzhetov»: ot Rossii k Yaponii (na primere tvorchestva F. M. Dostoevskogo, E`. Rampo i A. Ryunoske). *Vechnost` kak syuzhet: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ser. «Vremya kak syuzhet»*. Tver`: Izd-vo Mariny` Batasovoj; 2015: 331–337. (In Russ.).

15. Rumak N. G. Yaponskie onomatopoe`ticheskie edinicy kak sredstvo xudozhestvennoj vy`razitel`nosti v proze E`dogavy` Rampo. *Yazy`ki i kul`tury` stran Azii i Afriki: tezisy` dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. M.: MGLU; 2021: 178–179. (In Russ.).

16. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Yazy`k i kul`tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazy`ka kak inostrannogo. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Russkij yazy`k; 1990. 247 s. (In Russ.).

17. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. M.: Russkij yazy`k; 1980. 320 s. (In Russ.).

18. Federal`ny`j gosudarstvenny`j obrazovatel`ny`j standart vy`sshego obrazovaniya. Uroven` vy`sshego obrazovaniya: bakalavriat. Special`nost` 58.03.01 «Vostokovedenie i afrikanistika», napravlenie podgotovki 43.03.03 «Vostokovedenie i afrikanistika». URL: <https://fgos.ru> (data obrashheniya: 06.06.2020). (In Russ.).

Bibliographic list

1. Edogawa Rampo. Sakuhinshu [Sobranie sochinenij]. Osaka: Incunabula; 2016. 3966 r. (In Jpn.).

2. Koryakovceva N. F. Sovremennaya metodika organizacii samostoyatel`noj raboty` izuchayushhix inostranny`j yazy`k. M.: Arkti; 2002. 176 s. (In Russ.).

3. Molchanova L. V. Ispol`zovanie autentichny`x materialov dlya chteniya kak sposob intensivatsii processa obucheniya yaponskomu yazy`ku na razlichny`x e`tapax. *Yaponskij yazy`k v vuze: aktual`ny`e problemy` prepodavaniya. Materialy` nauchno-metodicheskoy konferencii «Yaponskij yazy`k i problemy` prepodavaniya»*. *Уч`р. б. М.*: Klyuch-S; 2011: 83–94. (In Russ.).

Информация об авторе

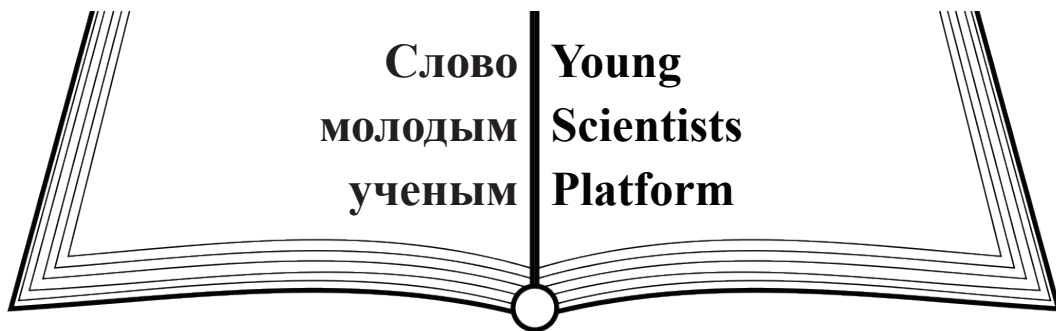
Наталья Григорьевна Румак — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalia G. Rumak — PhD (Philology), docent, associate professor of Japanese language Department Institute of foreign languages MCU.

The author declares no conflict of interests.

Научная статья

УДК: 82-311.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.12

ФЕНОМЕН МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ В ДЕБЮТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИСИГУРО

Любеева Светлана Васильевна

Московский городской педагогический университет,

LyubeevaSV@mgrpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9037-8968>

Аннотация. Статья посвящена репрезентации межпоколенческой передачи психической травмы в рассказе «A Strange and Sometimes Sadness» и романе «A Pale View of Hills». Проведен анализ художественных форм реализации межпоколенческой передачи психической травмы, описаны их функции на идейно-тематическом, образно-психологическом, сюжетно-мотивном уровнях текста.

Ключевые слова: травма; проблема поколений; межпоколенческая передача; К. Исигуро.

Для цитирования: Любеева С. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 123–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.12

Original article

PHENOMENON OF INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF MENTAL TRAUMA IN K. ISHIGURO'S DEBUT WORKS

Svetlana V. Lyubeeva

Moscow City University,

LyubeevaSV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9037-8968>

Abstract. The paper is devoted to the representation of intergenerational transmission of mental trauma in the short story *A Strange and Sometimes Sadness* and novel *A Pale View of Hills*. The forms of literary expression of intergenerational transmission of mental trauma are analyzed in the aforementioned works, as well as their function at the ideological, semantic and psychological levels of the work.

Keywords: trauma; problem of generation; intergenerational transmission; K. Ishiguro.

For citation: Lyubeeva S. V. Phenomenon of Intergenerational Transmission of Mental Trauma in K. Ishiguro's Debut Works. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 123–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.12

Интерес к изучению природы травмы как в современном отечественном, так и в зарубежном социокультурном пространстве становится все более существенным. Доказательством может служить недавно сформировавшееся междисциплинарное направление *trauma studies*, изучающее коллективные переживания событий [1, с. 98]. В центре внимания данного научного исследования лежит феномен передачи психического травматизма от одного поколения к другому. Термином «межпоколенческая (трансгенерационная) передача психической травмы» оперируют Н. В. Тарабрина и Н. В. Майн [2, с. 97].

Как известно, через поколения мы передаем не только материальное наследие, но и не менее важный психологический опыт: семейные традиции и уклад, модели поведения, разные формы мировосприятия [3, с. 66] и внутрисемейного взаимодействия. Данный опыт может носить как вербальный, так и невербальный характер. Проблема передачи психической травмы привлекла внимание психологов и психотерапевтов еще в начале 1960-х гг. в связи с психическим травматизмом детей, чьи родители являлись жертвами холокоста. Ссылаясь на исследование Яэль Даниэли, Н. В. Тарабрина и Н. В. Майн отметили, что дети пострадавших, которые сами никогда не переживали травмирующий опыт, демонстрировали симптомы последствий реальной психологической травмы, как будто они сами пережили ужасы холокоста [2, с. 97]. Это поколение детей получило определение бэби-бумеров [4, р. 283]. С тех пор научный интерес к данному феномену ученых всего мира только возрастает. Среди западных исследователей отметим С. Лебовиси, И. Бозормени-Нажи [5] и Х. Стиерлин, изучавших бессознательную передачу родителями своим детям

определенных ролей и задач, а также Р. Каес, обращающего внимание на роль индивидуальной и коллективной памяти. Кроме этого, М. Кахан-Ниссенбаум исследовал проблему вины выжившего, У. Р. Бион отмечал большое значение ранних отношений между матерью и ребенком, а П. Мичардан анализировал принятие ребенком на себя роли родителя и др.¹ Современная психология рассматривает данный вопрос преимущественно с положительного ракурса (Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, Н. В. Тарабрина, Н. В. Майн, А. А. Шутценбергер).

Начиная с середины XX в. в мировой литературе и критике проблеме переживания травмы как личностью, так и обществом в более широком смысле также уделяется пристальное внимание. К освещению данной проблемы обращается целый ряд видных британских авторов: М. Эмис, Й. Макьюэн, Дж. Барнс, М. Спарк, К. Исигуро. По мнению О. А. Джумайло, данный интерес вызван значимым а-постмодернистским поворотом к жизненному опыту [6, с. 11]. Характеризуя персонажа современной новой драмы, М. Г. Меркулова отмечает включение нескольких «ролей-самопрезентаций в зависимости от “человеческой ситуации”» [7, с. 125]. Исследователи Г. А. Фролов и Л. Ф. Хабибуллина указывают на то, что «травматический опыт становится одной из основных проблем современной литературы» [8, с. 191].

Писательская карьера нобелевского лауреата по литературе К. Исигуро началась с трех рассказов: «A Strange and Sometimes Sadness», «Getting Poisoned» и «Waiting for J», — опубликованных в 1981 г. в сборнике молодых британских писателей. Особого внимания с позиции рассмотрения межпоколенческой передачи психической травмы заслуживают не переведенный на русский язык рассказ «A Strange and Sometimes Sadness» и первый роман «A Pale View of Hills» (1982), где темы и мотивы, заявленные в рассказе, по мнению критиков, были доведены до совершенства. Упомянутые произведения вызывают постоянный интерес зарубежных и отечественных литературоведов прежде всего в связи с репрезентацией образа «ненадежного рассказчика» [9], темой памяти [10; 11, р. 226–238] и основными сюжетообразующими мотивами [6]. Следовательно, тема межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро актуальна, малоизучена и требует более детального рассмотрения.

Действие в рассказе «A Strange and Sometimes Sadness», как и в романе «A Pale View of Hills», разворачивается в Японии; рассказчицей выступает пожилая японка Мичико, проживающая в Англии. Приезд дочери Яцуко, родившейся через год после переезда женщины из Японии в Англию, возвращает мать к осмыслению трагического опыта, пережитого в Нагасаки в пору молодости.

¹ Подробный обзор материалов зарубежной литературы, посвященной проблемам межпоколенческой передачи психической травмы, см.: [2].

Эцуко, героиня романа, также живет в английской провинции и после самоубийства старшей дочери Кейко погружена в воспоминания о своей юности в послевоенном Нагасаки и дружбе с обедневшей аристократкой Сатико, воспитывавшей дочь Марико в одиночку.

В рассказе К. Исигуро затрагивается тема переживания сложной беременности и тяжелого послеродового восстановления. Несмотря на то что там нет прямых описаний военных действий, мы понимаем, какие трагические последствия принесла героине Мичико и ее близким война. Психологическая травма могла повлиять на ее состояние как во время беременности, так и после рождения ребенка. Мичико упоминает о том, как она и дочь переживали схожее тяжелое состояние будучи порознь. Муж сообщает Мичико, что дочь плакала всю ночь [12, р. 2]. Мичико видит в этом мистические черты. Однако в современной психологии данный феномен известен как межпоколенческая передача психической травмы. Так, согласно исследованиям Н. В. Тарабриной, Н. В. Майн, крайний травматизм может передаваться от поколения к поколению. Чувство страха, подавленные негативные эмоции, чувство вины и стыда не дают спокойно жить пострадавшему, а травмированный образ себя будто расщепляет личность. Когда такая личность становится родителем, ее ребенок неизбежно сталкивается с опасными отщепленными частями, воспоминаниями и эмоциями, которые родитель проецирует на ребенка [13, р. 158]. И если это происходит в течение первых месяцев жизни ребенка (как в случае с Мичико и Яцуко), это в будущем имеет пагубное влияние на формирование личности ребенка [14, р. 264]. По словам Мичико, Яцуко выросла «head strong and aggressive» и совсем не походила на «gentle and kind» [12, р. 2] подружку-японку, в честь которой Мичико назвала дочь.

В «A Pale View of Hills» Эцуко и Ники страдают от переживания «вины выжившего», психического состояния, влияющего на качество «эмоциональной жизни, межличностных отношений, семейного и родительского функционирования» [2, с. 97]. Мать и дочь мучают постоянные кошмары, связанные с Кейко. Родитель, переживший травмирующий опыт, подавляя свои эмоции, стремится освободить свое сознание от болезненных воспоминаний. Сам автор характеризует язык рассказчицы как «the language of self-deception and self-protection» [15, р. 137]. Таким образом, Эцуко, не вербализировав и не переработав психологически свою травму, не сумела передать дочери соответствующий защитный механизм, который помог бы той справиться с переживанием собственного травмирующего опыта.

Последствием переживания травмирующего опыта во взаимоотношениях матери и дочери является и то, что роли в паре «родитель – ребенок» переворачиваются: ребенок вынужден играть роль стабилизатора для своего «тревожного» родителя. Данный феномен находит отражение в сюжете романа. Ники играет своего рода роль «заместительного» ребенка в семье, миссия которого состоит в том, чтобы утешить, отвлечь мать от мучительных страданий и невыносимого чувства вины. И сама Эцуко говорит о приезде Ники как о миссии:

«...She had come to me out of *the sense of mission* (курсив наш. — С. Л.)» [16, p. 10]. Исследователи И. Бозормени-Нажи и Х. Стиерлин «говорят о “семейном делегировании” — бессознательной ассигнации родителями своим детям ролей и заданий, например, задачи исправить ошибку, облегчить страдание, избавить от тревоги. Не всегда эти задачи патологичны, но они могут быть слишком тяжелыми, не соответствовать возможностям и потребностям ребенка» (цит. по: [2, с. 97]).

Отдельной художественной формой в романе «A Pale View of Hills» является мотив детоубийства и выживания на фоне ядерной катастрофы в Нагасаки, который служит важным аспектом исследования характера, глубины и сложности взаимоотношений поколений в романе. Общая атмосфера ужаса войны в произведении подкрепляется сообщениями об убийствах детей, будоражившими в те дни Нагасаки [16, p. 100]. Мотив детоубийства и выживания также связан с эпизодом утопления котят матерью Марико. Б. Шеффер полагает, что этот эпизод раскрывает не только жестокость матери по отношению к дочери, но и садомазохистский характер их взаимоотношений [10, p. 32]. Автор отмечает, что Сатико видит, как дочь наблюдает за утоплением котят, но продолжает держать котенка под водой, что является символическим актом убийства ребенка [16, p. 167]. Тот факт, что Марико хочет наблюдать, наводит на мысль о мазохистском порыве девочки, ведь она получает удовольствие от собственной боли. Символическое убийство Марико матерью можно связать с отношением Эцуко к Кейко. Вспомним эпизод, когда Эцуко почти намеренно уничтожала молодые помидоры, растущие в саду ее английского загородного дома [16, p. 92]. Из авторских намеков следует, что Эцуко обращалась с Кейко так же, как она обращалась со своими помидорами, и так же, как Сатико обращалась с Марико и ее котятками. Эцуко пренебрегает молодыми растениями до такой степени, что уничтожает их, а затем отрицает все. Тем самым она повторяет риторику Сатико о котятках Марико.

На наш взгляд, убийством котят мать хочет избавить дочь от излишних привязанностей, желая тем самым закалить и подготовить ее к выживанию в жестоком мире. «You simply can't have these sentimental attachments forever», — говорит она Марико [16, p. 165].

Влияние фрустрированной и расщепленной личности матери на ребенка воплощается в романе через мотив отчужденности детей. Кейко, как и Марико, дому и семье предпочитает одиночество. Марико бежит из дома на мрачный пустырь [16, p. 11], Кейко уединяется в отвратительной комнате: «An odour of stale perfume and dirty linen came from within» [16, p. 54]. Почему же дети бегут от семьи, уединяясь в таких ужасных местах? Ответ возникает в монологе самой Эцуко о Кейко: «It was for her own protection» [16, p. 54]. Желая лучшего своей дочери, как и Сатико, Эцуко была неспособна услышать ее чувства и желания.

Таким образом, в рассказе «A Strange and Sometimes Sadness» и романе «A Pale View of Hills» К. Исигуро демонстрирует сложный процесс межпоколенческой передачи психической травмы, который воплощается через следующие

художественные формы: темы переживания послеродовых осложнений у матери и ребенка, а также «вины выжившего», смещения ролей в паре «родитель – ребенок», бессознательной передачи родителями детям ролей и задач в сюжете; мотивы детоубийства и выживания и отчужденности детей. Межпоколенческая передача психической травмы обусловлена отчуждением, утратой корней, разрывом семейных связей, и, как следствие, жизнью в новое время, где иллюзия благополучия вдруг оборачивается одиночеством и чувством вины.

Список источников

1. Петровская Е. Безымянные сообщества. М.: Фаланстер; 2012. 384 с.
2. Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы). *Консультативная психология и психотерапия*. 2013; № 3 (78): 96–119.
3. Чупрына О. Г. Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). М.: Прометей; 2000. 151 с.
4. Strauss W., Howe N. The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N. Y.: Broadway Books; 1997. 461 p.
5. Boszormenyi-Nagy I. Commentary: Transgenerational solidarity-therapy's mandate and ethics. *Family Process*. 1985; № 4 (24): 454–456. DOI: 10.1111/j.1545-5300.1985.00454.x
6. Джумайло О. А. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980–2000. *Вопросы литературы*. 2007; № 5: 7–45.
7. Меркулова М. Г. «Новая драма». *Новый филологический вестник*. 2011; № 2 (17): 122–126.
8. Фролов Г. А., Хабибулина Л. Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект. *Филология и культура*. 2014; № 3 (37): 187–194.
9. Shaffer B. 'Somewhere just beneath the surface of things': Kazuo Ishiguro's short fiction. In: S. Matthews & S. Groes (Eds.). *Kazuo Ishiguro: Contemporary critical perspectives*. London: Continuum Intl Pub Group; 2010: 9–19.
10. Shaffer B. *Understanding Kazuo Ishiguro*. Columbia (S. C.): University of South Carolina Press; 2008. 146 p.
11. Lane R. J., Mengham R. & Tew Ph. (Eds.). *Contemporary British fiction*. Cambridge: Polity; 2007: 226–238.
12. Ishiguro K. *A Strange and sometimes sadness*. London: Faber and Faber; 1981. 15 p.
13. Op den Velde W. Children of Dutch war sailors and civilian resistance veterans. In: Danieli Y. (Ed.). *International handbook of multigenerational legacies of trauma*. New York: Plenum Press; 1998: 147–162.
14. Moehler E., Resch F., Cierpka A. & Cierpka M. The early appearance and intergenerational transmission of maternal traumatic experiences in the context of mother-infant interaction. *Journal of Child Psychotherapy*. 2001; № 3 (27): 257–271.
15. Vorda A., Herzinger K. An interview with Kazuo Ishiguro. *Mississippi Review*. 1991; (20): 136–137.
16. Ishiguro K. *A pale view of hills*. New York: Putnam; 1982. 183 p.

References

1. Petrovskaya E. Bezy`myanny`e soobshhestva. M.: Falanster; 2012. 384 s. (In Russ.).
2. Tarabrina N. V., Majn N. V. Fenomen mezhpokolencheskoj peredachi psicheskoj travmy` (po materialam zarubezhnoj literatury`). *Konsul`tativnaya psixologiya i psixoterapiya*. 2013; № 3 (78): 96–119. (In Russ.).
3. Chupry`na O. G. Predstavleniya o vremeni v drevnem yazy`ke i soznanii (na materiale drevneanglijskogo yazy`ka). M.: Prometej; 2000. 151 s. (In Russ.).
4. Strauss W., Howe N. The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N. Y.: Broadway Books; 1997. 461 p.
5. Boszormenyi-Nagy I. Commentary: Transgenerational solidarity-therapy's mandate and ethics. *Family Process*. 1985; № 4 (24): 454–456. DOI: 10.1111/j.1545-5300.1985.00454.x
6. Dzhumajlo O. A. Za graniczami igry`: anglijskij postmodernistskij roman. 1980–2000. *Voprosy` literatury`*. 2007; № 5: 7–45. (In Russ.).
7. Merkulova M. G. «Novaya drama». *Novy`j filologicheskij vestnik*. 2011; № 2 (17): 122–126. (In Russ.).
8. Frolov G. A., Xabibulina L. F. K smene literaturny`x e`pox na Zapade: teoreticheskij aspekt. *Filologiya i kul`tura*. 2014; № 3 (37): 187–194. (In Russ.).
9. Shaffer B. 'Somewhere just beneath the surface of things': Kazuo Ishiguro's short fiction. In: S. Matthews & S. Groes (Eds.). *Kazuo Ishiguro: Contemporary critical perspectives*. London: Continuum Intl Pub Group; 2010: 9–19.
10. Shaffer B. Understanding Kazuo Ishiguro. Columbia (S. C.): University of South Carolina Press; 2008. 146 p.
11. Lane R. J., Mengham R. & Tew Ph. (Eds.). *Contemporary British fiction*. Cambridge: Polity; 2007: 226–238.
12. Ishiguro K. A Strange and sometimes sadness. London: Faber and Faber; 1981. 15 p.
13. Op den Velde W. Children of Dutch war sailors and civilian resistance veterans. In: Danieli Y. (Ed.). *International handbook of multigenerational legacies of trauma*. New York: Plenum Press; 1998: 147–162.
14. Moehler E., Resch F., Cierpka A. & Cierpka M. The early appearance and intergenerational transmission of maternal traumatic experiences in the context of mother-infant interaction. *Journal of Child Psychotherapy*. 2001; № 3 (27): 257–271.
15. Vorda A., Herzinger K. An interview with Kazuo Ishiguro. *Mississippi Review*. 1991; (20): 136–137.
16. Ishiguro K. A pale view of hills. New York: Putnam; 1982. 183 p.

Информация об авторе

Светлана Васильевна Любева — аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Svetlana V. Lyubeeva — postgraduate student of English Philology Department Institute of foreign languages MCU.

Научная статья

УДК: 821.161.1.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.13

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАССКАЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА «БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ» И В ОЧЕРКЕ В. П. РАСПУТИНА «НА АФОНЕ»

Терешонок Елена Витальевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

rlteresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3710-9339>

Аннотация. В статье анализируются рассказ В. П. Астафьева «Божий Промысел» и очерк В. П. Распутина «На Афоне» в контексте религиозно-философского мировоззрения писателей-традиционалистов, рассматривающих путь духовного возрождения России через обращение к системе православных ценностей.

Ключевые слова: религиозно-философская проблематика; духовно-нравственный кризис; экологическая проблематика; публицистичность.

Для цитирования: Терешонок Е. В. Религиозно-философская проблематика в рассказе В. П. Астафьева «Божий Промысел» и в очерке В. П. Распутина «На Афоне» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 130–137. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.13

Original article

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ISSUES IN THE STORY OF V. P. ASTAFIEV *DIVINE PROVIDENCE* AND IN THE ESSAY OF V. P. RASPUTIN *ON ATHOS*

Elena V. Tereshonok

Lomonosov Moscow State University,

rlteresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3710-9339>

Abstract. The article regards the story of V. P. Astafiev's *Divine Providence* and the essay of V. P. Rasputin's *On Athos* in the context of the religious and philosophical worldview typical of traditionalist writers who saw the path of spiritual revival of Russia through an appeal to the system of Orthodox values.

Keywords: religious and philosophical issues; spiritual and moral crisis; environmental issues; journalism.

For citation: Tereshonok E. V. Religious and Philosophical Issues in the Story of V. P. Astafiev *Divine Providence* and in the Essay of V. P. Rasputin *On Athos*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 130–137. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.13

Общественно-политические события российской истории прошлого века, связанные с социальными катастрофами, поставившими человека на грань апокалиптического выживания, явились причиной духовно-нравственных исканий писателей в конце XX – начале XXI в. Утрату народом духовного идеала русской жизни писатели-традиционалисты В. П. Астафьев и В. Г. Распутин рассматривали как одну из важнейших. Как пишет А. И. Смирнова: «В современной русской прозе о деревне исследуется процесс разрушения традиционного крестьянского мира, одной из знаковых примет которого становится и утрата родового “гнезда”. <...> В осмыслении реальных событий настоящего времени дом предстает как локус, подверженный разрушению, распаду, превращению в свою противоположность — *антидом*» [1, с. 10, 12]. В то же время в русской литературе дом традиционно воспринимался «как высшая сущность, связанная с понятиями *истина, правда, справедливость, будущее, обителище души*» [2, с. 28].

В 80–90-е гг. XX в. в творчестве В. П. Астафьева и В. Г. Распутина происходит обновление жанрово-стилевой системы, связанное с усилением в прозе писателей публицистического и философского начал. Их эпос вбирает в себя новый социально-исторический опыт, который проявляется в тяготении к нравственно-психологической проблематике, восходящей к христианской этике. Экзистенциальные размышления писателей последнего десятилетия XX в. приводят к апокалипсическому осознанию реальности. Наступившая в начале 1990-х гг. свобода слова дала возможность художественно воплотить религиозно-философские искания. В этот период писатели-традиционалисты обращаются к религиозной теме, пытаются найти ответ на вопросы о причинах духовно-нравственного кризиса в обществе и предложить пути выхода из него. В прозе усиливается ориентация на «учительную», проповедническую традицию русской литературы, проявляется исповедальная интонация, актуализируются пространственно-временной фон, хронотоп дороги, мотив испытания, образы Святой Руси, праведника, Отечества. Для прозы В. П. Астафьева и В. Г. Распутина характерны авторские отступления в тексте и нравоучительные обращения к читателю, что связано с просветительской тенденцией русской литературы. Авторы, следуя традициям, заложенным Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским, озабочены кризисным состоянием человеческой личности, поэтому в этико-эстетических взглядах писателей-традиционалистов доминирует идея духовно-нравственного преображения человека.

В творчестве В. П. Астафьева 90-е гг. XX в. отмечены формированием религиозного мировоззрения писателя, восходящим к христианской этике. В 1991 г. Астафьев пишет рассказ, который входит в лирико-философский сборник «Затеси» под названием «Божий Промысел». Согласно определению митрополита Московского Филарета (Дроздова), Божий Промысел есть «непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому добру способствует, а возникшее через удаление от добра зло пресекает

и обращает к добрым последствиям» [3, с. 4]. Писатель видит проявление Божьего Промысла в том, что приехал на греческий остров Патмос, на котором апостол Иоанн Богослов получил Божественное Откровение и написал «Апокалипсис». Исследователь творчества В. П. Астафьева П. А. Гончаров считает, что посещение святого острова Патмос является определяющим событием в жизни писателя, которое повлияло на формирование его христианского мировоззрения [4, с. 29]. По мнению О. Ю. Золотухиной, феноменальность творчества В. П. Астафьева конца XX в. характеризуется духовной и творческой эволюцией, религиозным поиском, проявившимся в художественных и публицистических произведениях [5, с. 24].

Рассказ «Божий Промысел» написан В. П. Астафьевым как тревелог, путевой очерк. В основе его сюжета лежит авантюрное начало. Писатель рассказывает, что получил приглашение на свое имя от заместителя министра культуры Греции госпожи Меркури посетить празднование девятисотлетия Патмосского монастыря. Сюжет рассказа отражает последовательность событий и встреч автора во время его путешествия на далекий греческий остров. Но, являясь официальным гостем важного мероприятия, писатель испытывает неловкость из-за незнания языка, отсутствия русской делегации и непонимания своей роли и необходимых действий в предложенных обстоятельствах [6, с. 214]. Автор убежден, что по воле Божией он встретил на мероприятии святого отца Иринея, который был преподавателем Сербской духовной академии и знал несколько языков, в том числе и русский [6, с. 214]. Об отце Иринее у писателя сложились самые светлые впечатления. Именно он стал для автора проводником в неведомый до этого времени духовный мир. Он показал писателю святыни монастыря, рассказал о Святом острове [6, с. 215]. Повествование рассказа обладает чертами динамизма, который формируется благодаря самому факту перемещения автора в течение нескольких дней пребывания на острове. Писателю во время торжественных мероприятий выпала честь быть представленным патриарху и получить от него святейшее благословение. Знаменательная встреча состоялась в пещере Иоанна Богослова, в которой апостол писал Откровение. Автор поприветствовал патриарха от имени россиян и, осознавая себя грешным, поцеловал руку владыки. Писатель имел возможность почувствовать силу благодатного духовного слова. Автор заметил, как болезненный, преклонного возраста владыка совершенно преобразился во время произнесения проповеди [6, с. 219]. Динамизм повествования рассказа вовлекает читателя в путешествие по острову и позволяет почувствовать напряжение не только физического перемещения в пространстве, но и работы философской мысли, которая формируется у писателя в результате посещения древнего святого монастыря. Пребывание на Патмосе рождает у писателя ощущение трудного духовного возрастания, которое он сравнивает с тяжелым восхождением в гору, а синяя морская даль приводит к мыслям о вере, вечности и судьбе России [6, с. 221]. Посещение монастыря и пещеры Иоанна Богослова произвело

на автора неизгладимое впечатление и не только привело к глубокому переосмыслению мировоззрения, но и укрепило его гуманистическую общественную позицию. Писатель считает, что воинствующие безбожники в XX в. своими варварскими действиями разрушили больше, чем все завоеватели за многовековую русскую историю [6, с. 220]. Автор делится с читателем своими философско-религиозными размышлениями о Божьем Промысле в судьбах людей и общества. Писателя мучают сомнения, является ли посещение острова и встреча с отцом Иринеем случайным событием или все предопределено Божиим Промыслом [6, с. 221]. Автор считает себя грешным и недостойным человеком и признается, что, голодая в детстве, воровал хлеб, убивал людей на войне, осквернял слово... В ответ на чистосердечное откровение писатель слышит духовно укрепляющие слова отца Иринея. Он убежден, что все в жизни происходит по воле Божией, но вера и надежда должны быть всегда с человеком.

Так, религиозно-философские взгляды писателя, выразившиеся в рассказе, по словам О. Ю. Золотухиной, как «жажда Бога, уверенность в его доброте и милосердии, поиск веры, убеждение, что настоящая культура несет идеи Бога и спасет человечество от самоуничтожения, тема покаяния и радости от подаренной Богом жизни — являются следствием ментальности православного типа» [5, с. 24], что приводит его мировоззрение к сформированной духовно-нравственной позиции.

Очерк В. Г. Распутина «На Афоне» был напечатан в 2005 г. Исследователь Н. В. Ковтун отмечает, что он «с одной стороны вписывается в традицию паломнической литературы, с другой — интонационно, структурно заметно отличается от нее, ему свойственна философская объемность, пафос интеллектуальной дискуссии» [7, с. 141]. В основе очерка лежит подлинный случай из жизни автора: В. Г. Распутин побывал на Афоне в марте 2004 г. Произведение обладает чертами публицистичности, для которой характерно обращение к социальным проблемам общества. Автор вступает в открытый диалог с читателем в лице своих современников. Исследователь Т. А. Эмирова отмечает: «Способность Распутина соединять традиционность с задачей и предметом сегодняшним, безусловно злободневным, поднимает публицистику этого писателя на исключительную высоту, придает ей совершенную четкость и актуальность» [8, с. 13]. В повестях «Прощание с Матерой», «Последний срок», «Пожар», в рассказах «На родине», «В непогоду» В. Г. Распутин выражает свое натурфилософскую точку зрения на проблему взаимоотношений человека и природы. В публицистической прозе писатель в более острой форме продолжает выявлять и ставить перед обществом актуальные духовно-нравственные проблемы. Он убежден, что человек и природа — единое целое, поэтому, уничтожая природу, человек прежде всего губит себя. Автор считает, что экологические и социальные проблемы общества являются следствием противоречий между духовным и материальным началом в человеке,

между его памятью и беспамятством, разумом и чувством. В своих произведениях писатель предупреждает современников о грядущих нравственных катастрофах. Единый авторский подход к действительности, ее изображению дает четкое представление о системе воззрений писателя на историю и судьбу России, его позиции в контексте формирования русской идеи, связанной с православным христианством. Смена общественных формаций привела к усугублению духовного кризиса общества. Выход из тупика столкновения переломных эпох писатель видит в обращении к духовным истокам — христианской вере.

Возрождение России, как считает В. Г. Распутин, возможно только через обретение духовно-нравственных христианских корней. Стиль очерка «На Афоне» характеризуется привлечением большого количества текстов, связанных с описанием Святой горы, — «Афон» В. Зайцева и «Письма с Афона» К. Леонтьева. В повествовании очерка прослеживается определенная исследовательская работа, которую проделал автор при его написании. Очерк содержит документальные исторические и культурные сведения о возникновении и укладе жизни святой горы Афон и русских монастырей на его территории. Структура очерка содержит цепочки межтекстовых связей из цитат и реминисценций: «На Афон я зван был давно... В начале было только слово...» [9, с. 435]. Писатель обращается к опыту Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, которые когда-то так же, как и он сейчас, являясь продолжателем религиозно-философских традиций русских классиков, в поисках истины шли в святые обители на Валаам, Соловки, в Оптину Пустынь, чтобы напитаться великим словом правды Божией [9, с. 435]. С первых строк очерка автор вступает в диалог с текстом Евангелия от Матфея: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» [Мф. 11: 28] и «Много званых, а мало избранных» [Мф. 22: 1–14]. Посещение Святой горы для автора является исполнением Высшей Воли, которую он усматривает в своей жизни с молодости. Для писателя святы слова Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Ин. 1:1]. Святая гора Афон занимает особое место среди всех монастырей. Писатель говорит о том, что она была у Бога «в начале», «первей и выше», «на полпути к небесам». Автор описывает особую благодатную атмосферу острова, в которой чувствуется дыхание вечности, соприкосновение с которой рождает в нем настоящую духовную радость. Пребывание на двухтысячелетней афонской земле вызывает в памяти писателя образы святых отшельников, которые поражают его воображение сверхчеловеческой силой воли и духа.

Стиль очерка отличается проповедническими интонациями. Автор, обращаясь к читателям и называя имена великих ученых И. Павлова, Д. Менделеева, В. Вернадского, предлагает вместе порассуждать о том, что православие явилось ведущим фактором формирования духовно развитой личности. Писатель уверен, что «нет знания выше Святого писания и нет пути в сторону

от Создателя. Сейчас тот и ученый, кто постиг эту истину, которая еще недавно отдавалась людям невысокого полета...» [9, с. 457]. Как отмечает Н. В. Ковтун, «В. Распутин усматривает глубинное духовное родство Святой Горы и Руси в целом — покровительствует этим землям Богородица. С древнейших времен Богоматерь “стала просветительницей и защитницей Афона” (с. 390), Русь же в отечественной религиозной традиции постигается как хранимая Ею» [7, с. 146].

Писатель рассказывает, что история русского монашества на Афоне насчитывает тысячелетнюю историю. В одной из афонских летописей указано, что русские монахи пребывают на Афоне с давних времен и отличаются высоким христианским духом. Наличие духовных связей между Россией и Святой горой не вызывает сомнений. Революционная катастрофа русского общества 1917–1918 гг. находит свои трагические отголоски в явлениях святых икон. Афонские иноки показали писателю образ Спаса Господня, который стал черным в ту неделю в 1918 г., когда была расстреляна царская семья. Монахи, не зная о трагедии, пытались икону реставрировать, но она так и осталась черной [9, с. 440]. Писатель уверен, что не только Россия, но и весь мир живет и хранится святыми молитвами афонских отшельников, противостоя натиску вселенского зла.

В своем очерке В. Г. Распутин затрагивает экологическую проблематику, связанную с потеплением климата на планете. Писатель приехал на греческий остров в марте и был удивлен тем, что каждый день шел снег, а в горах были даже сугробы. По убеждению Распутина, глобальные климатические изменения являются следствием духовного нездоровья нашей цивилизации, писатель обеспокоен тем, что «духовное “потепление”» окружает и искушает Святую гору со всех сторон [9, с. 458–459]. Но писатель верит в крепкие традиции православного афонского духа, и состояние мира и покоя, которое царит на Афоне, передается автору очерка. Писатель, покидая остров, надеется на то, что духовная связь Святой горы и России не прервется и молитвы святых афонских монахов о Святой Руси дойдут до Самого Господа.

В очерке «На Афоне» В. Г. Распутин раскрывает свое религиозно-философское мировоззрение, которое выражается в устремлении к православным ценностям. Писатель придает особое значение православной вере и видит пути выхода из духовно-нравственного кризиса в приобщении к «христианским заветам», в которых, по его словам, «единственная наша оборона от “духов злобы поднебесной”» [10, с. 115].

Таким образом, В. П. Астафьев и В. Г. Распутин, воссоздавая в своих произведениях духовно-нравственные идеалы, стремятся преодолеть трагические «русские разрывы» XX в. и показать путь религиозно-нравственного возрождения России.

Список источников

1. Смирнова А. И. Локус дома в современной русской прозе. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2015; № 3 (19): 8–15.
2. Матвеева И. И. Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А. П. Платонова. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2014; № 3 (15): 27–35.
3. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Пространственный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви. М.: Оранта; 2018. 160 с.
4. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов; 2004. 48 с.
5. Золотухина О. Ю. Религиозный поиск В. П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан; 2010. 26 с.
6. Астафьев В. П. Печальный детектив: роман; Затеси. М.: Эксмо; 2004. 832 с.
7. Ковтун Н. В. Образ Афона в позднем творчестве В. Распутина: традиции и новаторство. *Сибирский филологический журнал.* 2019; № 4: 141–154. DOI: 10.17223/18137083/69/12
8. Эмирова Т. А. Творчество В. Распутина: проблема художественно-публицистического освоения действительности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала; 2005. 24 с.
9. Распутин В. Г. В поисках берега: повести, рассказы, статьи. М.: Русский мир; Московские учебники; 2008. 480 с.
10. Распутин В. Г. Восстань, душе моя. *Москва;* 1994. № 2: 112–115.

References

1. Smirnova A. I. Lokus doma v sovremennoj russkoj proze. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie.* 2015; № 3 (19): 8–15. (In Russ.).
2. Matveeva I. I. Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A. P. Platonova. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie.* 2014; № 3 (15): 27–35. (In Russ.).
3. Svyatitel` Filaret Moskovskij (Drozдов). Prostranstvenny`j xristianskij katexizis Pravoslavnoj Kafolicheskoy Vostochnoj cerkvi. M.: Oranta; 2018. 160 s. (In Russ.).
4. Goncharov P. A. Tvorchestvo V. P. Astaf`eva v kontekste russkoj prozy` vtoroj poloviny` XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov; 2004. 48 s. (In Russ.).
5. Zolotuxina O. Yu. Religiozny`j poisk V. P. Astaf`eva v kontekste tvorcheskoj e`volucii pisatelya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Abakan; 2010. 26 s. (In Russ.).
6. Astaf`ev V. P. Pechal`ny`j detektiv: roman; Zatesi. M.: E`ksmo; 2004. 832 s. (In Russ.).
7. Kovtun N. V. Obraz Afona v pozdnem tvorchestve V. Rasputina: tradicii i novatorstvo. *Sibirskij filologicheskij zhurnal.* 2019; № 4: 141–154. DOI: 10.17223/18137083/69/12 (In Russ.).
8. E`mirova T. A. Tvorchestvo V. Rasputina: problema xudozhestvenno-publicisticheskogo osvoeniya dejstvitel`nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Maxachkala; 2005. 24 s. (In Russ.).

9. Rasputin V. G. V poiskax berega: povesti, rassказы`, stat`i. M.: Russkij mir``: Moskovskie uchebniki; 2008. 480 s. (In Russ.).
10. Rasputin V. G. Vosstan`, dushe moja. *Moskva*; 1994. № 2: 112–115. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Витальевна Терешонок — преподаватель кафедры русского языка Института русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Elena V. Tereshonok — lecturer at Russian language Department Institute of Russian language and culture Lomonosov Moscow State University.

Научная статья
УДК: 821.111–31
DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.14

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕРТВЕННОСТИ В РОМАНЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА «СЫНОВЬЯ И ЛЮБОВНИКИ»

Мозесон Александра Юрьевна

Институт иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
Mozeson@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности концептуализации жертвенности в романе Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». Исследование лингвистического контекста произведения осуществлено при помощи концептного анализа. Концепт «жертва» представлен в виде фрейма, в структуру которого входят определенные слоты.

Ключевые слова: концепт; концептный анализ; фрейм; слот; когнитивная модель.

Для цитирования: Мозесон А. Ю. Языковая концептуализация жертвенности в романе Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 138–146. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.14

Original article

LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF SACRIFICE IN D. H. LAWRENCE'S NOVEL *SONS AND LOVERS*

Alekzandra Yu. Mozeson

Institute of foreign languages
Moscow City University,
Mozeson@mgpu.ru

Abstract. The article examines linguistic features of the concept of “sacrifice” in *Sons and Lovers* novel by D. H. Lawrence. Linguistic context study was performed by means of conceptual analysis. The concept of «sacrifice» represents a frame, containing certain slots.

Keywords: concept; conceptual analysis; frame; slot; cognitive model.

For citation: Mosesohn A. Y. Linguistic Conceptualization of Sacrifice in D. H. Lawrence's Novel *Sons and Lovers*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 138–146. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.14

Роман Дэвида Герберта Лоуренса «Сыновья и любовники» («Sons and Lovers») неоднократно становился предметом литературоведческих исследований¹. Заметное место среди них занимает работа Джеральда Дохерти (Gerald Doherty) [1], посвященная проблеме жертвенности в романе писателя. Исследователь считал, что жертвенность в произведениях Д. Г. Лоуренса не есть моральный концепт, но основа, скрепляющая выбор протагониста и его договор с самим собой, обществом или Богом. Он полагал, что жертвенность — субъективное понятие и как таковое является базовым для личностного, социального и религиозного самоопределения человека [1, p. 5].

Несмотря на то что практика индивидуального самопожертвования пронизывает весь роман «Сыновья и любовники», она, как отмечал Д. Дохерти, принимает разные формы в первой и второй частях этого произведения. В первой части очевидно буквальное самопожертвование госпожи Морел (Mrs. Morel), которое имеет экономическое и вербальное проявление: мать семейства прилагает все усилия, чтобы ее сыновья избежали участи своего отца — горняка, и делая это, она превращает своего мужа в изгоя внутри семьи. Во второй части, по мнению Д. Дохерти, жертвенность приобретает символический характер применительно к отношениям между Полом (Paul Morel — главный герой романа, сын миссис Морел) и Мириам (Miriam — девушка Пола) и в итоге оборачивается бездной неверного понимания и приводит к их разрыву.

Лингвистическая сторона репрезентации концепта «жертва» в романе «Сыновья и любовники» не получила значимого внимания и потому ее изучение становится актуальным. Научная новизна данной работы заключается в применении концептного анализа при исследовании языкового материала романа, в ходе которого изучаемый концепт представляется в виде фрейма, в структуру которого входят определенные слоты и субслоты. Концептный анализ как один из способов лингвистического исследования художественного текста, «предполагает изучение лингвистического контекста — от словосочетания до текста целого произведения» [2, с. 33]. Поскольку концепт «не имеет четко обозначенных границ, заданного объема содержания», концептный анализ «направлен на моделирование концепта на основе всех форм речевой и иной знаковой деятельности человека путем установления смыслов, возникающих при функционировании слова в узком и широком языковом и лингвокультурном контекстах» [2, с. 27].

¹ Kuttner A. B. Sons and Lovers: A Freudian appreciation. *The Psychoanalytic Review*. 1916; № 3: 295–317; Spilka M. The love ethic of D. H. Lawrence. Bloomington: Indiana University Press; 1955. 244 p.; Draper R. D. H. Lawrence. London: The Macmillan Press Ltd; 1976; Dyer G. Out of sheer rage: Wrestling with D. H. Lawrence. New York: North Point Press; 1999. 242 p.; Becket F. The complete critical guide to D. H. Lawrence. London; New York: Routledge; 2002. 186 p.; Black M. D. H. Lawrence: Sons and Lovers. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 1992. 111 p.; Haritatu N. Emotion and the unconscious: The mythicization of women in Sons and Lovers. *A New Sensitive Awareness*. 2012; (43): 129–149 и многие другие.

Концепт «жертва», как отмечают исследователи, «является одним из важнейших в картине мира многих народов, однако в собственно лингвистическом аспекте практически не изучен» [3, с. 5]. В данной статье «жертва» рассматривается как субконцепт, входящий в сложный концепт «жертвенность». Подобный подход обусловлен в том числе тем, что лексема *sacrifice* в современном английском языке соответствует двум словам в русском — «жертва» и «жертвенность».

Концепт как мысленное образование может быть представлен в виде фрейма, т. е. «структурированной единицы знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [4, с. 29].

Ведущие компоненты семантики лексемы *sacrifice* описываются в лексикографических источниках следующим образом: 1) *something or somebody offered* (приносимая жертва), 2) *propitiation* (искупительная жертва), 3) *surrender* (подчинение), 4) *the act of offering to a deity, a god* (акт подношения божеству). См.: [5–7]. Приведенные смыслы составляют четыре узла, или слота, фрейма, в котором структурно организуются знания о типизированной ситуации жертвования или жертвенности. Слоты эксплицируют как конвенциональные признаки данной ситуации, так и факультативные признаки, проявляющиеся в результате приспособления фрейма к конкретным ситуациям.

Если применить данную модель рассматриваемого концепта к языковому пространству романа «Сыновья и любовники», то каждый из смоделированных слотов будет представлен единицами, реализующими его в этом пространстве. В слот «приносимая жертва» (*something or somebody offered*) входят имена собственные *Arabella*, *Walter Morel*, *Miriam*. *Arabella* — имя куклы Энни, сестры Пола, которую он, прыгая на диване, нечаянно раздавил. Брат предложил сестре принести куклу в жертву и сжечь ее: «“Let’s make a sacrifice of Arabella,” he said. “Let’s burn her”»² (здесь и далее роман цитируется по [8]). Пол воспроизводит древний ритуал, сооружая из кирпичей подобие алтаря, помещая на него куклу и поджигая ее. Вина за то, что мальчик сломал куклу, вызывает в нем чувство ненависти («He seemed to hate the doll so intensely, because he had broken it»³), которое во время убиения жертвы соединяется с радостью и ликованием («So long as the stupid big doll burned he rejoiced in silence; I’m glad there’s nothing left of her»⁴). За виной последовало воздаяние, принесшее умиротворение, которое отразилось в словах *to hate* (ненавидеть), *to rejoice* (радоваться), *to be glad* (быть радостным), представляющих другой слот в рассматриваемом фрейме — «искупительная жертва» (*propitiation*).

² «Давай принесем в жертву Арабеллу», — сказал он. «Давайте сожжем ее» (здесь и далее перевод наш. — А. М.).

³ «Казалось, он так сильно ненавидел куклу, потому что сломал ее».

⁴ «Пока эта глупая большая кукла горела, он молча радовался; Я рад, что от нее ничего не осталось».

Мириам — имя девушки, с которой Пола связывают любовные отношения. В сцене свидания Пола и Мириам девушку сравнивают с жертвенным животным: *a creature awaiting immolation*⁵. Применяя подобное сравнение, Д. Г. Лоуренс уподобляет ее объекту жертвоприношения, реализуя идентифицирующую функцию языка, в рамках которой «язык выступает в качестве инструмента, с помощью которого происходит становление группы и идентификация ее членов» [9, с. 50]. С лингво-когнитивной точки зрения в этом эпизоде представлена стереотипная ситуация жертвоприношения: Мириам, жаждущая близости с Полом и тем самым обрекающая себя на заклание (*she had given herself up to sacrifice*⁶), и Пол, приносящий ее в жертву (*he had to sacrifice her*⁷). Создается концептуальный фрагмент, который учитывает не только объективные характеристики описываемой ситуации жертвоприношения, но и специфику ее восприятия: жертва / жертвенное животное (*creature*), обречение на заклание (*immolation*), приношение жертвы, получение чего-то большего взамен / воздаяние (любовь Пола и Мириам: «*she loved him so much, he loved her — loved her to the last fibre of his being*»⁸).

Включение имени собственного отца семейства — Уолтера Морела (*Walter Morel*) — в слот «приносимая жертва» (*something or somebody offered*) оправдано тем обстоятельством, что в некоторых контекстах романа его внешность и поведение описаны с помощью слов, обозначающих животных: *beast-like fashion* (звериная манера), *sulking dog* (обиженная собака). Миссис Морел в словах и мыслях вычеркивает мужа из семьи (*casting off of Morel*⁹) и тем самым приносит его в жертву во благо будущего своих сыновей. С философской точки зрения изгнание господина Морела из семьи есть жертвоприношение, которое «защищает сразу весь коллектив от его собственного насилия, оно обращает весь коллектив против жертв, ему самому посторонних. Жертвоприношение фокусирует на жертве повсеместные начатки раздора и расплывает их, предлагая им частичное удовлетворение» [10, с. 15]. Семья превращает Уолтера Морела в изгоя, предрешая тем самым его судьбу жертвы.

Исследователи отмечают, что общество изгоняет или отторгает «людей, которые не похожи на большинство» [11, с. 54], приносит их в жертву собственной целостности и умиротворенности. Предначертанность судьбы Морела — жертвы — объясняется тем, что он отрекся от Бога в себе самом: «*He had denied the God in him*». Приведенные контексты позволяют расширить объем слота «приносимая жертва» за счет включения в него лексических единиц *casting off* (отвержение), *outsider* (чужак). Лексема *God*, очевидно, принадлежит слоту «акт подношения божеству» (*the act of offering to a deity, a god*),

⁵ «Существо, ожидающее жертвоприношения».

⁶ «Она отдала себя в жертву».

⁷ «Он должен был принести ее в жертву».

⁸ «Она так сильно любила его, он любил ее — любил ее до последней капли своего существа».

⁹ «Отвержение Морела».

поскольку ее контекстное употребление раскрывает смысл Божественной силы, лежащей в основе жертвоприношения.

Языковые единицы, которые можно отнести к слоту «искупительная жертва» (propitiation), формируют суперординатный уровень во фрейме «жертва», поскольку отражают факультативные характеристики конкретных ситуаций. Как отмечалось выше, в ситуации сожжения куклы эти характеристики выражены словами *to hate*, *to rejoice*, *to be glad*. За принесением Морела в жертву будущему его детей следует воздаяние — любовь госпожи Морел к своим детям: «*casting him off and turning now for love and life to the children*»¹⁰. Таким образом, слот «искупительная жертва», выражающий основной смысл воздаяния, — начало новой жизни, возрождение, представлен эмоциями *to hate*, *to rejoice*, *to be glad*, *to love* и лексемой *life*.

Слот *surrender* (подчинение) имеет бинарную структуру, в которую входят два субслота: 1) акт передачи чего-либо во владение другого человека; 2) тот, кому осуществляется эта передача [12], — которые отражают отношения между приносимым в жертву и тем, кому или чему она предназначена. Имя собственное *Miriam* попадает в первый субслот, что подтверждается контекстами, из которых следует, что Мириам готова принести себя в жертву Полу: «*she fell into that rapture of self-sacrifice... which gives to so many human souls their deepest bliss*»¹¹; «*For her, the anguished sweetness of self-sacrifice*»; «*And in sacrifice she was proud, in renunciation she was strong*»¹². Данный субслот содержит амбивалентные эмотивные смыслы: с одной стороны, лексемы *rapture* (восторг), *sweetness* (сладость), *bliss* (блаженство), *to be proud* (испытывать чувство гордости), *to be strong* (быть сильным) эксплицируют положительный аксиологический контекст репрезентации концепта «жертва»; с другой стороны, такие эмотивы, как *tragedy* (трагедия), *sorrow* (горе), формируют контекст с негативной оценочностью: «*She saw tragedy, sorrow, and sacrifice ahead*»¹³.

В этот же субслот входит имя собственное *Mrs Morel*. Госпожа Морел приносит себя в жертву единению семьи через сплочение детей вокруг себя. Контекстуально ее имя оказывается связано с субстантивом «самоотречение» (*self-denial*), которое также становится репрезентантом рассматриваемого концепта: «*Her still face, with the mouth closed tight from suffering and disillusion and self-denial*»¹⁴. Глагол *to relinquish* («позволить кому-то другому занять ваше положение, получить власть или права, особенно неохотно») также входит в первый субслот и представляет концепт «жертвенность» в следующем

¹⁰ «Отвергнув его и обратившись теперь за любовью и жизнью к детям».

¹¹ «Она впала в тот восторг самопожертвования... который дает стольким человеческим душам глубочайшее блаженство».

¹² «Для нее мучительная сладость самопожертвования; И в самопожертвовании она была горда, в отречении она была сильна».

¹³ «Она видела трагедию, горе и жертвы впереди».

¹⁴ «Ее неподвижное лицо с плотно сжатым ртом от страдания, разочарования и самоотречения».

контексте: «She relinquished herself to him, but it was a sacrifice in which she felt something of horror»¹⁵.

Салиентным элементом второго слота является имя Иисуса Христа, которое раскрывает религиозный смысл самопожертвования Мириам: «She could only sacrifice herself to him... <...> Or did she want a Christ in him?»¹⁶. Использование прецедентного имени Christ в данном языковом контексте продиктовано стремлением автора апеллировать к набору дифференциальных признаков, характерных для данного образа. Прецедентные феномены являются «вербальной репрезентацией культурного и языкового наследия, а также особенностей формирования мировоззрения» носителей языка [13, p. 1099]. Объединяя образы Иисуса Христа и Пола, Д. Г. Лоуренс имплицитно выражает высокую степень религиозного мировосприятия Мириам, в котором ее отношения с Полом расцениваются как сакральная жертва.

Восприятие ситуации, которую репрезентирует слот «подчинение», порождает ее субъективные характеристики, выраженные лексемами to submit (подчиниться), to force (принуждать), suffering (страдание): «...she would submit, religiously, to the sacrifice. <...> ...but Life forced her through this gate of suffering, too, and she would submit»¹⁷. В структуру значения самопожертвования Мириам входит идея покорности, подчинения и страдания как Божественной необходимости. Жертва для героини — проявление Божественного начала, некие «врата страдания», через которые необходимо пройти.

Для Мириам образ ее молодого человека Пола соединен с образом Бога, поэтому ее жертва предназначена им обоим. Таким образом, слово God, с одной стороны, выступает как имя нарицательное, но с другой — как имя собственное. Именно в таком двойственном качестве оно включается в рассматриваемый слот. Жертвенность Мириам дуалистична: она жертвует себя Полу, но она приносит себя в жертву и Богу, заключая тем самым договор с ним («it was not his affair (Paul's), it was her own, between herself and God»). Мириам, идущая на заклатие, отождествляет себя с Богом: «Then she fell into that rapture of self-sacrifice, identifying herself with a God who was sacrificed»¹⁸.

Если для Мириам самопожертвование тесно связано со стремлением к единению с Полом, к жизни, то в случае с главным героем мы видим обратное: «It seemed to him that to sacrifice himself in a marriage he did not want would be degrading, and would undo all his life, make it a nullity»¹⁹. Для Мириам жертва —

¹⁵ «Она отдалась ему, но это была жертва, в которой она чувствовала нечто, похожее на ужас».

¹⁶ «Она могла только пожертвовать собой ради него... <...> Или она хотела видеть в нем Христа?».

¹⁷ «Она бы религиозно подчинилась жертве. <...> ...но Жизнь заставила ее пройти и через эти врата страдания, и она бы подчинилась».

¹⁸ «Затем она впала в этот восторг самопожертвования, отождествляя себя с Богом, которого принесли в жертву».

¹⁹ «Ему казалось, что пожертвовать собой в браке, которого он не хотел, было бы унижительно и разрушило бы всю его жизнь, сделало бы ее ничтожной».

путь к единению, к любви; отвергая жертву Мириам, Пол лишает ее жизни: «How bitter, how unutterably bitter, it made her that he rejected her sacrifice! Life ahead looked dead, as if the glow were gone out»²⁰. Приведенные контексты эксплицируют включенность в слот «подчинение» таких слов, как life (жизнь) и dead/death (смерть).

Знание о типизированной ситуации, представленной в слоте «подчинение» (sacrifice, self-sacrifice, life, death), усложняется индивидуальным ее восприятием, которое получает языковое отображение в таких словах, как rapture, sweetness, bliss, proud, strong, tragedy, sorrow, degrading, nullity.

Анализ текста романа «Сыновья и любовники» показал, что концепт «жертва» представлен двумя категориями бытия — «жизнь» и «смерть»; слова, их обозначающие — life и death — представляют слоты «искупительная жертва» и «подчинение». Имена собственные входят в слот «приносимая жертва», что следует интерпретировать как отражение мифологического сознания [14, с. 304] в восприятии жертвы и жертвенности, и слот «подчинение». Прецедентное имя Christ включается в репрезентацию исследованного концепта как обозначение единства таких характеристик, как «жертвенность», «любовь» и «смерть», и как отражение религиозного сознания, религиозного образа мыслей персонажей романа [15]. Отличительной особенностью языковой концептуализации жертвенности в романе является ее эмотивность, выраженная такими лексическими единицами, как to hate, to love, to rejoice, bliss, degrading, nullity и другими.

Список источников

1. Doherty G. D. H. Lawrence's *Sons and Lovers* and the culture of sacrifice. *The D. H. Lawrence Review*. 2010; (34/35): 5–24 URL: <https://www.jstor.org/stable/44234532> (дата обращения: 30.06.2021).
2. Чупрына О. Г. Язык. Культура. Текст: учеб. пособие. М.: Флинта; 2021. 104 с.
3. Басс Г. П. Концепт «Жертва» в русском и английском языках: на материале романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и его английского перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград; 2010. 21 с.
4. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004; № 1: 18–36.
5. Sacrifice. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sacrifice> (дата обращения: 30.06.2021).
6. Sacrifice. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/sacrifice> (дата обращения: 30.06.2021).
7. Sacrifice. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/sacrifice_1?q=sacrifice (дата обращения: 30.06.2021).
8. Lawrence D. H. *Sons and Lovers*. *The Project Gutenberg*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/217/217-h/217-h.htm> (дата обращения: 30.06.2021).

²⁰ «Как горько, как невыразимо горько было ей, что он отверг ее жертву! Жизнь впереди казалась мертвой, как будто сияние погасло».

9. Зурабова Л. Р. Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2020; 1 (6): 48–61.
10. Жирар Р. *Насилие и священное*. М.: Новое литературное обозрение; 2010. 448 с.
11. Клейменова Н. М., Абакарова Н. Г. Тематическая сетка exclusion в романах современных французских писателей. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2019; 4 (36): 51–58.
12. Surrender. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/surrender_1?q=surrender (дата обращения: 04.10.2021).
13. Afanasjeva O. V., Baranova K. M., Chupryna O. G. Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. In: E. Tareva, T. N. Bokova (Eds.). *Dialogue of Cultures — Culture of Dialogue: from Conflicting to Understanding, vol 95. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. London: European Publisher; 2020: 1098–1106. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
14. Чупрына О. Г. Переименование как лингво-когнитивное явление. *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Юбилейный сборник научных трудов*. М.: МПГУ; 2011: 303–309.
15. Чупрына О. Г. Прецедентные явления в языке и формирование образа мыслей. *Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка*: сб. материалов международной научной конференции. М.: МГОУ; 2014: 56–58.

References

1. Doherty G. D. H. Lawrence's *Sons and Lovers* and the culture of sacrifice. *The D. H. Lawrence Review*. 2010; (34/35): 5–24 URL: <https://www.jstor.org/stable/44234532> (дата обращения: 30.06.2021).
2. Chupry`na O. G. Yazy`k. Kul`tura. Tekst: учебное пособие. М.: Flinta; 2021. 104 с.
3. Bass G. P. Koncept «Zhertva» v russkom i anglijskom yazy`kax: na materiale romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» i ego anglijskogo perevoda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kaliningrad; 2010. 21 s.
4. Boldy`rev N. N. Konceptual`noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*. 2004; № 1: 18–36.
5. Sacrifice. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sacrifice>.
6. Sacrifice. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/sacrifice>.
7. Sacrifice. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/sacrifice_1?q=sacrifice.
8. Lawrence D. H. *Sons and Lovers*. *The Project Gutenberg*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/217/217-h/217-h.htm>.
9. Zurabova L. R. Pereklyuchenie kodov v usloviyax dvuyazy`chiya: stanovlenie oblasti lingvisticheskix issledovanij. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2020; 1 (6): 48–61.

10. Zhirar R. Nasilie i svyashhennoe. M.: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. 448 s.
11. Klejmenova N. M., Abakarova N. G. Tematicheskaya setka exclusion v romanax sovremenny`x francuzskix pisatelej. Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie. 2019; 4 (36): 51–58.
12. Surrender. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: https://www.oxford-learnersdictionaries.com/definition/english/surrender_1?q=surrender (дата обращения: 04.10.2021).
13. Afanasjeva O. V., Baranova K. M., Chupryna O. G. Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. In: E. Tareva, T. N. Bokova (Eds.). *Dialogue of Cultures — Culture of Dialogue: from Conflicting to Understanding, vol 95. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. London: European Publisher; 2020: 1098–1106. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
14. Chupry`na O. G. Pereimenovanie kak lingvo-kognitivnoje yavlenie. Aktual`ny`e problemy` anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki. Yubilejny`j sbornik nauchny`x trudov. M.: MPGU; 2011: 303–309.
15. Chupry`na O. G. Precedentny`e yavleniya v yazy`ke i formirovanie obraza my`slj. Formirovanie kul`turnoj i yazy`kovoje kompetentnosti v processe izucheniya inostrannogo yazy`ka. Internet i izuchenie inostrannogo yazy`ka: sb. materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: MGOU; 2014: 56–58.

Информация об авторе

Александра Юрьевна Мозесон — аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Aleksandra Yu. Mozeson — postgraduate student of English Philology Department Institute of foreign languages MCU.

Обзорная статья

УДК: 378.18

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.15

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
обзор материалов монографии «Другие берега русской
литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты»
(Вроцлав; Краков, 2021)**

Романова Галина Ивановна

Институт гуманитарных наук

Московского городского педагогического университета,

galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Для цитирования: Романова Г. И. Литература русского зарубежья: обзор материалов монографии «Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты» (Вроцлав; Краков, 2021) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 147–152. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.15

Review article

**LITERATURE OF THE RUSSIAN EMIGRATION:
a Review of the Monograph *Other Sides of Russian Literature
and Culture: Ideas, Poetics, Contexts* (Wroclaw; Krakow, 2021)**

Galina I. Romanova

Institute of Humanities,

Moscow City University,

galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

For citation: Romanova G. I. Literature of the Russian Emigration: a Review of the Monograph *Other Sides of Russian Literature and Culture: Ideas, Poetics, Contexts*

© Романова Г. И., 2021

(Wroclaw; Krakow, 2021). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 147–152. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.15

Коллективная монография под редакцией Эльжбеты Тышковской-Каспшак, Илоны Мотеюнайте и Альфии Смирновой при участии Марии Гей создана по материалам международной конференции, прошедшей во Вроцлаве (Польша) в 2020 г., и издана в Кракове (Польша) в 2021 г.

Заглавием научной монографии об истории и культуре русской эмиграции редакторы избрали выражение «другие берега», вызывающее богатые литературные ассоциации и ставшее традиционным в биографических повествованиях писателей со времени работы А. И. Герцена «С того берега» (1855) и до публикации русского перевода книги В. В. Набокова «Другие берега» (1954). Как писал С. Кржижановский, «заглавие — кратчайший из кратких рассказов о книге» («Поэтика заглавий», 1931), заглавие же, использованное неоднократно, обогащается дополнительными коннотациями. В представлении Герцена, одного из первых российских «невозвращенцев», человек — «печальный строитель мостов», которые соединяют берега, чтобы по ним свободно ходили люди будущего. В книге Набокова нет и малой доли герценовского оптимизма и ясно ощущается горчинка вечного отчуждения. Как визуализация эпиграфа к книге Набокова (Сирина) «Дар»: «...Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна», — воспринимается и рисунок, помещенный на обложке научного издания: воробей на ветке березы. Трезво оценивая события и судьбы, авторы коллективной монографии осмысливают прошлое как культурную ценность и вкладывают вполне оптимистичный смысл в «другие берега» литературы.

В книге нет хронологически последовательного изложения событий. Не история, но историзм как основной принцип исследования объединяет разделы, написанные учеными из России, Польши, Чехии, Украины. Творчество русских писателей-эмигрантов разных эпох объединяется в единое культурное целое.

В первом разделе «*История эмиграции*» освещаются биографические данные писателей, по разным причинам оказавшихся за пределами родины. Так, проф. МГПУ *И. А. Беляева* но-новому осмысливает причины эмиграции А. И. Герцена, который считал свой отъезд из России «не забвением родины, но фактом свободы» («Дорога из России в Европу: к вопросу об эмиграции Александра Герцена», с. 13–26). В статье проф. *А. И. Смирновой* «Труд Глеба Струве “Русская литература в изгнании” как опыт системного изучения культуры русского зарубежья» предпринята попытка определения методологического значения труда выдающегося исследователя истории литературы русской эмиграции (с. 81–91). Проведя системный анализ книги, автор статьи приходит к выводу о том, что Струве, определяя вклад каждого писателя, утверждал культурную значимость и ценность русской литературы в изгнании в целом, убедительно опровергая мнение о ее бесплодности.

Проф. Института славянской филологии Вроцлавского университета *И. Малей* в параграфе «Преданная самой себе: Зинаида Серебрякова в эмиграции» показывает, что, пребывая в вынужденной (исключительно по экономическим причинам) эмиграции, русская художница создавала в основном портреты, воспевая гармонию единства физической и душевной красоты (с. 27–37). Текст исследования сопровождается великолепного качества иллюстрации — репродукции картин Серебряковой марокканского периода, в которых отразилось ее восхищение жизненной энергией человеческого тела.

Обращаясь к эмигрантскому периоду жизни русских поэтов, проф. МГИМО *М. Полехина* уточняет биографические детали и проводит параллели в судьбах Н. Тэффи и М. Цветаевой, остановившись на эпизоде из их переписки 1932 г. («Надежда Тэффи и Марина Цветаева: история одной “невстречи”», с. 39–56).

Ведущий научный сотрудник РГБ *М. Бабичева* в материале «Советский? Антисоветский? Русский! (Родион Акульшин / Берёзов — писатель второй волны русской эмиграции)» отмечает, что успевший издать более сорока книг и профессионально состояться еще на родине русский писатель и в США стал одним из самых издаваемых членов русской диаспоры, написав более трехсот произведений малой и средней эпической формы (с. 57–68).

В параграфе «Уроки памяти. О творчестве Елены Макаровой» *Б. Павлетко* (Силезский университет, Катовице) обратилась к творчеству представительницы третьей волны русской эмиграции (Большой алии), чей переезд в Израиль можно определить скорее как выбор, чем вынужденность (с. 69–80).

Во втором разделе «*Идеи и полемики эмиграции*» осмысливается содержательная составляющая творчества эмигрантов: прежде всего, их отношения с метрополией и проблема самоидентификации, а также научные и литературные дискуссии.

В работе «Мотив гибели Руси в публицистике Ивана Бунина» доцент МГПУ *Л. И. Щелокова*, рассмотрев прозвучавший в религиозном контексте мотив, выделила его семантически значимые элементы (культура, язык, творчество) и смысловое ядро — танатологический мотив кончины (с. 109–116).

Обращаясь к творчеству эмигранта первой волны, *И. Тарасова* (Саратовский гос. ун-т) в параграфе «Отчего я эмигрант?»: стратегии неприятия советской действительности в мемуарной прозе Георгия Иванова» выявляет основные принципы создания негативного воссоздания эпохи (с. 117–128). Это стратегии дискредитации, дистанцирования, конфронтации, мифологизации.

В работе «Об эмигрантской (не)свободе: из полемики Зинаиды Гиппиус с Павлом Милюковым» *И. Крыцка-Михновска* (Варшавский университет) исследует феномен ограничения свободы слова в эмиграции (с. 129–142). Как олицетворение цензуры в среде изгнанников Гиппиус воспринимала председателя парижского Союза русских писателей и журналистов, редактора газеты «Последние новости» Милюкова — историка, мемуариста, до революции крупного политического деятеля.

Вопрос об авторстве «Тихого Дона» рассмотрел проф. МГПУ *С. А. Васильев* в работе «Восприятие творчества М. А. Шолохова русской эмиграцией (на материале «Шолоховской энциклопедии»)» (с. 143–149). Особо отмечена точка зрения Г. С. Ермолаева, выраженная в энциклопедической статье. Старейший представитель второй волны эмиграции признал авторство Шолохова в «Тихом Доне» неопровержимо доказанным.

Театральная деятельность М. Чехова — в центре внимания работы проф. *Е. Токаревой* и проф. *О. Малышевой* (МГПУ) «Антропософские идеи в эмигрантском творчестве Михаила Чехова» (с. 151–164). В эмиграции (причины которой авторы видят не в политике, но в области творческой и личной жизни) выдающегося актера, режиссера и педагога антропософия стала инструментом преодоления собственных страданий, самобичевания и фобий. С помощью этих идей Чехов сумел создать свою школу и методики актерского мастерства, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Полемическое истолкование статей Л. Андреева дано в параграфе *Ю. Дмитриевой* (Масариков ун-т, Брно) «Леонид Андреев в эмиграции (идейное содержание статей “S.O.S.” и “Их приход”»)» (с. 165–173). Материал *Ю. Павельевой* (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) посвящен творчеству Д. Кленовского (наст. фамилия — Крачковский), которого критика включает в ряд лучших поэтов второй волны эмиграции (с. 185–196). Аспирант Гуманитарно-естественного университета имени Яна Длугоша в Ченстохове *В. Самсонов* анализирует образ поляка-эмигранта в романе Э. Лимонова «Палач», написанном в 1986 г. (с. 197–210).

Третий раздел монографии «*Поэтика литературы зарубежья*» посвящен анализу различных аспектов художественного творчества. Все части этого раздела поднимают актуальные темы, отражают современный уровень литературоведческого знания. Характерно использование междисциплинарного подхода. В центре внимания авторов — синтез искусства слова и музыки («Поэтика музыкальных форм в лирике русского зарубежья» *Н. Осиповой*, проф. Вятского гос. ун-та), литературы и визуальных видов искусства («Визуальная поэтика в романе Бориса Поплавского “Аполлон Безобразов”» *А. Гребеницкой*, Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина), художественной прозы и философии («Философские романы Федора Степуна» *М. Зёмека*, Ягеллонский университет) и др. (с. 247–278; 299–309). Интерес исследователей вызывают получившие известность произведения М. Шишкина (*А. Скотницка* «Мотив Тристана и Изольды в романе Михаила Шишкина “Венерин волос”. Постановка вопроса», с. 379–391), Д. Рубиной (*Л. Шевченко* «Судьба и случай в трилогии Дины Рубиной “Наполеонов обоз” (Дина Рубина и Марк Алданов)», с. 393–411). В раздел включены два материала о творчестве С. Довлатова. Раскрывая способы создания иронического эффекта в повести «Заповедник», *О. Крюкова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) приходит к выводу о том, что модус осмысления мира воплощается в языке персонажей, влияет на концепцию

личности («Языковые средства воплощения иронического модуса в повести Сергея Довлатова “Заповедник”», с. 353–361). Проф. Вроцлавского университета Э. Тышковска-Каспиак в параграфе «Искусство портрета: “Не только Бродский” Марианны Волковой и Сергея Довлатова» делает вывод о том, что довлатовский текст под фотографиями Волковой раскрывает характер, ментальность, темперамент изображенных представителей российской культуры, их образ жизни и нравы эпохи (с. 363–378). Тексты Довлатова, совпадающие по своей структуре с жанром литературного анекдота, не сводимы к реальной ситуации, послужившей материалом для его создания. Словесный портрет в данном случае выходит за рамки официального образа и раскрывает антропологический аспект персонажа.

Обратившись к творчеству Н. Тэффи, проф. университета в Ольштыне И. А. Ндяй выделила различные культурные коннотации зоонима «собака», связанные с историей, традициями, бытом и языковой картиной мира («Образ собаки в языковой картине мира Надежды Тэффи (на материале эмигрантской прозы)», с. 337–351).

Четвертый раздел — «*Гетеротопии в литературе эмиграции*» — выделен редакторами как наиболее явно отражающий специфику зарубежья через призму описаний пространства. Сведения о беллетристе XIX в. Н. Н. Фирсове и о его путешествии по Италии вводит в научный оборот Е. Шкапа из Высшей школы экономики («Неопубликованные рассказы Н. Н. Фирсова как зеркало объединенной Италии», с. 415–425). В работе «Образ родного города в творчестве Виктора Некрасова (на материале “Записок зеваки”») А. Бортновски (университет им. Адама Мицкевича в Познани) рассматривает изображение Киева (с. 427–438). Проф. Псковского государственного университета И. Мотейунайте в параграфе «Идея дома в романе Елены Катишонок “Когда уходит человек”», замечая, что произведения писательницы связаны локальными образами Риги, дает интерпретацию архетипического образа дома, обусловленного феноменом эмиграции (с. 439–448).

Русские эмигранты-литераторы расселены в мировом пространстве, и это пространство нашло отражение в их творчестве. Иерусалимский текст рассмотрен проф. Университета Яна Кохановского в Кельце И. Новаковска-Оздоба в материале «Иерусалим эмигрантов в романе Дины Рубиной “Вот идет Мессия!..”» (с. 449–458). Особенности американского локуса показаны в исследовании адъюнкта Университета им. Адама Мицкевича в Познани А. Распопова «“Нью-йоркский текст” в пространстве русской литературы (на материале романа Александра Стесина “Нью-йоркский обход”»)» (с. 459–474).

Завершая обзор монографии, отметим ее главный итог: культурные ценности, выработанные представителями русской эмиграции и освоенные литературоведами разных стран, оказались включенными в современную картину мира, культурный контекст XXI в., другими словами, переправленными на «берега» другой эпохи.

Информация об авторе

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Galina I. Romanova — Doctor of Philology, docent, full professor of Russian Literature Department Institute of Humanities MCU.

Рецензия

УДК: 81.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.16

РЕЦЕНЗИЯ НА:

С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова.
Теория языка: антропологистика: учебное пособие.
М.: ИД ВКН, 2021. 256 с.

Горбунов Юрий Иванович

Тольяттинский государственный университет,

yourigorbounov@tltsu.ru

Для цитирования: Горбунов Ю. И. Рецензия на: С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова. Теория языка: антропологистика: учебное пособие. М.: ИД ВКН, 2021. 256 с. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 153–161. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.16

Review

REVIEW OF:

S. V. Grinev-Grinevich, E. A. Sorokin, L. G. Vikulova.
Language Theory: AnthropoLinguistics: Textbook.
M. : VKN Publishing House; 2021. 256 s.

Yury I. Gorbunov

Togliatti State University,

yourigorbounov@tltsu.ru

For citation: Gorbunov Yu. I. Review of: S. V. Grinev-Grinevich, E. A. Sorokin, L. G. Vikulova. Language Theory: AnthropoLinguistics: Textbook. M.: VKN Publishing House; 2021. 256 s. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education.* 2021; (4): 153–161. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.16

Рецензируемое учебное пособие включает в себя шесть разделов по основным проблемам антропологистики и становления терминоведения, глоссарий, обширный библиографический список основной и дополнительной литературы. Издание предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям: «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Медиация», «Филология», «Педагогическое образование».

Цель учебного пособия состоит в том, чтобы раскрыть содержание антропологической лингвистики и установить ее границы. Основная задача антропологической лингвистики — реконструировать недостающие страницы эволюции человека, обратив внимание на развитие мышления и отражение этого процесса в языке, преимущественно на его лексическом составе. Такой подход обусловлен новыми открытиями в области антропологии, что неизбежно ведет к пересмотру теории эволюции человека.

Учебное пособие предваряется кратким **введением**, в котором рассматриваются работы предшественников в области антропологической лингвистики, их достижения, недостатки и заблуждения. Авторы рецензируемого учебного пособия предлагают новый подход в изучении эволюции познания и сознания человека, который основан на использовании лексических данных в реконструкции и анализе формирования человеческой ментальности и культуры. В данном случае устанавливаются этапы эволюции человеческого познания, каждый из которых характеризуется существенными изменениями в деятельности, объеме словаря, преобладающим видом лексики и единиц мысли, типом культуры, а также отношением к языку.

В **первой главе** учебного пособия рассматриваются основные черты антропологической лингвистики. Основное внимание уделяется вопросу ее становления как науки, анализируются предпосылки ее появления, основные постулаты и достижения. В главе выявляются такие важные закономерности, как 1) особая роль лексики, составляющей словарь того или иного языка, которая позволяет познать обычаи и повседневную жизнь человека в тот или иной период; 2) взаимосвязь истории слов и истории реалий, которая лежит в основе развития методики исторической семантики; 3) использование исторических изменений словаря в качестве фактора развития культуры и мышления человека и др.

Авторы учебного пособия обращают внимание на ведущую роль когнитивной лингвистики, которая значительно стимулировала исследования языка в познании. В данном случае особый импульс получает развитие языковой картины мира как совокупности представлений о мире, определенном способе восприятия и устройства мира, исторически сложившихся в обыденном сознании некоего языкового коллектива (с. 17). В то же время подчеркивается важная роль таких дисциплин, как культурология и лингвокультурология, которые пытаются создать теорию формирования культуры в рамках антропогенеза.

Указывая на связь антропологической лингвистики с различными направлениями в рамках современного языкознания, авторы учебного пособия выделяют психологическую лингвистику, которая занимается развитием речи в онтогенезе. Что касается социологической лингвистики, то она должна заниматься стратификацией народонаселения в зависимости от степени ментального развития, отражаемого в объеме активного словаря (с. 35).

По мнению авторов учебного пособия, антропологическая лингвистика тесно связана не только со многими направлениями современного языкознания, но и с целым рядом наук, которые лежат за пределами лингвистики. Эта мысль методично

прослеживается в всех главах, когда обсуждается роль научно-технической терминологии в становлении и формировании антропологической лингвистики как самостоятельного научного направления.

Вторая глава учебного пособия посвящается проточеловеческому периоду эволюции человека: от австралопитека до кроманьонца. В главе подробно рассматриваются общие черты и проблемы указанного периода, теории происхождения языка, в особенности начальной стадии его развития. Предполагается, что в указанный период лексические единицы имели вид первых звуковых сигналов — однословных протослов, которые обозначали представления памяти. При этом не исключается и появление полных слов в конце проточеловеческого периода. Значения большинства лексических единиц были предельно широкими и соотносились с объектами, обладавшими внешним сходством. Эта характеристика лежит в основе определения семантической сверхгенерализации, когда одно протослово служит для обозначения многих, часто очень разных, объектов.

Донаучный период эволюции человека — основная тема **третьей главы** учебного пособия. Донаучный период связан с появлением биологически современного человека и продолжался более сотни тысячи лет. Он включает в себя эпоху от начала появления примерно 200 тысяч лет назад кроманьонского человека — человека разумного — до Античности (примерно V век до н. э.), для многих стран и культур, включая раннее Средневековье (V–XII вв.).

В третьей главе авторы учебного пособия рассматривают не только общие черты и проблемы обозначенного периода. Значительное внимание уделяется прежде всего словарю и его объему в конце донаучного периода. При этом рассматривается характер представлений раннего человека, а также последовательность появления некоторых областей знания. Кроме того, филогенетические данные сопоставляются с онтогенетическими.

Как утверждают авторы учебного пособия, лексика этого периода отличается обобщенностью значений, слова принадлежат к обыденной, общеупотребительной лексике и называют общие представления. В конце этого периода происходит формирование специальных видов деятельности и начинают появляться прототермины.

Четвертая глава учебного пособия посвящается протонаучному периоду эволюции человека. Его длительность составляет примерно 1500 лет. В этот период появляется специальная лексика, термины, которые **называют** предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека. Одновременно развивается обратный процесс, когда возрастает объем общей лексики за счет перехода некоторых профессиональных слов в обыденную лексику. Тем не менее профессиональная лексика превалирует благодаря интенсивному расслоению общества, в котором помимо дифференциации на образованных и неграмотных людей значительно увеличивается слой квалифицированных работников. В сложившихся социальных условиях развиваются различные индивидуальные словари, особо выделяется лексикон

ремесленников. Таким образом совершенно естественно зарождается и развивается лексикография как одноязычная, так и двуязычная, когда осуществляются переводы, в первую очередь с латинского языка на другие национальные языки. В целом данный период характеризуется как время, когда слова только собираются и регистрируются в словарях.

Пятая глава учебного пособия отражает научный период эволюции человека, продолжительность которого, если принять в качестве отправной точки появление в XVIII в. классификации К. Линнея, составляет примерно 200 лет. Как утверждают авторы учебного пособия, в научный период наблюдается резкий рост числа новых терминов, в сотни раз превосходящий число общеупотребительных слов, и появление номенклатурных единиц (номенов) — наименований единичных понятий и близких к ним элементов предельно нижних уровней классификаций. Наряду с распространением новых типов лексики и новых типов идей происходит усложнение структуры не только общего, но и индивидуального словаря, его стратификация с формированием слоев общеупотребительной лексики и лексики специальной.

Количественные и качественные изменения словаря, отражающие существенные изменения сознания человека, радикальную трансформацию окружающей его среды, приводят авторов учебного пособия к выводу о том, что научный этап эволюции сознания человека закончился во второй половине XX в. На этом этапе происходит резкая смена в отношении к языку, который начинает восприниматься как орудие мышления и познания, которое можно совершенствовать.

В первой половине XX в. появляются публикации, свидетельствующие о терминоведении как науке (Вюстер, Лотте). В дальнейшем терминоведение совершенствуется: появляются эффективные методы анализа и описания терминологии, формируются принципы устранения недостатков терминологий. Растет количество стандартов на термины и определения как в самой России, так и за рубежом, возникают информационно-поисковые тезаурусы.

В **шестой главе** рассматривается современный период эволюции человека, который авторы учебного пособия предпочитают называть информационным, поскольку ведущей областью деятельности развитых стран становится производство и обработка информации, а сознание человека все больше формируется на основе получаемой информации. Информационный период начинается со второй половины XX в. и продолжается в наши дни. Этот период характеризуется быстрыми темпами наполнения общего словаря, который развивается благодаря высокой специализации областей знания с тысячами словарей специальной лексики. Достаточно быстро растет индивидуальный словарь среднего человека. Что касается терминоведения, которое сформировалось в конце 1980-х гг., то это направление к началу XXI в. представляет собой уже целый комплекс, включающий более десятка независимых научных дисциплин.

В информационный период центром притяжения ученых становится специальная лексика как совокупность лексических единиц, в первую очередь терминов, специальных областей знания. Именно в специальной лексике

наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа. Происходящие в языке изменения, прежде всего на лексическом уровне, позволяют проследить не только развитие отдельных областей знания и культуры в целом, но и совершенствование человеческого сознания. В эволюции мышления человека оказывается возможным проследить смену отдельных этапов, характеризующихся объемом и общими свойствами употребляемой лексики. По мнению авторов рецензируемого учебного пособия, в дальнейшем диахроническое исследование терминологии с целью определения закономерностей развития научного познания и мышления человека может быть связано с переходом от традиционного рассмотрения разноразличной терминологии как средства представления единой системы понятий к изучению одноязычной разновременной терминологии в качестве варианта единой глубинной понятийной системы и затем — к сопоставительному диахроническому анализу семантических полей. Такой подход позволит установить не только специфику становления системы понятий в разной языковой среде, но и ее универсальные черты, присущие человеческому мышлению безотносительно к языковой среде и определяемые объективными условиями обитания и особенностями человеческого мышления.

В семантическом аспекте первоначально расплывчатые широкие значения наиболее ранних слов постоянно конкретизируются и уточняются благодаря появляющимся новым словам, происходит перераспределение значений. В конечном итоге с развитием сознания человека происходит постоянное уточнение значений используемых слов, снимается их неопределенность. Наряду с расслоением лексики и выделением терминов, общеупотребительный язык изменяется медленно. При этом в нем сохраняются прежние слова, что свидетельствует о том, что предшествующие уровни сознания не исчезают, а продолжают существовать. Таким образом, авторы учебного пособия приходят к выводу о том, что одним из дальнейших направлений антропологических исследований будет установление полного перечня характеристик основных этапов эволюции человека и изучение возможностей проецирования тенденций их развития в будущем.

Оценивая в целом положительно рецензируемое учебное пособие, хотелось бы остановиться на некоторых положениях, которые заслуживают более широкой трактовки и изложения в русле современной антропологической науки. Так, при рассмотрении эпохи раннего Средневековья авторы учебного пособия справедливо отмечают высокую значимость для научных исследований уже существовавшей в то время письменности. Письменность раннего Средневековья действительно дала возможность исследовать ранние представления, выявить фрагменты картины мира, проследить их историческое развитие. Не вызывает сомнения тот факт, что именно рукописные книги в обозначенный период становились значимыми текстами, дававшими обществу ключ к культуре своего времени [1].

Таким ключом явилась знаменитая «**Общая и рациональная грамматика**» А. Арно и Кл. Лансло, научный труд монахов монастыря Пор-Рояль,

основанного во Франции под Парижем в 1204 г. и ставшего центром передовой мысли того времени [2]¹. Грамматика Пор-Рояля является антропоцентрической по своей сути и, следовательно, заслуживает особой оценки в рамках развития современной антропологической лингвистики. Как справедливо отмечает В. Г. Гак, авторы грамматики Пор-Рояля видели в языке зеркало мысли и стремились объяснить его правила, исходя из категорий мысли и логики. Заслугой этой грамматики является стремление создать общую теорию языка, объяснить его факты с менталистских позиций. Вместе с тем ей свойственен чрезмерный рационализм, желание все объяснить в языке логически [3, с. 49].

В свою очередь, Е. А. Реферовская указывает также на широкий диапазон понимания грамматики Пор-Рояля, которая пришла на смену философской теории схоластической науки и исходила в своих рассуждениях о языке из рационалистической философии Рене Декарта. Авторы грамматики исходили из того, что язык есть порождение человеческого разума, а не догма и не Божественный дар, как утверждали схоласты. Ученые Пор-Рояля ставили своей целью найти общие принципы строения языков, принципы, опирающиеся на логику, ибо язык управляется разумом, отражая логику вместе с ее законами. Задача грамматиста состояла в том, чтобы объяснить, какова связь между интеллектуальной деятельностью человека и языком и почему существуют те или иные языковые обычаи и нормы [4, с. 7].

Грамматика Пор-Рояля явилась стимулом для становления новой грамматической школы. Она была положена в основу исследования многих европейских языков, оказала серьезное влияние на развитие логического, структурного и математического языкознания последующих веков. В России первое издание грамматики Пор-Рояля вышло в издательстве «Прогресс» в 1990 г. в переводе Н. Ю. Бокадоровой с предисловием Ю. С. Степанова «Пор-Рояль в европейской культуре» [5]. В 1991 г. в издательстве Ленинградского государственного университета также вышел русский перевод под названием: «Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля)», снабженный комментариями и большой вступительной статьей (переводчики: Ю. С. Маслов, Е. Д. Панфилов, М. В. Гордина) [6].

Стремительное развитие языкознания в XX в., связанное с выходом в свет в 1916 г. книги Фердинанда де Соссюра «Курс общей лингвистики» (благодаря стараниям его учеников и последователей — Шарля Балли и Альбера Сеше), привели к формированию **метаязыка языкознания**, т. е. языка «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как язык-объект, предмет языковедческого исследования [7, с. 297–298]. Метаязык языкознания представляет собой сложное явление, в основе которого,

¹ Об истории первого и последующих изданий этого труда во Франции подробно пишет Н. Ю. Бокадорова, которая указывает, в частности, что первое издание, вышедшее в Париже в 1660 г., было подписано инициалами издателя D. T. (De Trigny); объем книги в страницах не указан (см. послесловие в книге: [5: с. 244–260]).

с одной стороны, лежат системные отношения между лингвистическими терминами, а с другой стороны, общенаучная лексика, а именно те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов языковедческого исследования. Метаязык как средство научного общения используется и реально существует в соответствующей **метаречи** ученых, исследующих те или иные свойства объекта. Таким образом, актуально будет установить прямую связь между метаязыком и метаречью языкознания и определить их место в русле современной антропологической лингвистики, которая рассматривает процесс формирования и становления терминологии различных наук, среди которых лингвистика занимает не последнее место.

Рассуждая о текущих проблемах современной теории языка и антропологической лингвистики, невозможно оставить в стороне новые тенденции формирования и развития **лингвистической терминологии** под воздействием **синергетики**. В 2006 г. в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского университета вышла в свет монография Р. Г. Пиотровского «Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы», в которой рассматриваются теоретические положения синергетики применительно к статике и динамике языка и индивидуальной речемыслительной деятельности человека (РМД), обсуждаются вопросы компьютерного моделирования синергетических механизмов и их включение в современные системы автоматической переработки устного и письменного текстов [8].

Следы синергетики Р. Г. Пиотровский ищет в структурно-типологическом сопоставлении различных языков, скачкообразном изменении структуры языка, которые проявляются в ходе его исторического развития и часто совпадают с периодами интенсивной межъязыковой интерференции, в преобразовании «мягких» (хаотических) состояний пиджинов в более «жесткие» системы креольских языков. Основные понятия синергетики соотносятся с основными парадоксами речемыслительной деятельности, или дихотомическими антиномиями, среди которых: 1) антиномия системы языка — системы речи и построения конкретного текста; 2) антиномия языка коллектива и идиолекта, т. е. РМД конкретного человека; 3) антиномия языка в целом и его разновидностей и стилей; 4) антиномия коллективной или индивидуальной РМД в норме и патологии; 5) антиномия синхронии и диахронии; 6) антиномия между применением языка носителями и его освоением и использованием иноязычниками [8, с. 12–13].

В своих трудах Р. Г. Пиотровский рассматривает вопросы, связанные с интерференцией языков, анализирует синергетические процессы, которые лежат в основе языковых контактов в диахроническом аспекте. Диахроническая синергетика рассматривается им с учетом фактора языковой политики государства², и прежде всего с позиции внешней экспансии языка. В этом

² О языковой политике государств смотрите более подробно в монографии: *Марусенко М. А.* Новый мировой языковой порядок. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена; 2019. 684 с.

направлении анализируется синергетика тюркских языков, имперских (доминантных) и туземных языков, которая ведет к пиджинизации и созданию креольских языков.

Особое достоинство этой концепции состоит в том, что в ней содержатся результаты сравнительного анализа синергетики индивидуальной РМД психически здорового человека, с одной стороны, и человека с явными речемыслительными расстройствами, с другой стороны. К числу достижений психиатрической лингвистики следует отнести вывод о том, что значимые отклонения энтропии текста от стандартного уровня в сторону ее увеличения свидетельствуют об ослаблении механизмов саморегуляции в системах языка и речи³. Результаты информационных измерений имеют несомненную практическую значимость: они могут быть использованы при решении как теоретических, так и прикладных проблем при построении лингвистических автоматов.

В конечном итоге синергетика позволяет по-новому взглянуть на статику и лингвистическую динамику, на соотношение порядка, хаоса и творческого контроля в речи и языке со стороны его носителя. Синергетика намечает новые способы упрощающего моделирования лингвистической действительности. Достижения лингвистической синергетики в области романской филологии и терминоведения подробно рассматриваются в монографии «Информационно-семиотическая природа и синергетика романских языков» [9]. В общем, можно с уверенностью сказать, что концепция лингвистической синергетики представляет собой значительный вклад в современную лингвистику и располагает значительными ресурсами для дальнейшего развития антрополингвистики.

Завершая рассуждения по поводу рецензируемого учебного пособия по теории языка и антрополингвистике, следует особо подчеркнуть, что данная книга адресована не только студентам высших учебных заведений, но и широкому кругу специалистов, работающих в области социогуманитарной сферы, а также научным работникам, которые специализируются в области терминоведения, лексикологии, общей и прикладной лингвистики, антропологии, всем тем, кто интересуется проблемами становления современного человека и цивилизации.

Список источников

1. Викулова Л. Г. Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2013; № 1 (37): 11–17.
2. Arnaud A., Lancelot Cl. *Grammaire générale et raisonnée*. Paris: Edition de D. T. (De Trigny); 1660.
3. Гак В. Г. *Теоретическая грамматика французского языка*. М.: Добросвет; 2000. 832 с.

³ Актуальные проблемы психиатрической лингвистики рассматриваются в книге: *Пашковский В. Э. Психиатрическая лингвистика* / В. Э. Пашковский, В. Р. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский. М.: Либроком, 2009. 162 с.

4. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). СПб: Петербург – XXI век; 1996. 176 с.
5. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля [пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; общ. ред. и вступ. статья Ю. С. Степанова]. М.: Прогресс; 1990. 272 с.
6. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля). [пер. с фр. Ю. С. Маслова и др.]. Л.: Изд-во ЛГУ; 1991. 126 с.
7. Гвишиани Н. В. Метаязык. В: Ярцева В. Н. (Гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия; 1990. 685 с.
8. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; 2006. 160 с.
9. Горбунов Ю. И. Информационно-семиотическая природа и синергетика романских языков: монография. Тольятти: Изд-во ТГУ; 2016. 160 с.

References

1. Vikulova L. G. Stanovlenie instituta pis`mennoj rechi v srednevekovoj Francii: sociokul`turny`j i kommunikativny`j aspekty`. *Social`ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal`nem Vostoke*. 2013; № 1 (37): 11–17. (In Russ.).
2. Arnaud A., Lancelot Cl. *Grammaire générale et raisonnée*. Paris: Edition de D. T. (De Trigny); 1660.
3. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy`ka*. M.: Dobrosvet; 2000. 832 s. (In Russ.).
4. Referovskaya E. A. *Filosofiya yazy`ka i grammaticheskie teorii vo Francii (iz istorii lingvistiki)*. SPb: Peterburg – XXI vek; 1996. 176 s. (In Russ.).
5. Arno A., Lanslo K. *Grammatika obshhaya i racional`naya Por-Royalya* [per. s fr., komment. i poslesl. N. Yu. Bokadorovoj; obshh. red. i vstup. stat`ya Yu. S. Stepanova]. M.: Progress; 1990. 272 s. (In Russ.).
6. Arno A., Lanslo K. *Vseobshhaya racional`naya grammatika: (Grammatika Por-Royalya)*. [per. s fr. Yu. S. Maslova i dr.]. L.: Izd-vo LGU; 1991. 126 s. (In Russ.).
7. Gvishiani N. V. *Metayazy`k. V: Yarceva V. N. (Gl. red.). Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`*. M.: Sovetskaya e`nciklopediya; 1990. 685 s. (In Russ.).
8. Piotrovskij R. G. *Lingvisticheskaya sinergetika: isxodny`e polozheniya, pervy`e rezul`taty`, perspektivy`*. SPb.: Filologicheskij f-t SPbGU; 2006. 160 s. (In Russ.).
9. Gorbunov Yu. I. *Informacionno-semioticheskaya priroda i sinergetika romanskix yazy`kov: monografiya*. Tol`yatti: Izd-vo TGU; 2016. 160 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Горбунов Юрий Иванович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета.

Information about the author

Yury I. Gorbunov — Doctor of Philology, professor, full professor of Theory and Practice of Translation Department, Togliatti State University.

Обзорная статья

УДК: 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.17

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
о международном научном проекте «Русские писатели-
классики и национальные литературы» (2009–2021), Ереванский
государственный университет им. В. Я. Брюсова, Армения**

Калашников Сергей Борисович

Институт гуманитарных наук

Московского городского педагогического университета,

sergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

Для цитирования: Калашников С. Б. Межкультурные связи в современном мире: о международном научном проекте «Русские писатели-классики и национальные литературы» (2009–2021), Ереванский государственный университет им. В. Я. Брюсова, Армения // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 162–165. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.17

Review article

**INTERCULTURAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD:
Regarding the International Scientific Project *Russian Writers-
Classics and National Literatures* (2009–2021), Yerevan State
University Named after V. Ya. Bryusov, Armenia**

Sergey B. Kalashnikov

Institute of Humanities,

Moscow City University,

sergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

For citation: Kalashnikov S. B. Intercultural Relations in the Modern World: Regarding the International Scientific Project *Russian Writers-Classics and National Literatures* (2009–2021), Yerevan State University Named after V. Ya. Bryusov, Armenia. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 162–165. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.17

В Ереванском государственном университете им. В. Я. Брюсова более десяти лет реализуется уникальный международный научный проект «Русские писатели-классики и национальные литературы». Начиная с 2009 г. по настоящее время были проведены научные конференции, приуроченные к юбилейным датам и посвященные межкультурным

связям в творчестве русских писателей-классиков: Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. С. Грибоедова, Н. М. Карамзина, М. А. Булгакова, А. И. Солженицына, А. А. Ахматовой, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака. В научном форуме за 12 лет приняли участие без малого 800 исследователей из разных стран (Армении, России, Германии, Грузии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Литвы, Румынии, Словакии, США, Узбекистана, Японии), научных и образовательных центров России: ИРЛИ РАН «Пушкинский Дом», Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына, МГУ им. М. В. Ломоносова, Уральского федерального университета и др. Уникальность научного проекта «Русские писатели-классики и национальные литературы» заключается в том, что творчество русских классиков одновременно исследуется большой группой ученых, принадлежащих к различным научным школам и направлениям, что позволяет получить разномасштабное представление о творчестве того или иного автора. Итогом проведения научных конференций становится издание их материалов, объединенных всякий раз именем русского писателя-классика.

Бессменным организатором и идейным вдохновителем масштабного научного проекта является Михаил Давидович Амирханян, доктор филологических наук, профессор, председатель общества «Армения – Россия», руководитель Центра русского языка и культуры Ереванского государственного университета им. В. Я. Брюсова.

В рамках международного научного проекта 12–14 октября 2021 г. в Ереване состоялась XVIII Научно-практическая конференция, посвященная 200-летию юбилею Ф. М. Достоевского, — «Ф. М. Достоевский: русская и национальные литературы». В докладах участников конференции обсуждение наследия великого классика русской и мировой литературы осуществлялось по трем ключевым направлениям: «Художественный мир Ф. М. Достоевского», «Достоевский и русская литература XIX–XXI столетий», а также «Достоевский и национальные литературы».

Первая секция объединила доклады, в которых затрагивался самый широкий спектр проблем индивидуально-авторской поэтики писателя: особенности языка и стиля сентиментального романа «Белые ночи» (доцент Ширакского государственного университета А. Г. Оганесян); специфика образной структуры романа «Униженные и оскорбленные» (доцент МГПУ Т. С. Карпачева); принципы сюжетно-композиционной симметрии в романе «Преступление и наказание» (кандидат филологических наук, преподаватель «Школы Марьяна Роцца им. В. Ф. Орлова» Л. Е. Млечко); своеобразие приемов комического в рассказе «Крокодил» (заведующий кафедрой литературы Астраханского госуниверситета Е. Е. Завьялова). Кроме того, были представлены доклады, посвященные доминантам художественного мышления Достоевского в целом (доцент УФУ А. В. Подчиненов); универсальным парадигмам философской и религиозной антропологии писателя (младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ О. С. Валуев; доцент ИГН МГПУ С. Б. Калашников).

Заседание секция «Достоевский и русская литература XIX–XXI столетий» оказалось не менее представительным и интересным. Докладчики затронули разнообразные аспекты взаимодействия «текста творчества» Достоевского со многими произведениями последующей русской литературы: повестью И. А. Бунина «Суходол» (доцент ОмГПУ Т. И. Подкорытова); творчеством А. Блока (доцент Иркутского государственного университета О. Ю. Юрьева); романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (доцент МГПУ Е. Ю. Колышева); романом Вяч. Пьецуха «Новая московская философия» (профессор МГПУ А. И. Смирнова); произведениями В. Гомбровича (профессор БФУ Л. А. Мальцева); Э. Радзинского (доцент ТюмГУ Л. С. Кислова); Б. Акунина (профессор УФУ Т. А. Снегирева). Особый интерес вызвали доклады начальника управления международной деятельности Алтайского государственного университета М. А. Домуховского «Связь политических идей Ф. М. Достоевского с современностью в контексте поиска национальной идеи России» и профессора Северо-Кавказского федерального университета И. Н. Ивановой «Образная парадигма Ф. М. Достоевского в современной отечественной литературе».

Выступления в секции «Достоевский и национальные литературы» были посвящены вопросам рецепции творчества величайшего русского писателя в различных языковых и культурных традициях. Так, в докладах профессора А. Г. Долухаяна (Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна) и доцента Ереванского государственного университета А. С. Атанесяна затрагивались вопросы издания и перевода произведений классика на армянском языке. Профессор Н. А. Базилая (Тбилисский государственный университет) в своем выступлении рассказала об особенностях восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Грузии, а профессор Российского нового университета и Сямыньского университета КНР И. В. Приорова — о специфике преподавания творчества писателя в формате дистанционного обучения в Китае. Проблемы трансляции литературного творчества Достоевского в традицию изобразительного искусства были затронуты в докладе Э. Ф. Шафранской (профессор МГПУ) и Э. Д. Меленевской (Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы).

По установившейся традиции к открытию научного форума была издана коллективная монография докладов его участников.

Примечательно и то, что международный научный и культурный проект «Русские писатели-классики и национальные литературы» год от года включает в себя все новых и новых участников из разных городов и стран. Состав гостей по-настоящему интернационален, и конференция, приуроченная к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, — ярчайшее тому доказательство: для участия в ней на адрес оргкомитета поступило более 50 заявок из вузов и научных центров более 40 городов России и 17 стран ближнего и дальнего зарубежья: Армении, Арцаха, Грузии, Индии, Италии, Китая, Словакии, России и др.

Без преувеличения можно говорить о том, что конференции цикла «Русские писатели-классики и национальные литературы» за 12 лет стали крупнейшим на всем постсоветском пространстве международным филологическим форумом, посвященным русской литературе. Многолетний опыт его проведения свидетельствует о том, что международный научный проект, реализуемый на базе Ереванского государственного университета им. В. Я. Брюсова, давно перерос узкопрофессиональные рамки, став явлением общекультурного гуманитарного масштаба.

Информация об авторе

Сергей Борисович Калашников — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Sergey B. Kalashnikov — PhD (Philology), associate professor of Russian Literature Department Institute of Humanities MCU.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07-2021 об оформлении статей в журналах и сборниках.

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>)

Образец оформления статьи

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Научная статья
УДК 81-112
DOI (указывается издательским центром)

**Средства выражения оценочности
в современном научно-историческом дискурсе**

Райскина Валерия Александровна

Институт иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
RajjskinaVA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей выражения субъективной модальности через вербализацию оценочности в современном франкоязычном научно-историческом дискурсе, обращенном к проблемам медиевистики. Рассматриваются эксплицитные и имплицитные оценки. Демонстрируются лингвоаксиологические особенности исторического подтипа научного дискурса, который сочетает объективный анализ исторических фактов с их субъективной критической интерпретацией автором-ученым.

Ключевые слова: лингвоаксиология; оценка; научный дискурс; научно-исторический дискурс; аксиологический подход.

Для цитирования: Райскина В. А. Средства выражения оценочности в современном научно-историческом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021; (2): 75–83. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.08

THEORY OF LINGUISTICS

Original article

**Axiological Verbalization Means
in Modern Scientific Historical Discourse**

Valeria A. Rayskina

Institute of foreign languages
Moscow City University,
RajjskinaVA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The paper presents subjective modal evaluative statements that are verbalized through axiological language elements in French modern scientific historical discourse regarding medieval phenomena. Various implicit and explicit values are described. The study

4. Bazhanov A. E. O roli konteksta v izuchenii nemeczkoj frazeologii. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2011; (2): 91–96. (In Russ.).
5. Zhil'cova E. L. Slozhnopodchinennoe predlozhenie v sovremennom shvedskom yazy'ke: ucheb. posobie. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 2006. 104 p. (In Russ.).
6. Raxmankulova I.-E'. S. Strukturno-funkcionalny'j podxod k issledovaniyu nemecz-kix frazeologizmov. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2009; (1): 28–35. (In Russ.).
7. Haspelmath M. Indefinite pronouns. NY: OxfordUniversityPressi; 2004. 364 p.
8. E'lektronny'j korpus tekstov na shvedskom yazy'ke Geteborgskogo universiteta. URL: www.spraakbanken.gu.se
9. Nordstedts svenska ordbok. Göteborg: Norstedts Ordbok; 2004. 1473 p.
10. Bishop D. Why is it so hard to reach agreement on terminology? The case of developmental language disorder (DLD). *International Journal of Language and Communication Disorders*. 2017; (52): 671–80.
11. Carter B. A. Teacher/Student Responsibility in Foreign Language Learning. New York: Peter Lang Publishing, Inc.; 2006. 228 p.
12. Walz A. The Psychology of Star Ratings: 3 Predictions for a World After People. 2015. URL: <https://www.apptentive.com/blog/2015/11/03/the-psychology-of-star-ratings/>

Информация об авторе

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Valeria A. Rayskina — PhD (Philology), associate professor of Roman philology Department.

Просим авторов обязательно ознакомиться с полным текстом Требований к публикации, представленном на сайте журнала: <http://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru>

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи к той или иной тематике:**

- литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннй язык): ludmilaborbotko@gmail.com;
- литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2021, № 4 (44)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 16.02.2022.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 10,75 печ. л. Тираж 1000 экз.